

Лори Форест

ДРЕВО
ТЬМЫ

Хроники Черной Ведьмы

18+

Хроники Черной Ведьмы

Лори Форест

Древо Тьмы

«Робинс»

2020

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(7Сое)

Форест Л.

Древо Тьмы / Л. Форест — «Робинс», 2020 — (Хроники Черной Ведьмы)

ISBN 978-5-4366-0763-4

В этот раз обстоятельства вынуждают Эллорен встретиться с врагами и недоброжелателями лицом к лицу. Повзрослевшей Чёрной Ведьме придётся самой искать ответы, выбираться из сложных ситуаций, учиться противостоять злу и не терять надежды. Липкая холодная мгла тянется к Эллорен, и лишь маленькая искра горячего пламени обещает спасение. Но какой ценой? Copyright © 2020 by Laurie Forest Все права защищены, включая права на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме. Эта книга опубликована с разрешения Harlequin Books S.A. Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события либо являются плодом воображения автора, либо используются в вымышленном смысле, любое совпадение с реальными людьми, живыми или усопшими, компаниями, событиями или местами является случайным.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-4366-0763-4

© Форест Л., 2020
© Робинс, 2020

Содержание

Пролог	8
Вступление	13
Глава 1. Исчадия зла	13
Глава 2. Хранители леса	21
Глава 3. Отщепенец	28
Глава 4. Побег	30
Глава 5. Тьма поднимается	41
Часть 1	43
Глава 1. Чёрная Ведьма	44
Глава 2. Магическая страсть	54
Глава 3. Маг Вивернгарда	60
Глава 4. Феи Вивернгарда	69
Глава 5. Феи смерти	80
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Лори Форест

Хроники Черной Ведьмы. Древо Тьмы

Laurie Forest

THE SHADOW WAND

Copyright © 2020 by Laurie Forest

Все права защищены, включая права на полное или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме. Эта книга опубликована с разрешения Harlequin Books S.A. Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и события либо являются плодом воображения автора, либо используются в вымышленном смысле, любое совпадение с реальными людьми, живыми или усопшими, компаниями, событиями или местами является случайным.

Cover Art Copyright © 2020 by Harlequin Books S.A.

Cover art used by arrangement with Harlequin Books S.A. ® and ™ are trademarks owned by Harlequin Books S.A. or its affiliated companies, used under license.

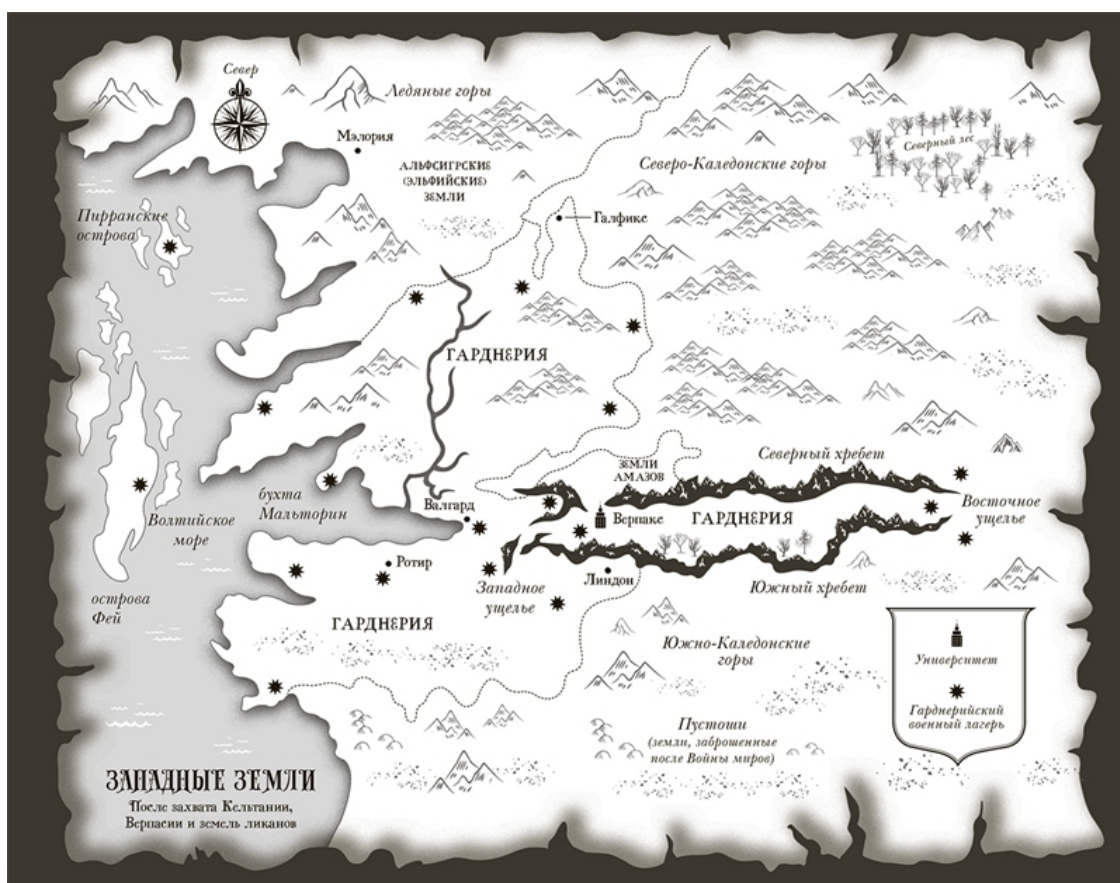
Обложка © 2020 by Harlequin Books S.A.

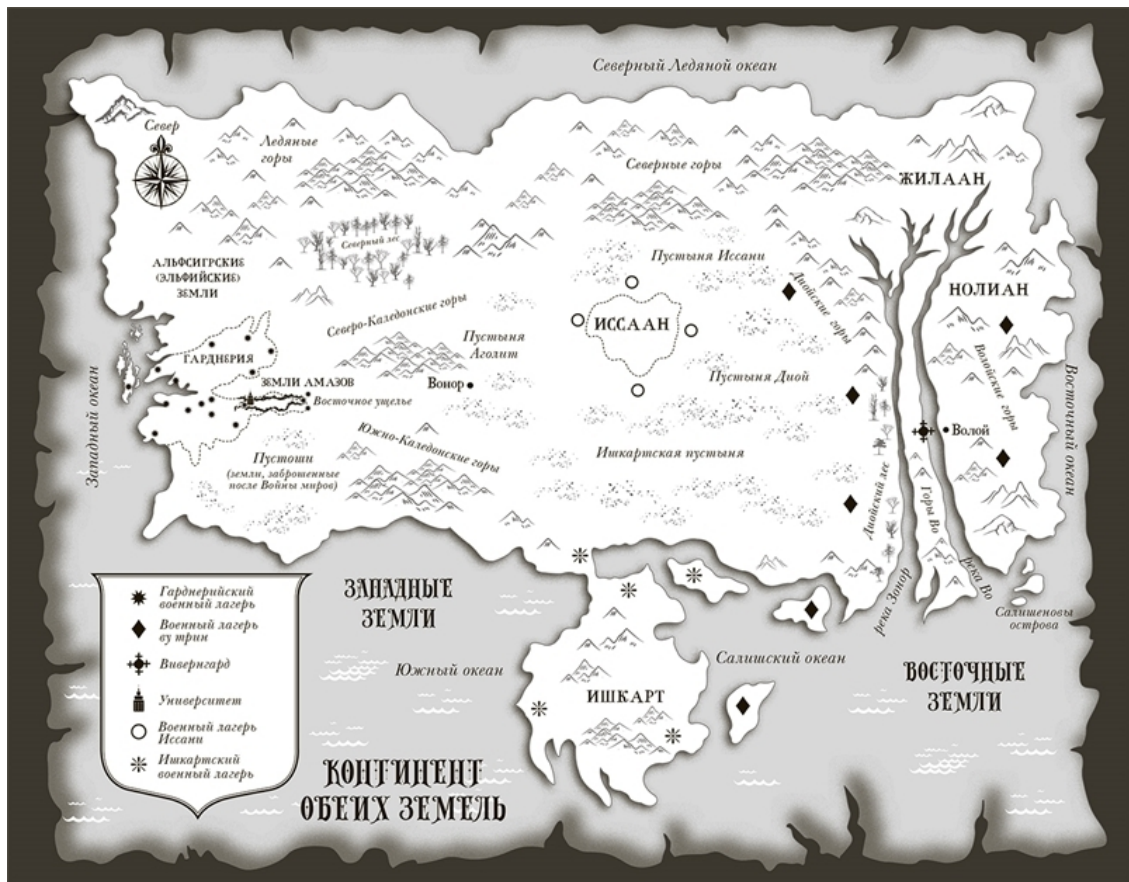
Иллюстрации на обложке использованы по договорённости с Harlequin Books S.A.

© ООО «Издательство Робинс», перевод, издание на русском языке, иллюстрации в книге, 2021

Посвящается Лиз, которая поделилась этой историей со мной с самого начала

Маме и Диане: ваше пыльное наследие живёт на этих страницах

Гарднерийское пророчество

(Предсказано толкователями священного жребия – ясновидящими железного древа Первых Детей)

**Великий Крылатый восстанет,
и чёрная тень его накроет землю.
И как Ночь убивает День,
а День убивает Ночь,
так и новая Чёрная Ведьма
поднимется ему навстречу,
и сила её будет неимоверна.
Когда сойдутся они на поле брани,
разверзнутся небеса, дрогнут горы,
а воды окрасятся алым.
Будущее Эртии в их руках.**

Пророчество земли Ной

(Предсказано заглянувшими в волшебный кристалл Чёрного Гингко благословенными слугами Во)

Крылатое дитя будет рождено

**Великой богиней Во, исполненное пламенем
богини-дракона, её силой и добродетелью.
Но придёт окутанная тьмой
другая Чёрная Ведьма.
И оплетёт она Эртию
мраком и скверной.
Когда встретятся они на поле битвы,
потускнеет мир.
Ибо многоцветье его
поглотит тьма.**

Пророчествоамазов

(Предсказано у священного Красного вяза гадателями на костях, провидцами Богини)

**Дочери Богини, обратитесь в слух!
Великие силы Теней поднимаются
из проклятого мира людей.
Посреди сумрака Крылатый муж
и Чёрная Ведьма восстанут
и сойдутся в бою, круша целый мир.
К оружию,
благословенные дочери!
Близится час битвы
за Эртию!**

Пролог

Пятнадцать лет назад...

Эдвин Гарднер, оцепенев от горя, сидит на обитом шёлком стуле.

Перед ним по роскошной гостиной в смятении расхаживает его сестра Вивиан. Проклятое семейное наследие – магия – как никогда прежде давит на Эдвина. С какой радостью он бы избавился от этого «дара»!

Но ещё сильнее он не хочет слышать от Вивиан те мучительные и ужасающие вести, которые она принесла.

Мир рушится, а Вивиан, как всегда, одета безукоризненно. Её длинные блестящие чёрные локоны изысканно уложены, из причёски не выбивается ни единой пряди. Облегающее стройную фигуру платье из тёмного, как полночь, шёлка и длинная нижняя юбка с вышитыми пучками сосновых игл идеально выглажены. Повсюду в доме эта проклятая роскошь: из стен выступают силуэты натёртых до блеска железных деревьев, их обсидиановые ветви сплетаются под потолком. На полу – ковёр с узором из дубовых листьев. Из огромных, от пола до потолка, окон с витражными стёклами открывается вид на великолепный сад, где цветут кроваво-красные розы.

«Всё самое лучшее», – горько вздыхает Эдвин. Это богатство добыто за годы жестокого правления его матери в огне и битвах.

«Хоть бы никто не унаследовал эту страшную, безжалостную магию пламени», – безмолвно молит небеса Эдвин.

Вивиан всё ходит по комнате, не достаивая взглядом троих ребятишек, тоскливо сжавшихся в углу. В груди Эдвина с каждой минутой нарастает скорбь. Ещё немного – и, кажется, разорвётся сердце.

Его брат Вейл и Тессла, его жена и соратница, – мертвы.

От стискивающей горло боли так трудно дышать! Те, кого он любил больше всего на свете, мертвы. Эдвину хочется рвать на себе волосы и в отчаянии взывать к небесам. Наброситься с кулаками на свою могущественную сестру или даже бросить вызов всей чудовищной стране – Гарднерии. Однако Эдвин не имеет права давать волю чувствам. Детям нужна его помощь и защита. Детям Вейла и Тесслы.

Рейфу, Тристану и Эллорен.

– Выступать против Гарднерии смертельно опасно, – встревоженно предупреждал он Тесслу совсем недавно, когда они жарко спорили у неё дома в Валгарде. – Ты не представляешь, на что способна моя мать. Её магия темнеет, Тесс. Сила пожирает её изнутри и рвётся наружу.

– Я не могу остаться в стороне, – упрямо ответила тогда Тессла, и в её голосе прозвучали металлические нотки. – Они устраивают облавы на фей, Эдвин! Забирают даже детей. Мы должны им помочь!

– Но почему именно ты?

– А как иначе? Разве ты сам не видишь? Гарднерийцы поступают так же, как когда-то обращались с ними кельты и уриски. Детей сгоняют, как скот. Целые семьи прогоняют с нажитых мест. Разве можно молча смотреть, как твою семью, твой народ отправляют на смерть, безучастно слушать крики детей?

Щёки Тесслы тогда разругались, зелёные глаза горели огнём.

Она была так прекрасна, что Эдвину стало больно на неё смотреть.

И всё же он попытался ещё раз.

– Подумай о детях. – Каждый раз, когда Вейл и Тессла уходили на битву с неистребимым злом, малышей оставляли с ним. – Если с вами что-то случится, что станет с Рейфом, Тристаном и Эллорен?

Тессла покачала головой.

– Я не могу сидеть сложа руки, пока вокруг творится несправедливость!

– Ты не победишь в этой борьбе, Тесс!

Тессла и Вейл играли с судьбой. Что они могли сделать против всеокрушающей магии его матери и всего гарднерийского войска, тайно примкнув к Сопротивлению? Вейл и Тессла спасали, уводя по тоннелю сквозь Восточный хребет целые семьи народа фей, им помогали Бек Килер, Фейн Квиллен, Джулс Кристиан и другие.

Навечно поселившийся в Эдвине страх всё усиливался.

Он давно боялся, что однажды Вейла и Тесслу поймают и казнят, обставив всё так, будто те пали смертью храбрых. И умолчат об их участии в Сопротивлении.

Чтобы не запятнать репутацию Чёрной Ведьмы.

И теперь он сидит здесь, а сердце его разрывается от горя – произошло именно то, чего он так страшился: Вейла и Тесслу схватили три дня назад, когда они пытались спасти детей водных фей, которых готовили к отправке на Пирранские острова. Брата вместе с женой отконвоировали в ближайший военный лагерь и там казнили по приказу его матери, скрыв ото всех, кроме нескольких избранных, правду об их связи с Сопротивлением.

А сегодня утром пришла другая вест, принеслась ураганом, сметая всё на своём пути и сотрясая Восточные и Западные земли.

Его мать, Чёрная Ведьма, мертва.

Пала от руки икарита. Он погиб вместе с ней, в том же клубке драконьего пламени – подходящий конец царству огня, которое грозило захватить Восточные и Западные земли, выжгло леса и превратило восточные заливные луга и земли южных урисков в пустыни.

Дурное предчувствие собирается в груди Эдвина колючим комом, с каждой минутой ему всё труднее дышать.

Гарднерийцы захотят отомстить. За последние годы они накопили довольно сил. Благодаря его матери Гарднерия в десять раз увеличила свою территорию и надолго останется самым мощным государством Эртии. Бросить ей вызов сумеют, возможно, только временные ненадёжные союзники – альфсигрские эльфы.

Гарднерийцы начнут искать нового великого мага.

Эдвин в тревоге оглядывается на детей.

Рейф Гарднер, его племянник, внимательно следит за дядей и тётей, сидя на расшитом узорам из дубовых листьев ковре. Рейфу всего пять лет, однако ведёт он себя почти как взрослый, защитник младших. Беззвучно плача, Рейф обнимает совсем маленького Тристана.

Малыш сжался в комочек и, покачиваясь, хнычет, зовёт родителей: «Па-па, ма-ма, па-па, ма-ма».

Сердце Эдвина готово выпрыгнуть из груди. Тристан очень хрупкий ребёнок, он всегда часто плакал, его мучили кошмары. У этого худенького малыша большие, полные страха глаза.

Рядом с братьями – Эллорен, ей три года.

Девочка крепко сжимает лоскутное одеяло, подарок матери. Незадолго до рождения дочери Тессла с любовью выбрала цветные лоскутки и сшила из них тёплое одеяло. На лицевой стороне – рисунок: раскидистое дерево с ярко-зелёными листьями, вышитые птицы сидят на ветвях, у корней играют лесные звери. Эллорен тихо всхлипывает, уткнувшись в мягкую ткань.

Не в силах больше терпеть, Эдвин опускается на колени рядом с Эллорен и обнимает малышку. Девочка тянется к дяде и прижимается к нему, не выпуская из крошечных рук одеяльце.

Вивиан с ледяным отворачиванием смотрит будто бы сквозь брата.

Её обжигающий взгляд направлен на детей. Для неё они омерзительные потомки Вейла и Тесслы, ненависть к которым Вивиан теперь перенесла на детей. Эдвин крепче обнимает Эллорен. В это мгновение под леденящим взглядом сестры он принимает решение.

Он нужен детям, и он любит этих малышей.

– Дети будут жить у меня, – сообщает он Вивиан.

Голос его звучит хрипло, но очень решительно. Эдвин даже сам удивляется своей непреклонности.

Морщинка между бровями Вивиан становится глубже, её кулаки сжимаются, острый взгляд пронзает Эдвина насквозь. Она не на шутку раздражена и в то же время сбита с толку – Эдвин даже понимает почему.

– Хорошо, – соглашается Вивиан и поджимает тонкие губы, бросив на прощание ещё один раздосадованный взгляд на детей.

Она явно мечтает поскорее избавиться от малышей и забыть об их существовании. Вивиан направляется к двери, но вдруг останавливается и оборачивается. На этот раз от её взгляда у Эдвина по спине бегут мурашки – теперь она смотрит на детей оценивающе, с некоторым любопытством.

– Ты проверишь, владеют ли они магией, – непререкаемым тоном требует она. – Дашь им по волшебной палочке и проверишь. И поскорее. Если им досталась волшебная сила, сразу же мне сообщи. Наша мать, если бы осталась жива, настояла бы проверить детей без промедления. – Её голос дрожит, и в глазах блестят слёзы, однако Вивиан сразу же берёт себя в руки и сурово продолжает: – Их родители оказались предателями, но, быть может, если детей воспитать правильно, они ещё смогут занять подходящее место в обществе.

Эдвин, беспомощно моргая, смотрит на сестру. Как же он её ненавидит!

«Их родители».

«Нет, Вивиан! – хочется воскликнуть ему. – Не их родители, а наш брат и его супруга!»

Однако спорить с Вивиан бесполезно, и Эдвин понимает это лучше всех. Она видит лишь то, что желает видеть. Для Вивиан мир делится лишь на две части: на Исчадия Зла и гарднерийцев. И каждый сам выбирает, на чью сторону встать.

Но Эдвин уже знает, что делать. Он не выполнит требования Вивиан. Но и поступать так, как пожелали бы Вейл и Тессла, тоже не станет.

«Прости меня, Вейл. И ты, Тессла, прости».

Эдвин ещё крепче обнимает Эллорен, чувствуя, как его захлёстывает волна безграничной нежности к малышам.

Если кто-то из детей унаследовал волшебную силу их с Вивиан матери, он никому об этом не скажет. Он защитит детей от этого.

Никто их не получит.

Ни гарднерийцы. Ни Соппротивление.

Он положит конец злой, губительной магии.

Спустя несколько месяцев Эдвин решается дать Рейфу, Тристану и Эллорен волшебные палочки и посмотреть, что получится.

Он выезжает с каждым из малышей за город, уходит вглубь леса, где никто их не увидит и не почувствует всплесков магии.

Эдвин искренне надеется, что никакой магии в племянниках нет.

И его надежды почти сбываются.

Рейф вполне мог бы унаследовать способности матери: он добрый, сильный, уверенный в себе мальчик. В малыше безошибочно чувствуется стальная воля, чего никак не ожидаешь от такого крохи. Однако настоящим волшебством судьба Рейфа обделила, если не считать тонкого лепестка земной магии, который обнаружил Эдвин.

Тристан, правда, вырастет сильным магом. Двухлетний карапуз уже выговаривает заклинания и тянется к водной магии. Однако великим ему не стать. Нет в мальчике той безумной всепоглощающей волшебной силы, какая жила в его бабушке. Тристан, скорее всего, станет

водным магом пятого уровня, но не выше. К тому же он чуткий, впечатлительный мальчик, совершенно не склонный к насилию.

Осталось проверить Эллорен.

Пока они пробираются в лесную чашу, девочка доверчиво держит Эдвина за руку, и он возносит беззвучную, но страстную молитву.

«О Древнейший! Прошу тебя, пусть магия не коснётся этого ребёнка».

Эллорен беззаботно скачет по тропинке. Ей хорошо в лесу. Как всем гарднерийцам, в крови которых ни капли магии.

Однако Эдвин уже не раз встревоженно замечает, как тянется Эллорен к деревьям и к лесу. Она часто собирает листья, набивает ящики письменного стола пучками тонких веточек, прячет кусочки коры в карманах и под кроватью.

Эдвин заставляет себя улыбнуться девочке, и её личико озаряется радостью.

У неё резковатые черты лица, как у Вейла. Пожалуй, слишком угловатые для такой доброй, прелестной малышки.

«Эллорен – точная копия своей бабушки!» – неожиданно понимает Эдвин.

Он старательно гонит прочь эту мысль. Вейл, конечно, был очень похож на мать и унаследовал волшебную силу, однако великим магом не стал. Возможно, и в тяге Эллорен к лесу нет ничего особенного. Эдвин и сам любит работать с древесиной, часами вытачивает детали скрипок. А ведь он всего лишь маг первого уровня.

«Ничего, Эллорен тоже не станет сильным магом, мы с ней похожи», – мысленно твердит Эдвин.

Под птичий щебет они выходят на небольшую поляну, залитую солнечными лучами. Эллорен смеётся и кружится, как семечко клёна. Остановившись, девочка с ясной улыбкой смотрит на дядю.

– Смотри, что я припас для тебя, Эллорен, – говорит Эдвин, доставая из глубокого кармана накидки волшебную палочку. С нарастающей тревогой он протягивает её девочке.

– Зачем она? – Малышка с любопытством разглядывает странный подарок.

– Есть такая игра, – беззаботно начинает рассказывать Эдвин, между делом устраивая на пенёчке небольшую свечу. – У тебя в руках волшебная палочка, и я покажу тебе, что она может сделать. – Эдвин опускается на одно колено и осторожно показывает Эллорен, как правильно сжать маленькими пальчиками рукоятку. Его руки непроизвольно вздрагивают, будто от плохого предчувствия. – Держи крепче, Эллорен.

Девочка встревоженно смотрит на дядю – слишком явно он дрожит, не заметить нельзя, – однако Эдвин улыбается племяннице, и она уверенно сжимает волшебную палочку тонкими пальчиками.

– Вот так, Эллорен. – Эдвин поднимается. – Теперь, пожалуйста, попробуй повторить за мной несколько смешных слов. Справишься?

Эллорен задорно улыбается и уверенно кивает.

У Эдвина вдруг неприятно холодеет в груди. Какая послушная девочка! Она так сильно хочет понравиться, выполнить любую просьбу!

«Такую нетрудно убедить в чём угодно».

Эдвин на древнем языке медленно произносит заклинание огня – слова незнакомые, интонации странные, такие редко услышишь.

– Запомнишь? – спрашивает он племянницу.

Эллорен кивает и уверенно направляет кончик волшебной палочки на свечу. Эдвин повторяет заклинание ещё несколько раз, давая малышке время привыкнуть к непонятным звукам.

– Твоя очередь, – говорит Эдвин, стараясь не обращать внимание на громкий стук своего сердца – в нём слились и надежда, и невыразимый страх.

Элорен произносит заклинание, выговаривая каждое слово чисто и правильно, её рука слегка вздрагивает. Внезапно девочка на мгновение замирает, будто натянутая струна, а потом резко откидывает голову.

Из кончика волшебной палочки вырывается пламя. Столб огня сметает на своём пути и свечу с пеньком, и несколько деревьев на краю поляны, и вот уже перед Эдвином вырастает огненная стена – рычащее чудовище.

Вырвав волшебную палочку из рук Элорен, Эдвин подхватывает племянницу и бежит прочь, а за его спиной с рёвом горит и рушится лес.

Весь следующий год Эдвин делает всё, чтобы стереть тот день из памяти девочки.

Когда Элорен мучают кошмары, ей снится горящий лес, дядя убеждает её, что она увидела необычайно сильную грозу. Страшную, ошеломляющую грозу, молнии тогда подождли лес и превратили его в пылающий ад.

Эдвин повторяет эту выдумку раз за разом.

И со временем девочка верит ему. Истинные воспоминания тускнеют.

* * *

Однако лес помнит всё.

Деревья рассказывают друг другу о случившемся, история страшного пожара путешествует по перепутанным корням из леса в лес. Послание неутомимо пробирается в Северный лес. К дриадам-хранительницам.

К древнейшему дереву.

«Чёрная Ведьма вернулась».

Вступление

Глава 1. Исчадия зла

Тьеррен Стоун

Наши дни

Четвёртый месяц

Северный лес Гарднерии

Лошадь Тьеррена идёт в ногу с отрядом элитных магов. Всадники следуют за своим молодым, уверенным в себе командиром Сайлусом Бэйном. Они направляются вглубь Северного леса Гарднерии.

Бесчисленные листья шелестят на лёгком ветерке, и Тьеррен с благоговенным трепетом смотрит на окружающий их лес. Никогда раньше он не видел таких деревьев.

Старые железные деревья. Древний нетронутый лес. Первозданный.

Стволы деревьев огромные, такие обхватишь только втроём. Под роскошными густыми кронами изумрудных листьев пасмурный день кажется ещё сумрачнее. На западе изредка грохнет далёкий гром. Пахнет сыростью и глиной. И чем-то ещё.

Короткие волосы на затылке Тьеррена встают дыбом от щемящей душу тревоги.

В сгущающихся предвечерних тенях деревья всё ниже клонятся к всадникам. И совсем неприветливо.

«Деревья нам не рады».

Эта мысль возникает так внезапно, что Тьеррен тут же с негодованием её гонит. Бросив долгий взгляд на густой лес, он медленно выдыхает и качает головой. Отряд скачет вперёд. Нет ни малейшей причины пугаться леса, уж деревья-то точно не могут причинить никому вреда. И вообще бояться нечего. Тьеррен оглядывает свою новую военную форму: мундир без единого пятнышка, у обшлагов мерцают пять серебристых полосок – знак практически непревзойдённого уровня владения магией воды и ветра.

– Готов поохотиться на фей? – с довольной улыбкой спрашивает внезапно появившийся рядом Бреннет, вечно взлохмаченный толстяк. – Взорвём остроухие головы?

Вечно этот зануда пристаёт со своими глупостями! Зачем-то втирается в доверие. Они оба гарднерийские маги пятого уровня, но на том их сходство заканчивается. Бреннет непростительно туп и совершенно не отягощён моральными принципами, как и остальные его родственники, в то время как семья Тьеррена принадлежит к общине Стивианов, наиболее благочестивых гарднерийцев.

Истинных гарднерийцев.

Тьеррен, стараясь не отставать от отряда, отвечает Бреннету лишь взглядом, в котором мелькает едва заметное осуждение. На шее у Бреннета нет цепочки с серебряной сферой, мундир отмечен не белой птицей Древнейшего, как у благочестивейших гарднерийцев, а шаром Эртии. Сам Тьеррен постоянно ощущает вес серебряного ожерелья на шее, единственно правильный способ носить символ Древнейшего – шар Эртии, скованный цепью священного государства магов. На военной форме Тьеррена белеет благословенный силуэт белой птицы.

Поднявшийся ветер будто высвистывает в ветвях деревьев совершенно недвусмысленный приказ: «Уходите!»

Тьеррен тревожно оглядывается. Холодок скользит по его шее и спускается по спине вдоль позвоночника, будто скелет касается его пальцами. Что-то неладно.

От деревьев веет непонятной враждебностью.

Прежде чем ему удаётся отогнать неприятные ощущения, в груди вспыхивает праведный гнев. Тьеррен в ярости оглядывает густой лес. Проклятые дикие земли! Истинно сказано в «Книге Древних»: дикие земли – прибежище Исчадий Зла, и живые леса гарднерийцам ещё предстоит превратить в мёртвую древесину.

Стволы и ветви пойдут на волшебные палочки, на церкви и дома в священном государстве магов.

Дикие земли необходимо очистить. Подчинить воле сильного, как требует того «Книга».

«Мы срубим вас под корень, – мысленно обещает в праведном гневе Тьеррен. – Сожжём, оставив лишь пепел, спалим вместе со всем, что вы прячете в чаще».

И это не пустая угроза. Гарднерийские войска постоянно сжигают большие участки Северного леса, освобождая пространства для ферм и заодно выкуривая затаившихся фей. Прежде гарднерийцы полагали, что порочные феи и их потомки давно исчезли в пламени Войны миров, но многие, как оказалось, выжили, скрываясь в отдалённых Северных лесах.

Пока маги не взялись за лес всерьёз.

Всем известно, что феи – это чудовища, отвратительные безнравственные существа, преисполненные беспричинной ярости и греха. Тьеррену о них достаточно рассказали, предупредили, как они умеют вбирать злые силы диких земель и нападать на безвинных магов-гарднерийцев, изгоняя их прочь с возделанных пашен.

Тьеррен горделиво приосанивается в приливе пьянящей отваги.

Как бы ни были опасны феи, он готов, если потребуется, отдать жизнь, защищая свой народ от страшной угрозы. Он с радостью впишет своё имя в благословенную историю освобождения гарднерийцев. И это будет подлинная история.

Да исполнится воля Древнейшего.

– Говорят, там будут женщины, – сально ухмыляется вдруг Бреннет, подмигивая Тьеррену. – Не помешает вытряхнуть их из лохмотьев и как следует осмотреть, прежде чем окончательно от них избавиться. – Он снова усмехается, приоткрывая крупные потемневшие зубы, как будто они с Тьерреном лучшие друзья.

Тьеррен брезгливо отворачивается и упирается взглядом в колонну солдат, скачущих впереди по двое.

«Раздеть фей». – От этой мысли Тьеррена передёргивает.

Как это порочно, мерзко, да и попросту... неправильно. Всё равно что раздевать демонов.

Тьеррен, уже не скрывая омерзения, поворачивается к Бреннету. Видимо, жирный вояка уловил наконец настроение так называемого лучшего друга, потому что его широкая улыбка исчезает, и он нервно сглатывает, сплюнув напоследок под копыта лошадей.

«Да что с ним такое?» – удивляется Тьеррен. Такие желания могут возникнуть только между магами. Так думают друг о друге лишь наречённые и супруги.

Вспомнив нежное лицо Элисен, Тьеррен невольно смягчается.

«Милая, прелестная Элисен».

Взглянув на линии обручения, обвивающие его руки, он вспоминает розовые губы Элисен и её ярко-зелёные глаза, великолепные чёрные локоны, нежную кожу, мерцающую изумрудными оттенками в лунном свете.

Она подарила ему один короткий, но головокружительный поцелуй. Всего две недели назад им удалось скрыться от повсюду сопровождавшей Элисен дуэньи и уединиться за густой изгородью его поместья. Тьеррен до сих пор ощущает на губах вкус её губ, помнит, как обнимал тонкую девичью талию, как прижималось к нему тело наречённой.

Тьеррен мечтает, как вскоре познает её всю. Им обоим недавно исполнилось восемнадцать, и через неделю обряд скрепят в храме. Их брак вступит в законную силу.

Вот только надо разделаться с феями, завершить эту охоту.

«Тебя ждут великие дела, Тьеррен», – сказал ему утром маг Сайлус Бэйн.

Вспомнив мудрые советы матери, Тьеррен уже спокойнее смотрит на Бреннета.

«Древнейший осеняет земли магов своей милостью, видя нашу чистоту и добродетель. Те, кто не придерживается наших строгих правил, пребудут с нами из милости. Однако, если не примкнут к нам, раскаявшись и приняв наши законы, во времена Великой жатвы Древнейший отбросит их прочь с истинного пути и наречёт их Исчадиями Зла».

Вот так. В жизни всё просто. Следуй закону священной книги, и удостоишься благодати. А нет – выпадешь из жизни, станешь парией.

«Убирайтесь!»

От деревьев пышет ненавистью, и Тьеррен, ощутив эту горячую волну, невольно вздрагивает. Несколько лошадей сбиваются с рыси и пятятся, как будто почувствовав исходящее от леса предостережение. Тьеррен, крепче ухватив поводья, оглядывает лес. Бреннет делает то же самое. Надвигается буря, тени становятся всё гуще и мрачнее.

Бреннет раздражённо озирается.

– Спилить бы тут всё, и поскорее, – бормочет он, не сводя глаз с деревьев.

Кроны на глазах как будто становятся гуще. Ветви переплетаются. В воздухе разливается напряжение.

Точнее, враждебность.

От тёмных стволов, будто злым ветром, веет холодной неприязнью, однако Тьеррен не намерен отступать. Он прочёл священную книгу вдоль и поперёк и потому знает, чем закончится эта история.

«От вас ничего не останется», – мысленно говорит он деревьям, невозмутимо глядя вглубь леса, отважно желая приблизить время жатвы и сразиться за священное государство магов.

Поднимается ветер, ветви склоняются к всадникам ниже, чем прежде. Лошади встают на дыбы и прядают ушами, гарднерийцам снова приходится успокаивать скакунов.

«Убирайтесь!»

– Чувствуешь? – свистящим шёпотом спрашивает Бреннет. На его лице проступает страх. – Нас окружают, что ли... – Он натянуто ухмыляется, словно пытаясь убедить себя, что несёт ерунду. – Или мы двигаемся напрямик в ловушку. – Из горла Бреннета вырывается глухой смешок, но в глазах, блуждающих по тёмным гладким стволам, застывает страх. – Хорошие феи – мёртвые феи, – угрюмо бормочет он и поворачивается к Тьеррену в поисках одобрения. – Согласен?

Командер Бэйн, возглавляющий их отряд, поднимает руку, требуя внимания. В воздухе пахнет гарью.

Всадники переходят на медленную рысь и останавливают лошадей там, где обрывается лесная дорога. Их встречают двое пеших магов. Тьеррен удивлённо оглядывается: странно, дальше дороги нет. Как всё-таки далеко на север они забрались!

«Невероятно, – думает он, вздрагивая от озноба. – Мы на краю северных дорог. У самого дальнего предела. Впереди только бесконечные дикие пустоши».

Один из пеших магов – серьёзный, сосредоточенный – приближается к командеру Бэйну, салютует ему, прижимая кулак к груди, и тут же кивает на стену деревьев.

– Они там, недалеко, – сообщает он. – Мы выкурили из чащи целую толпу дриад.

«Дриады – древесные феи».

Тьеррен вглядывается в непроходимый лес, его сердце бьётся чаще, зрение и слух обостряются в предвкушении первой битвы с феями. Вдохнув поглубже, он с новой верой в себя и священное дело гарднерийцев готовится наконец-то сразиться с Исчадиями Зла, встать на защиту государства магов.

– Спешиться! – командует Бэйн. Его уверенный голос ясно доносится до самых последних рядов.

Всадники спрыгивают на землю, привязывают встревоженных лошадей к деревьям, оставляя их на попечение конюха, и следуют за командером в лес. Бэйн двигается уверенно, не колеблясь; запах дыма ощущается всё острее.

Беззвучно проговаривая заклинания стихий воды и ветра, Тьеррен достаёт из ножен волшебную палочку, готовясь к бою и обращаясь к магии.

Древесные феи опасны, среди них есть и те, кто умеет черпать магию из сил природы, притягивать её и направлять на врагов через ветви деревьев. Иногда дриады натравливают на противников диких зверей. Недавно гарднерийским войскам сообщили о дриадах, которые совсем недалеко, к югу отсюда, направили на магов небольшие, но мощные смерчи и целые стаи хищных птиц в отместку за сожжённые леса и зачищенные пустоши.

Они мстят за возвращение земель, по праву принадлежавших государству магов.

«Всё равно. – Тьеррен вглядывается в деревья, от которых по-прежнему исходит угроза, и неуклонно продвигается вместе с отрядом в самую чашу. – Скоро я создам огромный смерч, который поглотит и тебя, лес, и всех фей, прячущихся в глуши».

Пронзительный детский крик прорезает тишину, и Тьеррен, вопросительно оглядываясь, замедляет шаг, однако товарищи по оружию, кажется, не обращают на неуместный звук ни малейшего внимания.

Тьеррен в замешательстве ускоряется, чтобы не отстать от отряда, каблуки его сапог проваливаются в мягкий мох.

Снова детский плач – совсем рядом плачет ребёнок.

Надрывный крик младенца не даёт сосредоточиться.

Женщины о чём-то просят, умоляют на непонятном языке.

Тьеррен озадаченно вглядывается вперёд, в просветы между деревьями. Наконец отряд выходит на небольшую полянку, на другой стороне которой деревья сгрудились ещё гуще, если это вообще возможно. По краям вырубки горят костры – там солдаты уже подожгли деревья.

А вот и они.

Дриады.

Остроухие зеленокожие древесные феи выстроились длинной вереницей, плечом к плечу перед стеной нетронутого Северного леса.

Как будто защищая деревья собственными телами.

Однако... более жалкой линии обороны Тьеррену видеть не доводилось.

Маг изумлённо оглядывается. Он видел изображения дриад, ему показывали ужасных существ с безумным взглядом, увитых гнилыми и гниющими ветвями, с отвратительными длинными, острыми зубами. Чудовищно опасных.

А эти, стоящие перед ним феи, совсем другие.

Да, у них зелёная кожа, гораздо более глубокого изумрудного оттенка, чем у гарднерийцев, чёрные волосы, зелёные глаза и остроконечные уши. И одеты они в странные балахоны, которые, судя по всему, сделаны из непонятно как склеенных листьев.

Но на этом сходство с кошмарными чудовищами с картинок заканчивается.

Пожилая дриада с седыми, почти снежно-белыми волосами складывает на груди руки, как в молитве. Она падает на колени, обращаясь к гарднерийцам с длинной, непонятной, но явно умоляющей речью. Рядом с ней мальчик, он цепляется за старуху, уткнувшись лицом в её накидку, и девочка лет десяти, не старше, твёрдо стоит, словно упершись ногами в землю, и сжимает в руке большой камень. Её лицо дышит ненавистью, дыхание со свистом вырывается сквозь зубы вместе с угрожающими словами. Внезапно она бросает камень в шеренгу магов, но девочка слишком слаба, и камень не долетает до цели.

Здесь женщины, старики, дети и подростки.

Все они будто покрыты сажей: их кожа, одежда, волосы усеяны тёмными крупинками, напоминающими мелкие градины. Дриады тяжело дышат и едва не падают на землю, словно придавленные невидимой силой.

– Что с ними такое? – ни к кому в особенности не обращаясь, спрашивает Тьеррен.

– Они попытались атаковать нас вихрем.

Тьеррен поворачивается к ответившему бородатому солдату, соседу по шеренге.

Тот искоса бросает на мага острый взгляд:

– Вон тот парень постарался.

Бородач показывает на мальчишку лет двенадцати, с голым торсом и покрытого с головы до ног чёрными крапинками. Мальчик без устали изрыгает в сторону магов проклятия – смысл его криков понятен даже без знания чужого языка.

– Он отбросил двух магов на двадцать шагов водяным смерчем, который выплеснулся вдруг из ветвей. Керлин так шарахнулся о ствол, что сломал ногу. Ну мы и перекрыли их проклятую магию.

Тьеррен, пытаясь справиться с затопившими его разум мыслями, поворачивается к лесным феям.

Вот младенец. С круглыми щёчками. Весь в крапинках железной стружки – он плачет и кричит от боли на руках прелестной молодой женщины. Царапая лицо крошечными ручками, малыш в ужасе оглядывается на магов. Женщина, видимо, мать младенца, тщетно пытается его успокоить, отводя от розовых щёчек упрямые пальчики и стряхивая с детской кожи железную стружку.

– Вы укротили обнаруженных келпи? – деловым тоном обращается командер Бэйн к лейтенанту, просматривая какие-то документы и не обращая внимания на стоны, плач и угрозы дриад.

– Мы отравили их, маг. Воткнули железные стержни во все водные протоки.

Командер Бэйн удовлетворённо кивает, сворачивает длинный свиток в трубочку и заталкивает в походный ранец. Решительно и спокойно он оглядывает вереницу фей на противоположной стороне поляны.

– Чистокровные дриады, – восхищённо произносит он, перекрывая звучным голосом детский плач и бесконечную мольбу старухи. – Отличная работа, лейтенант, вовремя вы их выкурили.

Тьеррен не сводит глаз с детей, и к его горлу подступает комок, во рту чувствуется горечь. Малыши всхлипывают и что-то лепечут, наверное, на языке дриад, но если закрыть глаза, то кажется, что плачут гарднерийские дети.

И внешне эти дриады очень-очень похожи на гарднерийцев.

От внезапного головокружения и судорог в животе Тьеррен едва не падает на колени. Запрокинув голову, он видит короткие белые вспышки в верхушках деревьев над цепочкой дриад.

Белые птицы. Полупрозрачные, будто сотканные из тумана. Они безмолвно наблюдают.

От деревьев исходит новая волна ненависти, едва не сбивая Тьеррена с ног. Его магические линии откликаются на призыв леса, деревья будто заигрывают с ним, стараются отобрать его силу. Он с трудом ставит внутренний щит, возводя крепкую, хотя и прозрачную стену вокруг личной магии. Укрепляет броню, нанося один за другим новые пласты, однако атаки деревьев не прекращаются, они упрямо бьют в щит, пытаясь его проткнуть.

Младенец на руках у дриады плачет и плачет, и мысли Тьеррена бегут по кругу.

Он вспоминает подготовку к походу, рассказы о том, что казалось совершенно очевидным. Тогда он пропустил мимо ушей почти все инструкции и советы для глупых, сентиментальных магов.

«Они могут показаться вам похожими на людей. Так Великая тьма обманом заставляет нас верить в ложь. Не поддавайтесь. И следуйте слову священной книги».

Но Тьеррен не ожидал увидеть детей. Младенца и его прелестную мать. В глубине души он понимает, что перед ним феи в истинном обличье. Здесь нет никакого обмана.

Молодая женщина нежно и грациозно укачивает малыша. Магические силы Тьеррена устремляются к ней тонким, но сильным потоком.

Женщина отрывает взгляд от лица младенца и смотрит Тьеррену прямо в глаза.

Глядя в её зелёные, как летняя листва, наполненные слезами глаза, он в смятении замирает. Её тёмно-изумрудные губы раскрываются, и ужас страдающего сердца пронзает Тьеррена.

Откуда-то доносятся слова на всеобщем языке, понятные, хотя и произнесённые с сильным акцентом:

– Маги! Остановитесь!

Тьеррен переводит взгляд на старую, убелённую сединой женщину. Её руки сложены у груди в молитвенном жесте, зелёные глаза смотрят настойчиво и сурово. Она указывает на тёмную лесную чашу за спиной, пытаясь сообщить нечто важное.

– Сохраните нашему лесу жизнь, – зловеще произносит она. – Если умрут деревья, умрём и мы. А потом умрёте вы. Мы все погибнем.

Слыша этот непреклонный твёрдый голос, Тьеррен в глубине души понимает, что старуха-дриада, как бы неприятно было это сознавать, говорит правду. Его охватывает смутное, но и непреодолимое желание остановить грядущую бойню.

– Тьма надвигается, – предупреждает старуха всё тем же суровым голосом, предрекающим неотвратимую беду.

– На колени! – приказывает феям командер Бэйн.

Удивлённый до странности спокойным, почти беззаботным тоном старшего по званию, Тьеррен недоумённо оглядывается. Глаза командера опасно вспыхивают. Происходящее его будто бы забавляет.

Тьеррена передёргивает от отвращения. Его взгляд возвращается к молодой женщине с ребёнком на руках. Их глаза встречаются, и они пристально смотрят друг на друга, будто невольные свидетели и одновременно персонажи разыгрывающейся трагедии. Тьеррена охватывает неудержимое желание схватить эту юную дриаду с ребёнком и унести их как можно дальше от страшной поляны.

Женщина обращается к Тьеррену на языке фей, в её мелодичном голосе слышны нотки горестной мольбы. Тьеррен собирается было ответить, но его опережает командер Бэйн.

– «Согласно решению правительства Гарднерии, – громко читает Бэйн, – вам приказано прекратить сопротивление и освободить принадлежащие Гарднерии территории». – Командер Бэйн вздыхает, как будто приказ слишком простой и короткий, сворачивает свиток, достаёт из ножен волшебную палочку и, наставив её на фей, грозно повторяет: – На колени, я сказал!

Выстроившиеся вереницей феи упрямо отступают на шаг, и, судя по всему, этот шаг даётся им нелегко. Они стоят, вытянув перед собой руки, как будто укрепляя барьер между магами и густым лесом. Ненависть в глазах дриад пылает ещё ярче. Мальчик, яростно прищурившись, хрипло прокликает магов, молодая женщина, горестно скривив губы, прижимает младенца к груди.

Тьеррен понимает, что грядёт нечто ужасное. Его всё сильнее охватывает желание спасти женщину с ребёнком. В вышине, в самой гуще ветвей, над дриадами снова мелькают белые птицы. Эти лёгкие, почти бесплотные создания, словно зеркальное отражение белых птиц на мундирах некоторых гарднерийцев. Такая птица есть и на его мундире.

Тьеррен в замешательстве трясёт головой: неужели он сходит с ума?

– На колени! – рявкает потерявший терпение командер Бэйн. – Сию минуту!

«Подождите! – хочет крикнуть Тьеррен в стремительно рушащемся мире. – Разве вы не видите? Здесь какая-то ошибка! Остановитесь! Всё не так, как мы думали. Это вовсе не чудовища, не воины! Это просто женщины и дети!»

Седая старуха, не обращая внимания на Бэйна и направленную на фей волшебную палочку, поднимается с колен и тяжело шагает вперёд, будто отталкивая командера вытянутыми руками.

Быстро, быстрее ядовитой змеи, командер Бэйн коротко взмахивает волшебной палочкой и решительно вытягивает руку вперёд. Из кончика палочки вырывается острое ледяное копье и бьёт женщину прямо в грудь.

С коротким криком, быстро перешедшим в хрип, женщина падает на спину, заливаясь кровью.

На поляне воцаряется хаос: феи кричат и рвутся к старухе сквозь железную пелену. Дети в ужасе заливаются пронзительным плачем.

Командер Бэйн бесстрастно оглядывает противника.

– По решению правительства Гарднерии, – невозмутимо повторяет он, – вам приказано прекратить сопротивление и освободить принадлежащие Гарднерии территории.

– Мы никогда не сдадимся! – с заметным акцентом выкрикивает на всеобщем языке худенький мальчик, выпрямляясь во весь рост.

Вместе с ним, будто тёмная, неудержимая волна, поднимается и лесная сила. Тьеррен чувствует эту мощь, она пронзает его до костей.

Проникает в магические линии.

Мальчик сжимает пальцы в кулаки.

– Сейчас мы слабы, но наши Хранители узнают, как вы обошлись с нами. Деревья им расскажут. И они придут, чтобы обрушить на вас всю мощь древнего леса.

Командер Бэйн с деланным восхищением растягивает губы в улыбке. Оглянувшись на стоящих рядом магов, чтобы поделиться ликованием, он отвечает мальчику, оскалив в ухмылке зубы:

– Неужели сами деревья придут за нами? Притопают на ножках?

Подняв голову, Тьеррен видит, как верхушки деревьев, сплетаясь, тянутся со всех сторон к гарднерийцам. Листья угрожающе шелестят. По магическим линиям снова бьёт волна невидимой силы.

– Мы с деревьями – одно целое! – в ярости кричит мальчик.

Командер Бэйн издевательски фыркает и обращается к стоящему рядом бородавчатому магу:

– Пора заткнуть этих болтунов! Ради Древнейшего!

Выпрямившись, развернув плечи в боевой стойке, командер оглядывает шеренгу гарднерийцев и приказывает:

– Маги! Приготовить волшебные палочки! К бою!

Дриада с ребёнком, рыдающая на коленях у тела седой старухи, поднимает голову и печально смотрит на Тьеррена.

Облако ужаса сгущается, и Тьеррен понимает, что больше ему не вытерпеть ни секунды. Он бросается на поляну и поворачивается к шеренге магов.

– Стойте! – кричит он, поднимая левую руку ладонью вперёд.

Чуть опустив кончик волшебной палочки, командер Бэйн останавливает взгляд на Тьеррене.

– Ты с ума сошёл?

«Вот именно», – вспыхивает в голове Тьеррена короткая мысль.

– Здесь дети! – кричит он гарднерийцам. – Остановитесь!

– Здесь только дриады, – грохочет в ответ командер Бэйн. – Назад, маг Стоун! Встать в строй!

Тьеррен оглядывается на молодую женщину. Феи притихли, слышен только детский плач и редкие всхлипы. Все взгляды устремлены на Тьеррена. И вдруг он ощущает неизъяснимое родство душ с этой молодой женщиной, связь настолько сильную, что его чувство самосохранения испаряется.

– Здесь не с кем сражаться, – уверенно говорит Тьеррен командеру. – Это ошибка.

– О Древнейший! – раздражённо восклицает в ответ Бэйн. – Тьеррен, уйди с линии огня! Тьеррен лишь качает головой.

– Нет. Это не воины. – Он показывает на лесных фей. – Здесь беззащитные дети.

Потирая затылок, командер Бэйн недоверчиво мотает головой. Он будто хочет сказать, что знал таких обманутых дураков и раньше, но никак не предполагал увидеть в их рядах Тьеррена.

– Послушай, ты прекрасно знаешь, зачем мы сюда пришли, – обращается командер к подчинённому тоном, каким строгий родитель увещевает расшалившегося ребёнка. – И что собираемся сделать. – Не глядя на фей, он указывает в их сторону. – Эти Исчадия Зла напали на наших фермеров и солдат, которые всего лишь пытались очистить землю под пашни. А вон тот «ребёнок», как ты его называешь, – не глядя на бормочущего проклятия мальчика, Бэйн указывает на него пальцем, – пытался убить наших воинов. – Острый взгляд командера пронзает Тьеррена. – Ты что, хочешь разрушить свою жизнь ради... нечестивых дриад?

Во власти праведного гнева, позабыв обо всём, Тьеррен целится в грудь командеру.

– Остановитесь! Это преступление!

Бэйн мгновенно взмахивает волшебной палочкой, и чёрные щупальца опутывают оружие Тьеррена, выбивая его из рук. И тут же другие чёрные путы охватывают Тьеррена, не давая пошевелить рукой и выдавливая воздух из лёгких. Повинуясь едва заметному движению Бэйна, тёмные прочные шнуры охватывают и ноги Тьеррена, отчего он кулем валится на землю. Больно ударившись, юноша всё же не оставляет попыток высвободиться.

– Приготовиться! – командует Бэйн магам.

Гарднерийцы поднимают волшебные палочки.

– Нет! – отчаянно выкрикивает Тьеррен, теряя остатки самообладания, позабыв о всякой осторожности и рассудительности.

Лес темнеет.

– Целься!

– Нет! Стойте! – безнадежно взывает к соратникам Тьеррен, всем существом содрогаясь в волнах гнева, катящихся от деревьев. – Здесь дети!

– Огонь!

Дриады истушленно кричат, тщетно пытаясь уклониться от магического огня, бьющего из волшебных палочек гарднерийцев. Лес трепещет в невыразимой ярости. Леденящие кровь вопли мальчика, молодой женщины и младенца смешиваются с криком Тьеррена.

Глава 2. Хранители леса

Вивиан Деймон

Четвёртый месяц

Зал Совета магов

Валгард, Гарднерия

В вышине рокочет гром, и маг Вивиан Деймон бросает взгляд на полупрозрачный витражный сводчатый потолок. Снаружи собирается настоящая буря: сверкают молнии, порывы ветра врезаются в величественное здание Совета магов, свинцовые тучи затягивают небо.

Вивиан восседает вместе с двенадцатью членами Совета магов за овальным столом из железного дерева с изумительной инкрустацией – над ветвистым деревом вьётся стая белых птиц. Руки Вивиан покоятся на гладком древесном корне, которым заканчивается рисунок у дальнего конца стола, она взволнованно предвкушает предстоящее заседание Совета.

Высокие двери, искусно вырезанные из железного дерева, открываются, и сердце Вивиан бьётся быстрее, в её груди вспыхивает живительный огонь. В сопровождении двух адъютантов стремительно входит Маркус Фогель, и члены Совета встают, приветствуя верховного мага.

Моложавый высший маг Гарднерии – воплощение праведности и в то же время утончённости, его лицо пленяет идеальными чертами, взгляд пылает изумрудным пламенем. Волшебная сила, которую несёт в себе Фогель, наполняет комнату, отзываясь в магических линиях Вивиан. И тотчас все краски блекнут, мир становится чёрно-серым.

Вивиан торопливо моргает, чтобы избавиться от наваждения, и краски возвращаются так же быстро, как только что исчезли.

Фогель садится во главе стола, там, где ветви вырезанного на столешнице дерева образуют величественную крону. Адъютанты, юноши с одинаковыми квадратными подбородками, встают позади верховного мага и застывают будто неживые. Вивиан и другие члены Совета опускаются за стол. Над головой Фогеля свисает с потолка огромное перевёрнутое железное дерево, подвешенное на цепях к толстым балкам, пересекающим витражный потолок. Это весьма необычная массивная люстра: древесина цвета обсидиана отполирована до блеска. Фонари, закреплённые в ветвях, освещают зал магическим пламенем, разгоняя мрак грозовых туч.

Напряжение ощутимо сгущается, когда член Совета маг Сноуден, окунув перо в хрустальную чернильницу, выжидательно замирает, глядя на Фогеля, готовый записать аккуратным почерком постановления Совета или новые законы на гладком листе пергамента.

Вивиан опускает взгляд на лежащую перед ней ровную стопку бумаг – угол каждой страницы отмечен литерой «М», печатью Совета магов. Фонари отбрасывают мерцающий свет на тщательно составленные списки недавно обнаруженных на землях Гарднерии чужаков – зачарованных фей, полукровок, урисок, сбежавших с островов Фей и прочих Исчадий Зла, одним присутствием оскверняющих священное государство магов. Все тёмные личности уже благополучно схвачены гарднерийской гвардией и отправлены на Пирранские острова.

Большая часть работы по очищению земель магов была проделана под личным руководством Вивиан.

Она незаметно делает короткий вдох, чтобы успокоиться, сохранить самообладание. Вивиан уверена: все отчёты в идеальном порядке и верховный маг Маркус Фогель непременно и по справедливости оценит её неустанные усилия.

Но как же трудно стряхнуть преследующее её ощущение неловкости и смутного беспокойства, из которого вырастает желание снова и снова доказывать, что она, Вивиан Деймон, достойна находиться рядом с ярчайшей звездой – Маркусом Фогелем. Чтобы удержаться в кресле Совета магов, Вивиан необходимо выказать предельную преданность власти и делу,

отделить себя от прочих членов семьи – гнусных предателей: от переметнувшегося к врагу брата и племянников, равно как и от неожиданно взбрыкнувшей племянницы, сбежавшей один Древнейший знает куда.

Даже Лукас Грей, наречённый Эллорен, кажется, не представляет, куда запропастилась эта дрянная девчонка.

Беспокойство, терзающее Вивиан, вспыхивает с новой силой и постепенно переходит в гнев: «Я найду тебя, Эллорен! И тогда ты узнаешь...»

– Начнём, маги, – произносит Фогель, обводя сидящих за столом светло-зелёными, пронзительными, как у ястреба, глазами. Его длинные пальцы покоятся на тёмно-серой волшебной палочке, которую верховный маг положил перед собой на стол.

Вивиан взволнованно отзывается на вкрадчивый голос Фогеля, её гнев мгновенно испаряется, как нечто несущественное. Куда важнее ощущение магической силы, наполняющей комнату.

Долгую минуту Фогель молчит – его прожигающий насквозь взгляд готовит слушателей к дурным вестям.

– Икарита обнаружили в землях Ной.

Каждое слово обрушивается на членов Совета, будто удар молота. Со всех сторон летят яростные возгласы, и Вивиан подхватывает вихрь всеобщего негодования. Фогель остаётся мёртвенно недвижим, и, когда в комнате наконец воцаряется тишина, все взгляды устремляются на него, верховного мага.

– Где? – не удержавшись, коротко выдыхает Вивиан. Все здравые рассуждения об осторожности смывает страшная мысль: сын Сейдж Гаффни не единственный икарит-нечестивец на свете.

Под испытующим взглядом Фогеля по спине Вивиан бежит озноб, воздух в комнате едва не искрится, наполненный волшебной силой верховного мага, к которой неудержимо тянутся слабые земные линии Вивиан.

– Наши шпионы обнаружили икарита на военной базе «Унлон», принадлежащей ву трин. – Вивиан медленно осознаёт сказанное. – Найденный икарит – кельт... сын того икарита, который погубил нашу горячо любимую Карниссу Гарднер. – За столом снова звучат гневные восклицания, однако Фогель не сводит острого взгляда с Вивиан. – Он называет себя Айвен Гуриэль.

Вивиан словно пронзает насквозь горячей взрывной волной, а члены Совета возбуждённо переговариваются.

«Айвен Гуриэль! Тот кельт, в постели с которым я застала Эллорен. Он икарит».

– Икарит из пророчества, – хрипло, едва дыша, произносит Вивиан.

Она не может пошевелиться. Пол уходит из-под ног. Выходит, ребёнок Сейдж Гаффни вовсе не икарит из пророчества, настоящий демон – проклятый сын Валентина Гуриева, того крылатого, который убил её мать.

И никакой он не Айвен Гуриэль.

Его настоящее имя – Айвен Гуриев.

Растерявшая остатки самообладания, Вивиан с трудом сдерживается под пронизывающим взглядом Фогеля. Он намеренно не сводит с неё глаз, будто следя, как она леденеет от страха.

«Никто никогда не должен узнать, что Эллорен была в одной постели с сыном Валентина Гуриева», – в отчаянии говорит себе Вивиан.

– Убить его – и немедленно! – настойчиво обращается к Фогелю маг Грир.

Фогель медленно переводит пристальный взгляд на двух магов пятого уровня, охраняющих дверь в зал Совета.

– Пригласите Маврика Гласса! – приказывает он.

Стражи распахивают двери, и в зал входит высокий, статный юноша, маг пятого уровня. За его спиной развеваются полы тёмного плаща. Молодой маг весьма хорош собой, он двигается плавно, а пальцами правой руки обвивает рукоять волшебной палочки из красного дерева, вложенной в ножны сбоку. С другой стороны к его поясу прикреплены ещё три палочки из разных пород древесины и две палочки – в ножнах на левом предплечье.

– Мастер волшебных палочек Гласс, – обращается к вошедшему Фогель с всезнающей улыбкой, расцветшей на тонких губах, – продемонстрируйте Совету, что мы реквизировали у ву трин.

Маг Гласс, понимающе ухмыльнувшись в ответ, достаёт из внутреннего кармана мундира и выкладывает на круглый столик шесть небольших дисков – светящихся камней, по виду из оникса. На каждом вырезаны одинаковые руны народа ной, над которыми поднимается призрачное бирюзовое сияние.

Вивиан поражённо ахает.

– Неужели это камни портала Ной? – спрашивает она Фогеля.

– Они самые, – кивает верховный маг.

Маги за столом недоумённо перешёптываются, члены Совета оглядываются явно в замешательстве – им передаётся настроение Вивиан. В священной «Книге Древних» ясно сказано: использовать чужую языческую магию строго запрещено.

Маг Грир с отвращением на лице отодвигается от камней с рунами, дёргая чёрной бородой.

– Магия ной нечиста, – заявляет он.

– Нельзя смешивать нашу волшебную силу с чужими заклинаниями, нельзя рисковать, – поддакивает пожилой маг Сноуден, искренне негодуя.

– Мы ничего не смешиваем, – сообщает Фогель. Скользя пристальным взглядом от одного члена Совета к другому, он крепче сжимает сильными пальцами серую волшебную палочку. – Мы поглощаем.

Фогель по очереди касается камней кончиком палочки, и Вивиан отшатывается от стола, удивлённо хлопая ресницами: синеватое свечение над каждым камнем втягивается в волшебную палочку Фогеля, а руны темнеют, наполняются пульсирующей тёмной материей, и над ними медленно поднимаются колечки густого серого дыма.

– Язычники знают толк в магии, – задумчиво произносит Фогель, рассматривая тонкую струйку дыма у кончика своей волшебной палочки. – Они умеют строить порталы, владеют силой рун – слишком долго они использовали эти преимущества против нас. Вся магия должна принадлежать гарднерийцам. Только мы с волшебной силой в руках можем исполнить волю Древнейшего. Значит, и владеть магией должны только мы. Всей магией. Безраздельно.

Фогель запрокидывает голову и сосредотачивает взгляд на люстре, перевёрнутом дереве, – в ветвях вдруг слышится шелест крыльев, и на плечо верховному магу слетает прятая где-то под потолком тёмная птица.

Все члены Совета, и Вивиан вместе с ними, ахают при виде пернатого гостя одновременно с восхищением и отвращением.

Птица напоминает ворона, однако на её голове, над клювом, расположены несколько глаз неопределённого серого цвета с отсветами грядущей бури.

А вот глаз в самом центре птичьей головы другой.

Он особенный, того же пронзительного зелёного оттенка, что и глаза Фогеля.

– Что это за волшебство? – встревоженно шепчет маг Гаффни.

Дым, серой тенью поднимающийся над рунами, скрывает грудь птицы, её крылья и темя.

Фогель и птица одновременно поворачиваются к магу Гаффни. В этой синхронности движений есть что-то страшное, и Вивиан пробивает озноб.

– Рунический глаз, – спокойно сообщает Фогель.

«Он видит не только своими глазами, но и зелёным глазом птицы», – ошеломлённо понимает Вивиан.

– А зачем этой... твари столько глаз? – с непреходящим отвращением осведомляется маг Грир, сам не в силах отвести взгляда от птицы.

Фогель и многоглазый ворон без промедления поворачиваются к спросившему, и Вивиан снова вздрагивает как от порыва ледяного ветра.

– Таковы результаты усвоенной мною магии, – отвечает Фогель.

Члены Совета недовольно переговариваются.

– Есть ли другие изменённые птицы? – интересуется маг Грир.

– Пока только эта, – холодно вздёрнув подбородок, отвечает Фогель. Птица перелетает на плечо Маврика Гласса, и юный маг, сохраняющий безмятежное спокойствие, многозначительно улыбается. – Пока! – повторяет Фогель, прозрачно намекая членам Совета на возможные перемены в будущем.

– Рунический шпион, – ошарашенно выдыхает маг Сноуден и устремляет на Фогеля почтительный взгляд.

– Это явное военное преимущество, – благоговейно делится своим мнением маг-жрец Алфекс. – Древнейший одарил нас своей милостью.

Вивиан окидывает взглядом кошмарную птицу и серую волшебную палочку Фогеля: «Разве это не опасная магия, от которой стоит держаться подальше? Первобытное волшебство, сила слишком уродливая, искажённая, попросту неправильная...

Эту магию нельзя подчинить».

Однако следом за первой мыслью рождается другая.

«Что, если эта сила попадёт в руки Исчадий Зла?»

«О нет, – мысленно убеждает себя Вивиан, отгоняя страх перед тёмной магией. – Фогель прав. Конечно, как же иначе. Гарднерийцам необходимо узнать всё, научиться управлять всей магией, волшебством всех земель. Потому что гарднерийцы – избранные, путь им указывает слово Древнейшего».

– Показать Совету ещё кое-что, ваша светлость? – почтительно спрашивает Маврик Гласс.

Фогель отвечает коротким кивком, и Маврик довольно усмехается. Он вынимает другой камень и даёт членам Совета внимательно его рассмотреть. На тёмном овальном камне чернеет другая руна, сложная, многослойная, и её дымные отражения медленно поворачиваются над камнем, будто хлопья густого тумана.

Маврик крепко сжимает камень пальцами одной руки, а другой мгновенно выхватывает из ножен волшебную палочку из красного дерева. Закрыв глаза, он склоняет голову набок и касается кончиком палочки своего плеча, лицо у него при этом суровое, сосредоточенное.

Вивиан едва слышно охает, заметив, как очертания тела юного мага, вибрируя, обращаются в туман. На месте густого облака, в которое превращается Маврик Гласс, материализуется мускулистая фигура воительницы ву трин с кудрявыми чёрными волосами, угловатыми чертами лица и в чёрной военной форме солдата армии народа ной и с кошмарной чёрной птицей на плече.

По комнате прокатывается волна глухого ропота.

– Чары, – заикаясь, бормочет маг Флад. Он не скрывает восхищения новообретёнными заклинаниями. Ведь раньше менять внешность умели только феи, а привилегия открывать порталы всецело принадлежала войскам ву трин.

Глаза Маврика Гласса – тёмные, как у всех воительниц ву трин, – поблёскивают коварством.

– Камни для создания порталов заряжены почти до предела, – говорит Маврик Фогелю. Низкий мужской голос никак не подходит женственной оболочке дочери народа ной. – Сегодня вечером, не откладывая, я нанесу визит в Восточные земли, – с усмешкой сообщает он Совету.

– Икарит ещё не вошёл в полную силу, – поясняет Фогель, пока Маврик, коснувшись плеча кончиком волшебной палочки, возвращает себе привычный облик. – Маг Гласс отправится сквозь портал в сопровождении рунического глаза. Там он отыщет икарита и убьёт его.

Вивиан захлёстывается волна облегчения. Она забывает о страхе перед новыми магическими силами Фогеля, важно одно: всё будет как прежде, как должно.

Да, её родная племянница по глупости спуталась с демоном-икаритом. С тем самым отратительным демоном-икаритом из пророчества.

«Однако не пройдёт и нескольких часов, как Айвен Гуриев будет мёртв», – думает Вивиан, заставляя себя дышать медленно и размеренно. Великое пророчество разлетится под ударом гарднерийской магии, и её мать будет отомщена.

Гарднерийцев теперь ничто не остановит, взволнованно понимает Вивиан. Они смогут открывать порталы, посылать шпионов по воздуху, превращаться в кого захотят – кровавая жатва всё ближе.

Члены Совета согласно кивают, переговариваются тихими довольными голосами – они поняли и приняли силу, которую показал им верховный маг, их глаза сияют новым стремлением к общей цели.

В дверь коротко стучат, и все тут же оборачиваются.

Фогель подаёт знак птице, и она закрывает все глаза, кроме двух, превращаясь в обычного ворона, а тёмные руны растворяются в тумане. Бросив восхищённый взгляд на умную птицу, Вивиан поворачивается к двери.

Входит совсем юный худошавый вестник. Заметно нервничая, он неловко застывает, не сводя глаз с Фогеля. Стражи закрывают двери.

В зале воцаряется тишина.

– Верховный маг, вести с севера, – неуверенно произносит гонец.

– И что же нам сообщают? – невозмутимо спрашивает Фогель.

– Отряд командера Сайлуса Бэйна выманил из леса диких фей, ваше сиятельство. – Гонец упрямо сдвигает брови. – Их было восемнадцать. Все дриады.

Вивиан внутренне сжимается, услышав последнее слово, а по комнате проносится встревоженный шёпот.

– Дриады?! – восклицает маг Сноуден.

– Древесные феи? – округлив глаза, уточняет маг-жрец Алфекс. – Но это невозможно.

– Они же давно вымерли, – резко, будто выплёвывая каждое слово, произносит маг Грир. – Все! До одной! Откуда же взялись эти?

Наконец все взгляды устремляются на Фогеля, в зале воцаряется напряжённое молчание.

– Началось. – Верховный маг произносит это слово внушительным низким голосом, слышным в самых дальних уголках зала. Прикрыв глаза, он бесстрастно нараспев читает по памяти из священной книги, будто жрец, читающий молитву: – «И настанет время, и проснётся в диких пустошах тьма, и придёт на нашу землю. И Дети Древнейшего в сражении с ней обретут силу и славу».

В груди Вивиан нарастает волнение, она гордо расправляет плечи, готовая встретить опасность на праведном пути – Первые Дети встанут против Исчадий Зла.

На груди Фогеля вышита белая птица, за его спиной висит на стене новый флаг Гарднерии – белая птица Древнейшего на чёрном поле.

«Мы – стая Древнейшего», – думает Вивиан, не вытирая выступивших на глазах восторженных слёз.

Открыв глаза, Фогель обращает взгляд на гонца:

– С дриадами покончено?

– Д-да, ваше сиятельство, – заикается юноша. – Убиты все. Никто не выжил.

По залу проносится вздох облегчения.

– Однако... они пригрозили, ваше сиятельство, – добавляет вестник с неожиданными нотками сомнения в голосе.

Пульс Вивиан от нарастающего волнения учащается, а гонец будто съёживается под тяжёлыми взглядами членов Совета.

– Пригрозили? – не мигая, переспрашивает Фогель.

– Дриады, которых выкурили из леса, – натужно произносит юноша, – разговаривали на всеобщем... и сказали, что мстить за них придут воины.

За столом снова вспыхивает гневный ропот. Маг Сноуден и маг Флад осеняют себя защитным знаком звезды.

– Древесные феи очень опасны, – мрачно роняет маг Флад.

– Священному государству магов они не страшны, – тут же откликается маг Грир.

– В их руках ветви деревьев становятся волшебными палочками, – нахмурившись, качает головой маг Сноуден. – Дриады вбирают магию леса.

– А мы ударим по ним стрелами с железными наконечниками, – усмехается маг Грир. – Слегка умирим их волшебные силы.

– Что ещё они сказали, маг? – обращается Фогель к гонцу, который, кажется, не замечает бурных обсуждений, вызванных его сообщением. Члены Совета умолкают.

Вестник встревоженно оглядывается – внимание стольких магов его смущает. Юноша смотрит на Фогеля, будто загнанный в угол зверь, и сглатывает подступивший к горлу ком.

– Говорят, дриады пригрозили, что явятся нам мстить. Магией леса.

Все взгляды снова устремляются на Фогеля, словно безмолвно прося у него совета и защиты.

Верховный маг поднимает руки, словно обнимая зал и всех, кто в нём находится, на его лице проступает выражение мучительной озабоченности, он сильнее сжимает серую волшебную палочку.

– Вознесём же молитву, маги!

Вивиан послушно опускает голову, следуя примеру остальных членов Совета, и Фогель в тишине произносит молитву – размеренный речитатив успокаивает знакомой гармонией слов:

*О святейший Древнейший,
очисти наш разум,
очисти наши сердца,
очисти Эртию.
Защити нас от скверны Исчадий Зла.*

Как и все за столом, Вивиан осеняет грудь знаком пятиконечной священной звезды, каждый луч которой отмечает одну из магических линий гарднерийцев.

Фогель медленно опускает руки, не поднимая головы, и члены Совета не произносят ни звука.

Они ждут.

Наконец верховный маг открывает глаза и обводит суровым взглядом Совет магов. От его взгляда не спрячешься. Он замечает всё до мелочей. Неожиданно Вивиан ощущает новый прилив сил.

Это его магия. Волшебство наполняет зал Совета, исходя в равной мере от Фогеля и от волшебной палочки в его руке. Магия пронзает воздух.

Фогель переводит зоркий взгляд на гонца, не замечая пляшущих над стеклянным потолком молний и грохочущего грома.

– Передайте мой приказ командеру: отправить отряд магов пятого уровня в Северный лес, – решительно произносит верховный маг. – Грядут события, предсказанные Древнейшим. Дриады говорят, что придут мстить магам? Нападут на Гарднерию? За них вступятся деревья? Хорошо. Значит, мы обратим леса в пыль. – Прищуренные глаза Фогеля смотрят беспощадно. – Отыщем всех оставшихся дриад и уничтожим.

Фогель поворачивается к Совету и под аккомпанемент сотрясающего здание грома приподнимает волшебную палочку.

– Благословенные маги, Древнейший призвал нас овладеть всей Эртией, всеми её землями. Вскоре границы священного государства магов будут укреплены руническими заклинаниями и выдержат набег любых сил зла. Земля магов будет очищена от скверны.

От кончика потемневшей волшебной палочки в руке Фогеля поднимается тонкая струйка дыма, и Вивиан едва сдерживает вздох восхищения этой непостижимой красотой.

– Настало время кровавой жатвы, – нараспев произносит Фогель, и в его глазах отражаются вспышки молний. – Пришёл час уничтожить всех Исчадий Зла, проникших на священную землю магов.

Глава 3. Отщепенец

Тьеррен Стоун

Пятый месяц

Валгард, Гарднерия

– Известно ли вам, маг, – обращается к Тьеррену командер Сайлус Бэйн, – что постыдное увольнение из рядов гарднерийской гвардии лишит вас права служить в дальнейшем? И вас отвергнут все гильдии магов? Даже беднейшие фермеры с Нижней реки не наймут предателя ходить за скотиной.

Сайлус Бэйн сидит за письменным столом, окружённый старшими офицерами гвардии, все они сверлят Тьеррена гневными взглядами.

Тьеррен с не меньшей страстью отвечает на взгляд Бэйна – перед его глазами всё плывёт, в груди застыл ледяной ком. Какая разница, что о нём думают эти... Ничто теперь не имеет значения.

Когда Тьеррен вернулся домой, родители с ужасом и удивлением заметили произошедшие в нём перемены. Их любимый сын, золотой мальчик, не мог спать – его мучили кошмары, от которых он вскакивал с криком, а в тисках напавшей вдруг бессонницы Тьеррен застывал в неудачное время в странных позах. Порой он сидел неподвижно, уставившись бессмысленным взглядом в стену, вглядываясь в пустое пространство перед собой так напряжённо, как будто следил за страшными картинами. Его лицо искажали гримасы боли и страха, а под глазами залегли тёмные круги.

Сначала родители пытались понять сына. Даже заплатили жрецу, и тот провёл церемонию изгнания злых духов – родные опасались, что Тьеррена осквернили своим дыханием Исчадия Зла, с которыми он столкнулся в военном походе.

Однако вскоре тревога семьи обратилась гневом: Тьеррен стал неуправляем. Ночами он бродил по улицам, отыскивал запрещённый алкоголь и напивался дома, ни от кого не таясь. Одну бутылку родители вовремя отобрали и уничтожили, но Тьеррен принёс другие – алкоголь заглушал воспоминания, помогал справиться со страшными картинами, не желавшими покидать его мысли.

Перед глазами у него стояло лицо юной дриады. И тот малыш.

Родители советовались с жрецами и врачами – мать жалко кривила губы от унижения, на её глазах выступали слёзы всякий раз, когда она, сжав руки на груди, признавалась в нравственном падении сына. Как же случилось, что лишь одна встреча с Исчадиями Зла так его изменила, сломала, превратила в злодея, который едва отвечал за свои поступки. Совсем недавно он изрезал на куски свою военную форму – мундир гарднерийской гвардии! И поджёг флаг Гарднерии.

Тьеррен поглощал весь алкоголь, до которого ему удавалось добраться. Скупал нилантир у фермера-кельта и жевал горькие ягоды, проваливаясь в чёрное забытьё. Вскоре только так он мог прогнать постоянные кошмары, которые преследовали его во сне и наяву.

Элисен, его наречённая, пришла навестить жениха и убежала в слезах, отказываясь видеть Тьеррена и слышать о нём – родители девушки прилагали отчаянные усилия, чтобы разорвать помолвку. Тьеррену всё было безразлично. Он думал только о дриадах – о женщинах и детях, день и ночь слышал их крики.

Спустя время Тьеррен принялся развешивать повсюду фигурки белых птиц. Вырезал их из бумаги, привязывал к крыльям бечёвки и крепил к балкам и стропилам. Сначала мать и приходившие с визитами жрецы и лекари видели в этом занятии важный символ, знак возвращения заблудшей души на истинный путь, указанный Древнейшим.

Однако вскоре случилось нечто душераздирающее, превосходящее всё произошедшее ранее: Тьеррена обнаружили в спальне – он сидел на полу, а вокруг лежали страницы, вырванные из священной книги. Тьеррен же держал в руках страницу с откровениями Древнейшего и рвал её на тонкие полоски.

Тогда-то родственники всерьёз озаботились его душевным здоровьем и задумались, не пришло ли время поместить Тьеррена в валгардский госпиталь для душевнобольных.

Всё это Тьеррен лениво прокручивает в памяти, стоя перед командером Сайлузом Бэйном и другими старшими офицерами. Он смотрит на них безмятежно, как на пейзаж за окном кареты. Ему всё равно. И подыгрывать он никому не будет. Пусть не делают вид, будто верят в собственное враньё.

– Там были дети, – безжалостно напоминает Тьеррен, буравя взглядом Сайлуса Бэйна.

Сайлус с отвращением фыркает и ухмыляется.

– Нет, Тьеррен, там были гнусные варвары. Вы забыли, кто вы есть.

– Там были младенцы, – не шелохнувшись, произносит Тьеррен.

Сайлус больше не усмехается, его глаза презрительно сужаются.

– Гнусное отродье фей.

Гнев охватывает Тьеррена, будто налетевшая ледяная буря. Когда с ним такое случается, он ничего не может поделать, ярость захлестывает его целиком. Без остатка.

И Сайлус Бэйн наверняка понимает, что происходит с его подчинённым. Он прекрасно знает, что Тьеррен очень изменился. Превратился в нечто совершенно далёкое от истинных гарднерийцев. Командер Бэйн с жестокой радостью разделался бы с потерявшим рассудок магом, но, к сожалению, приказ есть приказ.

– У вас весьма влиятельные родители, на ваше счастье, – не пытаясь скрыть омерзения, произносит Сайлус. – Они обивали пороги, какие только могли, и отыскивали-таки командера гарднерийской гвардии, который согласился принять вас, лишённого всех званий и привилегий. – Губы Бэйна кривятся в коварной ухмылке, в глазах мелькает странная искорка. – Однако уверяю, что в компании с мальками кракена и то оказаться было бы предпочтительнее. Вся ваша магия – детские игрушки по сравнению с силой, подвластной вашему новому командеру. К тому же он не раз доказывал, что умеет... приводить в чувство неблагонадёжных личностей.

«Как интересно...» – равнодушно думает Тьеррен.

– Кто же это? – спрашивает он вслух.

– Маг Лукас Грей, – с широкой улыбкой отвечает Сайлус Бэйн.

Глава 4. Побег

Спэрроу Триллиум

Пятый месяц

Юго-восточный остров Фей

Стоя на восточном берегу юго-восточного острова Фей, Спэрроу скользит взглядом по бурным волнам Волтийского моря. На другом берегу – континент, Западные земли.

Небо затягивают тёмные тучи. Сверкают тонкие полоски кривых молний, то и дело освещающая воду. Облака мчатся по бескрайнему небу, впереди – устрашающее бурлящее море. По сравнению с ними Спэрроу кажется такой маленькой, беззащитной.

Вечер выдался необычно холодный. Ветер без труда пронизывает её тонкую серую робу, и Спэрроу, вздрагивая, плотнее обхватывает себя руками за плечи. Солёный бриз бросает её спутанные лиловые волосы на нежно-лавандовое лицо, не давая рассмотреть тёмный берег за бушующими волнами.

Там, далеко, самая западная оконечность материковой Гарднерии.

Спэрроу напряжённо хмурит брови, в свинцовых волнах мерцает тёмной зеленью узкая полоса, скользящая вдоль побережья, будто водяная змея.

Это новая руническая граница Гарднерии. Её воздвигли сильные маги, проникнув в тайны древнего волшебства. Тысячи и тысячи гарднерийских рун выстраиваются в стену, и она растёт с невообразимой быстротой.

Особенно если учесть, что в Гарднерии всего один маг света – и тот весьма преклонных лет.

Прищурившись и заправив волосы за остроконечные уши, Спэрроу силится рассмотреть непреодолимый рунический барьер, оценивает его, будто жестокого и коварного врага.

Руническая преграда, которую строят гарднерийцы, охватывает западный берег Гарднерии до самой дальней точки на севере, какую только в состоянии рассмотреть её глаза, и тянется в населённый кракенами океан, отделяющий самую восточную оконечность островов Фей от материка.

Все магические силы Гарднерии брошены на то, чтобы удержать урисок, вроде неё и Эффри, на островах, подальше от Большой земли.

Как только вся Гарднерия будет окружена рунической границей, никто не сможет проникнуть на континент, чтобы перебраться по суше в Восточные земли.

Руническая граница ползёт на юг с каждым днём всё дальше и совсем скоро запечатает весь западный берег. А там доберутся и до островов – закроют их теми же рунами, непреодолимыми и вечными.

Времени до побега остаётся всё меньше.

В волнах мелькает быстрая тень, и Спэрроу, заметив её уголком глаза, покрывается мурашками, но всё же провожает долгим взглядом.

Кракен. Чёрный, гладкий, он пронзает волны, направляясь на север.

Раньше чудовища не приближались к островам, держались вдали от берега, однако в последнее время что-то влечёт их ближе к землям Гарднерии.

Их будто призвали.

Отгоняя леденящий страх, Спэрроу тщательно взвешивает все «за» и «против». Она давно привыкла делать страшный выбор. Как все уриски.

«Нет. Сегодня ночью лучше не пытаться».

Слишком опасен путь по бурному морю в утлой лодчонке, когда есть риск наткнуться на кракена. Сегодня побег отменяется. Им с Эффри придётся подождать.

– Раздумываешь, как бы сбежать?

Спэрроу, подпрыгнув от неожиданности, оборачивается. Каблуки её сандалий вязнут в холодном мокром песке, а сердце бьётся в груди барабанной дробью.

Тилор следит за ней глазами-бусинками, стоя в нескольких шагах под сросшимися кронами морских сосен. При виде его Спэрроу охватывает отвращение.

«Опять этот наглый ублюдок!»

Стоит там, в своём наглаженном военном мундире с единственной полоской на рукаве, и пожирает её сальным взглядом. Слабый, почти лишённый магии гарднериец, едва ли старше девятнадцатилетней Спэрроу. И ведь не скажешь, что слабак, если посмотреть, как он расхаживает по острову и командует урисками – прям верховный маг, не иначе.

Спэрроу делает медленный вдох, пытаясь обрести равновесие. Обычно она не позволяет себе ни единой дурной мысли об охранниках, чтобы ни жестом, ни взглядом не навлечь на себя или подруг гнева этих чёрных воронов.

Тилор, здоровяк с квадратной челюстью, ухмыляясь, направляется к ней, и Спэрроу с усилием смотрит на него совершенно спокойно и бесстрастно, хотя её и обжигает мысль об украденном ноже, спрятанном в голенище короткого сапога.

Она покорно склоняет голову, пряча глаза.

– Я люблю гулять по берегу, маг Баннок.

Тилор раздувается от гордости при виде выказанного уважения.

«Будь я уверена, что мне ничего не будет, перерезала бы ему глотку», – в приливе ярости думает Спэрроу. Вот только на проклятых островах ничего не скроешь, а убийство охранника тем более.

Прикидываться доброй простушкой, болтая с Тилором, опасно, но что поделаешь? Он следит за группой урисок, к которой приписана в лагере Спэрроу, и отлично знает, что бежать ей некуда. А потому пользуется её слабостью.

«Подлый мерзавец».

Гарднериец скользит по девушке сальным взглядом.

– Что ж, рад слышать, что ты просто гуляешь, – произносит он, подходя ближе.

Он всё чаще подбирается совсем близко. Протянув руку, заправляет длинную прядь волос за ухо Спэрроу, игриво щиплет её за кончик уха, как будто не замечая, что девушка стискивает зубы и борется с желанием впиться ногтями в его гладкие щёки.

С маяка, возвышающегося к северо-востоку на каменистой морской косе, доносится тревожная сирена, и они оборачиваются на звук. Огромный, высокий маяк кажется в тумане маленьким и жалким, будто белый палец, осуждающе устремлённый в небо.

– Я дежурил там прошлой ночью, – сообщает Тилор. – Банда синеккожих ушастиков решила было рвануть на материк.

Он осуждающе качает головой, будто рассказывая о непослушных детях.

Спэрроу одновременно охватывают сразу два чувства. Во-первых, ярость: как мерзко смеяться над ушами и кожей урисок! К этим шуточками ни за что не привыкнуть. И во-вторых, тревога. Ведь ей известно, о каких «ушастиках» он говорит. Спэрроу знает, где прятались беглянки, пытаясь выгадать день-другой.

– Они прошли полпути до Большой земли, – с гадкой ухмылкой продолжает Тилор, – а потом их сожрал кракен. – Последние слова он произносит с притворным вздохом.

Спэрроу отшатывается, как от удара, из последних сил стараясь держаться прямо и не упасть.

«Нет! Не может быть! Анна-Лиз. Мариллия. И крошка Силланиль... они забрались в тесную лодку, укутанные в тёплые шали, малышка сжимала в ручонках тряпичную куклу, которую

ей сшила Спэрроу. Силланиль... она так любила собирать ракушки. Прелестное дитя с розовыми щёчками и розовыми кудряшками. Как она пела, словно птичка. Даже жестокие гарднерийцы не смогли уничтожить её нежную детскую душу».

Тилор, нахмурившись, фыркает.

– С маяка в подзорную трубу было отлично видно. Кракен их проглотил. Ужасное зрелище. Откусил ребёнку голову. – Тилор устрасяюще лязгает зубами. – Они сами виноваты, если начистоту. Как им такое в головы пришло? Что, кракенов у берега ни разу не видели? – Пожав плечами, он медленно выдыхает. – Какое-никакое развлечение. Хоть и ужас, конечно. – Бросив взгляд на уродливые строения неподалёку – фабрики, теплицы и амбары, – Тилор устало пожимает плечами. – Что угодно сойдёт, лишь бы забыть хоть ненадолго об этом убожестве.

На Спэрроу вдруг накатывает презрительная ярость, к которой примешивается разрывающая сердце печаль. Она изо всех сил пытается отогнать непрошенные чувства, спрятать их подальше, всё забыть. Но всепоглощающий гнев растёт, будто морской прилив.

– Так нельзя. – В её голосе совсем нет покорности, только холодная, как океанские глубины, тьма. – Вы обращаетесь с нами плохо. Так нельзя.

Тилор ошеломлённо оборачивается и смотрит на Спэрроу так, словно она отвесила ему пощёчину.

«Дура! Вот дура!» – Остатки здравого смысла возвращаются к Спэрроу, но лишь на мгновение. Она вдруг понимает, что ей всё равно. Согнув пальцы, чтобы поскорее добраться до ножа, она даже не думает, удастся ли ей одолеть гораздо более крупного противника.

Тилор, оправившись от первого шока, уже злобно усмехается ей в лицо.

– У вас, урисок, нет души, – заявляет он. – Так сказано в нашей священной книге. Вы просто пустые раковины. – Оглядев Спэрроу с головы до ног, он со вздохом признаёт: – Попадают симпатичные раковины вроде тебя, но всё равно пустые. Когда-нибудь, когда ты умрёшь, от тебя ничего не останется, совсем ничего. – Его губы изгибаются в горькой ухмылке. – А потому никому и нет дела до того, как мы с вами обращаемся, ясно?

Спэрроу беззвучно всхлипывает от горя, огненным шаром разгорающегося в груди.

Силланиль. Малышку должны были отвезти в Валгард. А оттуда в Верпасию и через ущелье в горах на восток, а потом, когда-нибудь, в земли Ной, где безопасно. Из горла Спэрроу готов вырваться вопль отчаяния, и сдерживать его она уже почти не в силах.

Тилор снова тянется к её длинным волосам, и Спэрроу впивается ногтями в ладони, чтобы не расцарапать ненавистное лицо.

– Знаю, тебе здесь не нравится, – мурлычет охранник, поглаживая девушку по щеке, будто бы сочувствуя её горю. – Надо принять свою судьбу. Покориться. Вы служите нам, так велел Древнейший. В книге всё сказано. Мы сильнее, значит, вам никуда не деться. Особенно теперь, когда у нас опять есть Чёрная Ведьма.

Его слова – будто удар под дых. Сначала Фогель пришёл к власти, а теперь... ещё и Чёрная Ведьма?

Спэрроу отлично знает, кто стал новой могущественной Ведьмой.

– Фэллон Бэйн, – благоговейно выдыхает Тилор, и его взгляд затуманивается. – На неё покушались убийцы из Ишкарта, но просчитались. Она выздоравливает. И её сила растёт.

Спэрроу пронизывает леденящий ужас. Такое слишком страшно даже вообразить. Из-за Фэллон Бэйн она и оказалась на островах Фей вместе с Эффри. Всё потому, что однажды, больше года назад, маг Эллорен Гарднер выбрала себе на платье ту же ткань, что и Фэллон Бэйн.

Маг Флорель, добрейшая гарднерийка из всех, встретившихся на пути Спэрроу и Эффри, не испугалась угроз Фэллон, даже когда та вернулась в ателье и открыто запретила Элоизе

Флорель шить то самое платье. Маг Флорель отказалась повиноваться, к сожалению недооценив способности Фэллон Бэйн и её возможности отомстить.

Вскоре Фэллон пустила слух, что пользоваться услугами Элоизы Флорель не стоит. Никогда и никому.

И талантливая портниха потеряла модное ателье, а потом и вовсе оказалась в доме призрания. Вспоминая, как её с Эффри купили Бэйны и отослали в трудовой лагерь на острова, чтобы отомстить за то платье, девушка внутренне съёживается. Говорят, на острова Фей отослали с материка всех урисок или почти всех.

– Как нагуляешься, – снисходительно произносит Тилор, отрывая Спэрроу от горьких воспоминаний, – приходи ко мне в комнату.

Спэрроу от неожиданности заливается краской до корней волос.

– В вашу комнату?

– Да, именно в мою комнату, – неожиданно резко произносит он, как будто устав от уговоров. – Ты и так слишком долго водишь меня за нос. Я выдал тебе лишний паёк прошлой зимой. Дал тёплые одеяла и одежду. – Выпрямившись, он окидывает девушку оценивающим взглядом, как выгодную покупку. – Я был очень терпелив, Спэрроу. Гораздо терпеливее, чем любой другой маг на моём месте. Так что иди гуляй. А потом приходи ко мне. Я устал ждать.

На его лице мелькает жестокое выражение, отчего сердце Спэрроу на мгновение превращается в кусок льда. Ей кажется, что он узнал о её планах, подслушал мятежные мысли и готовится наказать её за непослушание.

Тилор, пытаясь, уходит, но вдруг останавливается на опушке сосновой рощи и снова поворачивается к девушке.

– Спэрроу, если удержишься, я расскажу о твоих променадах командеру. – Угрожающе покачав головой, он сочувственно советует: – Мне бы этого очень не хотелось, Спэрроу.

– Я не задержусь, маг, – отвечает она, в воображении разбивая его череп топором на две ровные половинки.

Мазнув её ещё раз грязным взглядом, гарднериец наконец уходит.

Начинает накрапывать холодный дождь, однако Спэрроу неподвижно ждёт, пока смолкнут шаги ненавистного стража. Убедившись, что он действительно ушёл, она разворачивается и бежит со всех ног к другой сосновой рощице на берегу, мчится, как быстроногий олень.

Крошка Эффри поднимает голову навстречу вылезшей из густого кустарника Спэрроу. Ребёнок, уютно устроившийся в небольшой, искусно спрятанной среди ветвей лодке, смотрит на девушку широко раскрытыми круглыми глазами. Большие остроконечные уши выбиваются из-под капюшона и тёплого пледа, в который закутано маленькое тельце. Лиловая кожа кажется темнее в тусклом свете, лиловые же глаза внимательно смотрят по сторонам. Дождь накрапывает всё упорнее. Хорошо, что кое-какие припасы Спэрроу и Эффри загрузили в лодку заранее.

В четвёртый раз поёт военная труба – сигнал к смене караула. Значит, на несколько минут охрана расслабится и утратит обычную бдительность. Спэрроу бросает короткий взгляд на море.

Кракена в бурных волнах не видно. Тот, которого она заметила раньше, наверное, уже уплыл далеко на север. Эти чудовища путешествуют стаями, придерживаясь одного направления. Возможно, тот кракен тоже плыл не один, а с сородичами.

– Мы уходим! Прямо сейчас! – настойчивым шёпотом сообщает Спэрроу.

Пригнувшись, она подбегает к Эффри. Нет, она не останется, чтобы оказаться в постели Тилора, и не станет ждать, пока гарднерийцы догадаются, кто Эффри на самом деле. Тогда-то их точно убьют. Обоих.

Спэрроу в последний раз оглядывается через плечо на притихший остров, выискивая тени шагающих охранников, прислушиваясь, не принесёт ли ветер других звуков, кроме бесконечного шума волн и барабанной дробы дождя по песку. Так и не услышав и не увидев ничего

подозрительного, Спэрроу подбирает юбку и накрепко подвязывает подол поясом. Она упорно толкает лодку к воде, а потом – как можно дальше от берега, и, лишь когда вода доходит ей до середины бёдер, Спэрроу переваливается через борт. Эффри предусмотрительно отодвигается к противоположному борту, чтобы сохранить равновесие. Оказавшись в лодке, девушка хватается вёсла и неистово начинает грести к материку.

Лишь когда до Гарднерии остаётся половина пути, Спэрроу останавливается передохнуть. Будто смилостивившись над беглецами, дождь и ветер стихают, и море лишь слегка покачивает лодку. Тяжело дыша, Спэрроу слизывает с губ капли дождя, руки и плечи горят огнём – грести против течения тяжело. Волны упрямо пытаются нести их лодчонку на юг, сбивают с курса, тянут в опасные водовороты южного Волтийского моря.

Промокшая до костей девушка дрожит и встревоженно оглядывается на Эффри: одеяло, в которое закутан ребёнок, промокло – постарались и дождь, и морские брызги, малыш стучит от холода зубами. Похоже, уже простыл.

– А в землях Ной мне можно будет стать самим собой? – спрашивает Эффри. Этот вопрос он никогда не устаёт задавать.

– Да, можно, – уверенно отвечает Спэрроу. – Там ты будешь самим собой.

Там – но не здесь. Сейчас Эффри носит девичьи платья, потому что мальчику его племени в Гарднерии один приговор – смерть. Мальчики-уриски обладают геомантией, магией земли и камней, а потому слишком опасны для обитателей Западных земель.

Спэрроу оглядывается назад, на острова Фей, балансируя в скачущей по волнам лодке, которую то и дело освещают вспышки молний. С такого расстояния острова напоминают спящее морское чудовище, прикорнувшее посреди моря. Девушка возвращается взглядом к материку, огромной массе тёмной земли – эта суша лежит между ними и Восточными землями, куда они так стремятся.

В своём воображении Спэрроу рисует большую лодку с удобной каютой, которая плывёт где-то в восточных водах. У Эффри удобная кровать и тёплые одеяла. Мягкие, пушистые, в которые так приятно кутаться. У них много еды. И книг. И всё, что нужно портнихе, – швейная машинка, ткани, нити и иглы, и всё аккуратно убрано в ящики.

А больше ей ничего на свете и не нужно. Работать портнихой, чтобы платили за честный труд, жить в собственном доме или даже на маленькой лодке в тепле и уюте в Восточных землях.

С таким же успехом можно желать хоть дворец на вершине горы – этот жестокий мир желаний не исполняет.

И всё же сейчас, между приоткрывшимися на мгновение челюстями темницы-Гарднерии, Спэрроу наслаждается свободой. Тилор далеко. Нет рядом и охранников-гарднерийцев. Никто ей не угрожает.

Свобода.

Из-под одеяла, в которое закутан Эффри, выглядывает маленькая змеиная головка, белая, на тонкой шейке. Взгляд узких красных глаз устремляется на Спэрроу, и она тут же забывает о призрачной свободе и безопасности.

– О нет! – охает она, отодвигаясь от Эффри. – Только не говори, что ты украл дракона!

Драконьи глаза прищурены, на его почти белой, цвета слоновой кости, голове мерцают короткие рожки. На морде рептилии виднеются кровавые следы, а на шее вспыхивает тёмно-зелёными рунами гарднерийский металлический ошейник. Наложить такое руническое заклятие стоит недёшево.

Выходит, дракон принадлежит очень состоятельным магам.

Дрожащие губы Эффри складываются в упрямую линию.

– Иначе было нельзя. Я его спас. Хозяйева запустили его к большим драконам как приманку. У него никого нет. Только я.

Дракон утопает в складках одеяла, настороженно поглядывая рубиново-алыми глазами на Спэрроу.

– Если снять с него ошейник, он вырастет. У тебя в руках настоящий огромный дракон! – восклицает Спэрроу, узнав рунический воротник, который не даёт животным расти. – Эффри... это опасная игрушка. Маги платят большие деньги за любых, даже самых маленьких драконов. – Её вдруг охватывает страх. – Если нас поймают с этим драконом...

– Его никто не найдёт, – упрямо заявляет Эффри и крепче прижимает к себе друга. – Я его спрячу. А когда у него заживёт крыло, он сможет летать.

– Это лунный дракон, – борясь с накатившим головокружением, вздыхает Спэрроу. – Говорят, они приносят несчастье. Потому-то вороны и запускают их к другим драконам как приманку.

Эффри обнимает белого дракона, пряча его от дождя и вновь загрохотавшего грома.

– Что для них несчастье, то нам – наоборот.

Дракон и Эффри смотрят на Спэрроу, взглядами убеждая её согласиться с очевидным.

Спэрроу только сильнее сжимает губы: «Вот повезло – глупый ребёнок и глупый дракон нашли друг друга».

Внезапно лодка резко подпрыгивает и кренится на бок.

Спэрроу, вскрикнув, цепляется одной рукой за борт, другой хватает Эффри и в ужасе смотрит на поднимающуюся из глубин огромную голову. В брызгах солёной воды раскрываются огромные челюсти, блестят глаза и извиваются щупальца.

От ужаса, горячего, как калёное железо, Спэрроу едва не теряет сознание.

«Кракен!»

Рванувшись вперёд, она сталкивает Эффри вместе с драконом на дно лодки, а сама хватается обеими руками за борта, чтобы удержать равновесие и не вылететь в море. Ледяная вода окатывает их и без того промокшие тела, а лодка безумно пляшет по волнам.

Ещё один удар, короткий и резкий. Эффри вскрикивает, а лодка едва не переворачивается вверх дном. Спэрроу вертит головой и, наконец наткнувшись взглядом на морского монстра, застывает от всепоглощающего страха.

В тумане водяных брызг вновь появляется широко раскрытая пасть кракена, утыканная зубами длиной с огромные мечи. Чудовище похоже одновременно на огромного осьминога или змею и на паука. Из пасти веет зловонием, а острые зубы медленно, но неуклонно приближаются. Острые когти, которыми оканчиваются длинные щупальца, бьют по бортам лодки, впиваясь в деревянную обшивку.

Кракен испускает неопиcуемый и ни с чем не сравнимый вопль, от которого Спэрроу вздрагивает всем телом.

Приподняв промокшие юбки, она трясущейся рукой выхватывает нож, понимая, что попытка защитить себя и ребёнка, скорее всего, окажется бесплодной. Свободной рукой Спэрроу прижимает к себе Эффри, малыш всхлипывает под свист и бульканье морского чудовища, которое острыми когтями терзает их лодку.

Слёзы застилают Спэрроу глаза: «Вот и конец. Прости, Эффри. Прости меня».

Но вдруг белый дракон выбирается из одеяла и бесстрашно бросается на кракена.

Заметив светлую тень, чёрный монстр отшатывается, покачивая глянцевой шеей, и бросается вперёд лишь для того, чтобы замереть в полудюйме от крошки-дракона.

Спэрроу замирает, словно превратившись в ледяную статую.

Серебристый силуэт дракона чётко вырисовывается на фоне огромного чёрного существа. Дракон смотрит кракену в глаза, резко вскрикивая, шипя и прищёлкивая.

Эффри испуганно всхлипывает и, не в силах сдержать рыданий, утыкается в грудь Спэрроу, лишь бы не видеть, как маленький дракон смотрит в огромный глаз морского чудовища.

Гибкая шея кракена поднимается и снова опускается, будто в удивлении. Чёрная голова медленно приближается к белой, и хищники касаются друг друга лбами.

Лодка подпрыгивает на волнах, и Спэрроу, по-прежнему затуманенным взглядом, замечает, что чёрный коготь, острый и огромный, как рог горного козла, успел пробить деревянный борт лодки.

«Они... разговаривают», – поражённо понимает девушка.

Чудовищные когти выпускают лодку, и деревянное днище с тихим плеском касается волн. Кракен, выдохнув струи морской воды, бесследно скрывается в пучине.

Вспыхивают молнии, гремит гром, а струи дождя резко бьют в море, лодку и путешественников.

Спэрроу тревожно оглядывает свинцовые волны в поисках кракена, безуспешно пытаясь не дрожать и с прежней силой прижимая к груди Эффри.

Чёрная блестящая голова кракена с острым гребнем снова появляется за кормой. На этот раз монстр всплывает медленно, над волнами мерцают лишь огромные глаза. От страха Спэрроу снова забывает обо всём. Закрыв собой Эффри, она поднимает нож, однако щупальца кракена очень осторожно, будто руки, берут за корму лодки – и судёнышко, медленно набирая скорость, движется к матерiku. Кракен же почти не показывается из воды. Кончик длинного хвоста вращается, как винт мотора, и лодка уверенно набирает ход.

«Да он же везёт нас к земле», – наконец понимает Спэрроу.

– Что происходит? – дрожащим голосом, икая от слёз, спрашивает Эффри.

Маленький дракон победно сияет алыми глазками, сидя на корме, и Спэрроу недоверчиво вглядывается в белую фигурку. Наконец она с невероятным облегчением произносит:

– Мне кажется, дракон договорился с кракеном. – И, опасливо выдохнув, поясняет: – Он нас... спас.

Из горла Эффри вырывается счастливый смех вперемешку со слезами.

– Я же говорил, что Раззор принесёт нам удачу!

– Спасибо, – благодарно кивает дракону Спэрроу. – Спасибо тебе, Раззор!

Дракон коротко склоняет изящную головку в поклоне и улыбается в ответ, показав острые зубы. Белой тенью он стремительно подлетает к Эффри, мерцая в темноте, будто лунное пламя, и усаживается на прежнее место, в складки промокшего одеяла.

– Он очень тёплый, Спэрроу, – со счастливой улыбкой говорит Эффри, обнимая друга.

Раззор бросает на девушку короткий, полный надежды взгляд, такой же, как у Эффри, и Спэрроу радостно улыбается ему в ответ. Точнее, находит в себе силы, чтобы улыбнуться. Ведь сейчас всё так удивительно, неожиданно и благословенно хорошо.

Спэрроу всё прекрасно понимает: уриска-белошвейка с ребёнком-уриском, мальчиком, переодетым девочкой, совершают дерзкий побег с островов Фей и стремятся к землям Гарднерии, пересекают по суше Гарднерию, добираются до Верпасии, в которой тоже заправляют гарднерийцы, а оттуда по полной опасностей восточной пустыне – в земли Ной. Что тут скажешь? Шансы на благополучное завершение такого путешествия практически равны нулю.

И потому надежда, которой светятся глаза Эффри, разбивает ей сердце, как и взгляд приносящего несчастья белого дракона. На гарднерийском берегу им наверняка встретится патруль, стражи границы или просто разгневанные маги, всегда готовые помучить беглецов.

Так почему бы не забыть обо всём в эти редкие минуты счастья, пока страшный кракен, чудовище морских глубин, везёт их прямо к берегу? Белый дракон согревает Эффри, буря уходит на восток, а серые облака, уже не такие густые, приоткрывают серебристый лунный серп и пригоршни звёзд, бросающих на свинцовые волны призрачный свет.

Спэрроу вдыхает холодный солёный воздух и наслаждается короткими мгновениями свободы.

«Что ж, пусть Эффри надеется на лучшее». Спэрроу смогла подарить ему хотя бы надежду.

Однако, когда берег материка приближается, а кракен уходит в глубины Волтийского моря, Спэрроу с новой силой ощущает, как они уязвимы. Взявшись за вёсла, она гребёт, не сводя внимательного взгляда с чернеющего неподалёку берега, отыскивает опасность – свобода осталась позади, мрачная, будто тюрьма, Гарднерия – совсем рядом.

Побегом она лишь выгадала немного времени для себя и Эффри. Страшные силы собираются будто тучи, и дни беглецов сочтены.

И всё из-за Фэллон Бэйн. Следующей Чёрной Ведьмы.

Если не считать Маркуса Фогеля, в Гарднерии Фэллон, наверное, превосходит всех жестокостью.

«Ну почему, почему именно Фэллон?» – мучается Спэрроу. Да не всё ли равно? Она не раз слышала, как гарднерийские солдаты смеялись над слабым Сопротивлением. Икарит из пророчества ещё совсем малыш, а гарднерийская гвардия преследует его по пятам. Его непременно убьют, причём очень скоро, пророчество исполнится, а с появлением новой Чёрной Ведьмы тают и последние надежды.

Холодный липкий страх окутывает Спэрроу, будто тёмными крыльями.

Чёрная Ведьма обретёт полную силу, Маркус Фогель выставит новые войска, и кровавая жатва развернётся по всей Гарднерии, дойдёт до самых дальних уголков Эртии. В конце концов чёрные вороны убьют или поработят всех, кто хоть чем-то отличается от гарднерийцев.

Спэрроу смотрит на Эффри, и её сердце в отчаянии сжимается: бедный малыш с его безумными надеждами! Конечно, она попытается спасти мальчика, а заодно и дракона. И сама постарается выжить.

Очень постарается.

Спэрроу выпрыгивает из лодки за мгновение до того, как деревянное днище упирается в прибрежные камни. Осторожно ступая в чёрной ледяной воде, девушка заводит судёнышко в укромную бухту. Лунный свет, льющийся с почти безоблачного неба, теперь таит в себе угрозу для беглецов, и Спэрроу жестом приказывает Эффри вести себя тихо. Вытащенный из лодки мальчик заботливо прячет под плащом белого, будто жемчужного, дракона.

С берега доносится шум шагов, кто-то идёт, шаркая по песку, и Спэрроу с Эффри прячутся за большими камнями.

– Стой, ни с места! – кричит мужчина где-то рядом, за соседним высоким камнем справа.

Вся дрожа, Спэрроу с опаской выглядывает, стараясь остаться незамеченной в густой тени.

На песке стоит на коленях, подняв руки с голубыми ладонями и покорно опустив голову, молодая женщина, уриска.

Её окружают гарднерийцы: два молодых солдата, маги третьего уровня, и один чернородый, маг четвёртого уровня, с фонарём в руке. Все трое направили волшебные палочки в голову женщины, свет фонаря выхватывает из темноты её скорчившуюся фигурку.

– Документы! – требует маг четвёртого уровня.

Женщина стоит неподвижно, не издавая ни звука.

Презрительно фыркнув, бородатый маг произносит заклинание. Из кончика волшебной палочки вылетают тонкие, гибкие ленты, опутывающие уриску будто сеть. Спэрроу со страхом смотрит, как женщина, связанная по рукам и ногам, с завязанным ртом бессильно валится на мокрый песок.

Как бы ни хотелось Спэрроу в ярости броситься на гарднерийцев и помочь сестре по несчастью, она не двигается с места. Против трёх хорошо обученных и вооружённых магов выходить с одним ножом бессмысленно.

Надо остаться в живых и на свободе. Повинуясь этому простому первобытному инстинкту, Спэрроу хватается Эффри за руку и бежит изо всех сил в противоположную сторону, стараясь не прислушиваться к гортанному мужскому смеху и сдавленным всхлипам уриски и почти не замечая пронизывающего до костей холода.

Наконец впереди вырастает невысокий утёс, и на самом его краю, у обрыва, из мрака выступает похожее на заброшенный сарай строение.

Спэрроу и Эффри из последних сил взбираются на утёс и бредут к убежищу, которое вблизи оказывается старой конюшней. Внизу, у воды, раздаются мужские голоса, и Спэрроу с отчаянно бьющимся сердцем торопится в укрытие.

Обежав конюшню, построенную из железного дерева, и отыскав дверь, они проникают внутрь и спешат к самому дальнему стойлу. Спрятавшись, они задвигают за собой низкие двери.

Спэрроу встречает в темноте испуганный взгляд Эффри – сквозь щель в двери в стойло пробивается узкая полоса лунного света, падающего в конюшню через окно.

Вдруг с протяжным скрипом дверь в сарай открывается. Кто-то входит, шаркая ногами, и с силой захлопывает створку. У Спэрроу перехватывает дыхание, она крепко прижимает к себе Эффри и тянет его в самый дальний и тёмный угол стойла, туда, где тень гуще всего. Белый дракон мудро прячется под мокрым плащом Эффри, не пытаясь вылезти наружу.

В проходе между стойлами слышатся шаги, они медленно приближаются под аккомпанемент пляшущих по стенам отблесков фонаря.

Сквозь железные прутья, разделяющие стойла, Спэрроу различает в густом сумраке молодого человека – гарднерийца с мужественными чертами лица. Юноша идёт уверенно, от него исходит почти ощутимая волна ярости, желание отомстить. Тяжело дыша, он с размаху опускает фонарь на подоконник. Подбородок у этого гарднерийца упрямый, квадратный, на шее, сзади, светится тёмно-изумрудная руна, а кисти рук покрыты тёмными полосами: это знаки обручения, но незавершённого, брак ещё не скреплён, как положено. Пошарив в куче сена, юноша вынимает бутылку тёмно-красного стекла, встряхивает её, вынимает пробку и подносит горлышко ко рту. Резко пахнет спиртом.

«Алкоголь!»

Спэрроу отлично знает, что случается, стоит напившимся запретного алкоголя магам оказаться рядом с урисками.

Затаив дыхание, она прижимает к себе дрожащего Эффри.

«Ты нас не видишь. Нас здесь нет».

С каждым ударом сердца девушка безмолвно повторяет молитву и тянется влажной от пота рукой к ножу, очень живо воображая, как всадит острое лезвие прямо в вышитую на груди этого ворона белую птицу. И пусть у него на рукаве пять серебристых полосок, а значит, перед ней маг пятого уровня, и плевать на волшебную палочку в ножнах на бедре.

Гарднериец наконец опускает бутылку на подоконник и яростно стягивает мундир.

Перед дрожащей, как в лихорадке, Спэрроу мелькает голое мужское тело. Под гладкой, мерцающей в свете фонаря зеленоватой кожей перекачиваются мышцы.

Тяжело дыша, молодой человек медлит, сжав в кулаке мундир, будто пытаясь испепелить плотную ткань взглядом, потом хватается с подоконника бутылку и опрокидывает её содержимое на мундир, на себя, заодно поливая и солому под ногами. Вынув из ножен волшебную палочку, он тихо произносит заклинание, и Спэрроу ясно видит из тёмного угла крошечное пламя.

«Так вот что он задумал!»

Девушка вскакивает и, распахнув дверь стойла, с воплем бросается к юноше:

– Нет!

Мотнув головой в её сторону, он с удивлением замирает, в его зелёных глазах бушует такая буря, что Эффри, прячущийся за юбками Спэрроу, тихонько всхлипывает, а Раззор угрожающе рычит.

Маг тяжело и беззвучно вздыхает, глядя на неожиданных гостей, будто в тумане, и крошечное пламя на кончике его волшебной палочки медленно исчезает.

– Ты что задумал? – хрипло спрашивает Спэрроу. Ей вдруг кажется, что земляной пол уходит из-под ног. Она давно привыкла держать язык за зубами, однако сейчас совсем неважно, что и как она скажет этому вóрону. Он может разделаться с ними одним взмахом волшебной палочки и наверняка уже догадался, что перед ним беглецы с островов Фей.

Гарднериец опускает палочку и смотрит на Спэрроу так, будто она призрак, и отвлекает его лишь громкий рык дракона. Спэрроу тоже оборачивается на незнакомый звук и едва не падает с ног.

Белый и светящийся, будто огонь маяка в ночи, дракон сидит, изготовившись к атаке, на усыпанном клочьями соломы полу и буравит противника алыми прищуренными глазками.

А что же Эффри, милый малыш Эффри?

Безобидный крошка крепко сжимает булыжник, который зачем-то прихватил у воды. Камень в его руке сияет, будто лиловая звезда, выдавая одновременно магические способности Эффри и его самую большую тайну – принадлежность к мужскому полу.

«Ну вот, всё пропало, – теряя силы, думает Спэрроу, – всё кончено. Раззор и Эффри, конечно, храбрецы, но им не совладать с сильным магом, на которого они навалились».

Спэрроу медленно поворачивается к проклятому гарднерийцу – теперь ей совершенно нечего терять.

– Зачем ты решил всё тут взорвать и себя заодно? – осипшим голосом спрашивает она, глядя на юношу сквозь застилающие глаза слёзы.

Маг дёргает шеей, сглатывая ком в горле, и переводит на неё отчаянный взгляд тёмно-зелёных глаз. Он судорожно сжимает обеими руками мундир, будто пытаясь разорвать его, и, задыхаясь, произносит:

– Мы их убили. – Его губы дрожат, лицо складывается в горестную гримасу. – Наша гвардия пришла в лес и убила дриад. Женщин. Детей. Младенцев. Я пытался... – Он болезненно морщится, будто перед его глазами проносятся ужасные картины. – Я пытался их удержать... но не смог...

Последние слова он произносит низким, срывающимся голосом.

Встретившись с юношей взглядом, Спэрроу в то же мгновение забывает о страхе: чего бояться рядом с познавшим такой беспросветный ужас? Что бы ни случилось с дриадами, для стоящего перед ней гарднерийца воспоминания о них будто жестокая буря на далёком озере, поглотившая все его мысли.

– Что это у тебя? – резко спрашивает Спэрроу, непроизвольно дотрагиваясь до своей шеи и сразу отдёргивая руку.

Рядом с магами лучше не привлекать внимания к своему телу, а этот гарднериец к тому же полуголый. Девушка крепче сжимает рукоятку ножа.

Без боя она не сдастся.

Однако юноша скользит по ножу безразличным взглядом, его будто бы совершенно не волнует, вонзится это лезвие ему в грудь или нет. Пристально посмотрев девушке в глаза, он горько усмехается.

– Гарднерийская гвардия пометила меня, чтобы не сбежал. А если сбегу, меня найдут. Родители выложили много денег, чтобы спасти меня от тюрьмы для военных преступников и отправить обратно на службу. – Он с трудом растягивает губы в печальной улыбке. – Однако с меня хватит, – цедит он сквозь зубы, мрачно и отрешённо, хотя глаза его наполняются злыми слезами.

Воздух между ними будто сгущается, возникает странное чувство: Спэрроу вдруг ошеломлённо понимает, что испытал и испытывает этот чужой гарднериец.

Почти не размышляя – всё равно выбора нет, – она подходит вплотную к измученному кошмарами юноше.

– Если ты не такой, как они, то помоги нам! – настойчиво произносит девушка, и её горло тут же перехватывает. Что она делает? Обращается за помощью к магу, который едва не покончил с собой? Но разве у неё есть выбор?

В повисшей тишине лицо гарднерийца принимает растерянное выражение.

«А он симпатичный, – проносится в голове Спэрроу, – красавчик, из аристократов».

Юноша смущённо оглядывает уриску, и девушка поёживается, хотя в глазах гарднерийца нет и намёка на вожеление. Когда их взгляды снова встречаются, он с искренней заботой произносит:

– Ты промокла.

Не выпуская из застывших пальцев нож, Спэрроу решительно расправляет плечи. Когда она наконец отвечает, её голос звучит грозно, будто сообщая: «Держись подальше, маг, не подходи!»

– Мы сбежали с островов, – произносит она дрожащими губами. – На лодке. И идём на восток.

– Вы приплыли... сегодня? – Его глаза удивлённо округляются.

Спэрроу коротко кивает. Её вдруг охватывает озноб: она так замёрзла, да и страх от встречи с гарднерийцем никуда не делся. Ведь она боится всех проклятых магов.

– В море видели кракенов, – сообщает юноша, и Спэрроу едва сдерживается, чтобы не завопить ему прямо в лицо: «Да! Я знаю! Океан кишит кракенами, тупой ты ворон!»

Эффри раскатисто кашляет у неё за спиной и сдавленно всхлипывает.

– Почему ты так поступила? – вдруг спрашивает маг, решительно шагая к уриске, как будто этот вопрос важнее всех, какие он задавал в жизни. – Зачем пошла на такой риск?

Вытянувшись во весь рост, напряжённая, как струна, Спэрроу отвечает честно, честнее, чем когда-либо прежде:

– Потому что вы, маги, настоящие чудовища.

Винтер глубоко и прерывисто вдыхает, открывая свои мысли крылатым друзьям, будто по своей воле падая с утёса в бесконечную пропасть общего птичьего разума.

Она мгновенно переносится в другой мир, где сидит, скорчившись, на покрытой пеплом земле и исподтишка бросает короткие взгляды на чудовищный пейзаж.

Повсюду мёртвые деревья стремятся к кроваво-красному небу искривлёнными ветвями. На безжизненный лес медленно и беззвучно надвигается мрак.

Винтер выпрямляется на дрожащих ногах и входит в лес, минует опушку и сразу оказывается на поляне, наполненной густым серым туманом. Обхватив себя крыльями, будто они могут защитить её от опасности, эльфийка ждёт: надо узнать, что так напугало птиц.

Из тёмной клубящейся мглы появляется фигура молодой гарднерийки.

Она сжимает в руке волшебную палочку серо-стального оттенка, за которой, как и за женщиной, тянется тонкий шлейф дыма.

Гарднерийка подходит ближе, и под встревоженные крики птиц Винтер вдруг её узнаёт. От тёмного силуэта веет волшебной силой, с которой Винтер, пусть мимолётно, сталкивалась в прошлом, когда коснулась руки Эллорен Гарднер. Точно так же давным-давно эльфийка узнала о тайных крыльях икарита, дотронувшись до Айвена Гуриэля.

– Нет, – хрипло отвечает птицам Винтер. Качая головой, она пытается отогнать ужасную картину, плотнее закутывается в истрёпанные крылья. – Не может быть, это не Эллорен.

Тёплые птичьи тела прижимаются к Винтер, мысли и воспоминания крылатых друзей наполняют её разум. Ей никак не избавиться от видения, и Винтер признаёт суровую реальность, её глаза наполняются слезами.

– Тьма идёт за тобой, – шёпотом говорит Винтер, обращаясь к Эллорен посреди мёртвого леса. Печаль и сочувствие сильнее пронизывают её мысли, когда она вбирает новые образы из воспоминаний птиц и ощущает отчаяние погибшего леса. – Мгла стремится к тебе всей своей мощью.

Потому что она знает. Тьма всё знает. И лес, её противник, тоже знает всё.

Пророчество исполнится, спасения от него нет.

Икарит расправляет крылья... и Чёрная Ведьма вернулась.

Часть 1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА МАГОВ
№ 366

Все икаритов Западных и Восточных земель
Эртии надо найти и казнить.

Предоставление убежища икаритам и помощь
в побеге отныне признаны худшими злодеяниями против
священного государства магов.

Карать за эти преступления будут без жалости
и снисхождения.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ
ПРИКАЗ ПО ВОЕННЫМ СИЛАМ ВУ ТРИН

Приказ отправлен для выполнения
мастеру рун Чи Нам

Приказ издан
коммандером Ванг Трой

Если маг Эллорен Гарднер,
наследница магических сил Чёрной Ведьмы, продемонстрирует
возможности, равные или превосходящие по силе магию бабушки,
её следует немедленно казнить.

Глава 1. Чёрная Ведьма

Эллен Гарднер

Шестой месяц

Центральная пустыня Аголит

Я молча окидываю взглядом пустыню. Сомкнув пальцы на рукоятке Жезла Легенды, в смятении, я глубоко вдыхаю, пытаюсь хоть немного успокоиться.

Вот если бы Айвен вдруг оказался рядом и сам увидел, как я впервые пройду проверку с настоящей волшебной палочкой в руке.

Где ты сейчас, Айвен? Сердце моё мучительно сжимается, когда я оглядываю голые красные пески расстилающейся передо мной пустыни. Быть может, в трин унесли тебя в другую пустыню и теперь выясняют, на что способна твоя сила?

Мы расстались с Айвеном давно, три недели назад. Меня отправили с военным эскортом в трин сквозь сложный рунический портал и несколько дней везли на быстроногих лошадях сюда, на тайное плато всеми покинутой Центральной пустыни Аголит. Здесь чародейки в трин проверят, какой волшебной силой я владею, и научат меня ею управлять.

Мы очень далеко от всего живого, здесь никто не узнает, что истинная Чёрная Ведьма наконец найдена.

Красно-рыжие пески пустыни Аголит заливают алыми отсветами кроваво-красное солнце, медленно катящееся к горизонту. Ветер несёт прохладу моему разгорячённому лицу и рукам, сумерки готовятся окутать пустыню, остудить её нагретые солнцем пески. Маленькие лиловые кактусы, сбившиеся кучками, захудалые карликовые растения да каменные арки, разбросанные там и тут, – вот и всё, на чём можно остановить взгляд в бескрайнем море песка.

Тишина. Нет никого и ничего, лишь высоко в небе кружит одинокая птица.

Покрепче обхватив Жезл, я поглаживаю большим пальцем его гладкую рукоятку, и в глубине души вдруг рождается мрачное предчувствие.

Чуть повернувшись, я бросаю взгляд на командера Кам Вин и её сестру Ни Вин. Они стоят рядом, одетые, как и я, в чёрные мундиры армии в трин. За ними сгрудились ещё шестеро: чародейки в трин с каменными лицами молча смотрят на меня и терпеливо ждут. Четверо – совсем юные, однако двое – совершенно седая Чи Нам и безволосая Хунг Ксо – принадлежат к клану ло вой. Они умеют не только ворожить с помощью рун, но и открывать порталы.

Чи Нам носит титул Мастера рун. Сейчас она опирается на исчерченный рунами посох и неотрывно смотрит на меня – самая сильная из всех чародеек в трин.

Все молча ждут, а в воздухе назревает осязаемое напряжение.

Я отворачиваюсь и снова вбираю взглядом пустыню, песчаное море. От желания увидеть Айвена здесь и сейчас перехватывает дыхание.

В прошлый раз, когда я стояла вот так с палочкой в руке, он был со мной. В тот раз мы и догадались, что в пророчестве сказано о нас. Рядом с Айвеном мне всегда казалось, что всё будет хорошо. И мы справимся. Сделаем мир лучше. А сейчас, готовясь узнать, на что я по-настоящему способна, я уже ни в чём не уверена.

Мне страшно.

Страшно узнать, что во мне и правда дремлет разрушительная магическая волна, предсказанная в пророчестве.

И в то же время мне отчаянно хочется верить, как верит Айвен, что все пророчества – просто опасные предрассудки, которые исполняются сами собой. Пусть моя волшебная сила не принесёт в мир зло, как магия моей бабушки, однако даже редкие сухие деревья пустыни чувствуют во мне зловещую угрозу.

«Чёрная Ведьма», – обвиняющим шёпотом шелестели на ветру деревья всякий раз, когда мы скакали через леса. С тех пор как я обратила деревья в огненные факелы тогда, стоя рядом с Айвеном, и поняла, кто я и на что способна, лес посылает мне ощутимые волны ненависти. И чем дальше, тем эти волны гуще и сильнее. Потому-то я с таким облегчением вздохнула, оказавшись посреди голой пустыни.

«Но что, если это правда? – Как мучительно перебирать такие мысли, сжимая в руке Жезл Легенды. – Что, если, овладев заключённой во мне магией, я действительно стану такой, как моя бабушка?»

«Что, если я принесу зло и Айвену, и всему хорошему, что есть на Эртии?»

Мне вдруг совсем не хочется пробовать свои силы с этим легендарным Жезлом, хотя он и перестал отвечать мне, будто уснув, в тот же вечер, когда мы выпустили на свободу Нагу. Даже Тристан, мой брат, пытаясь зажечь свечу, не смог заставить эту волшебную палочку откликнуться на простейшее заклинание.

– Я не хочу пробовать свои силы с этим Жезлом, – дрожащим голосом обращаюсь я к Кам Вин. Обернувшись, я протягиваю ей волшебную палочку рукояткой вперёд. – Он слишком силён, я чувствую. Помнишь, я рассказывала, что натворила в прошлый раз с простой веткой?»

Кам Вин упрямо сжимает губы.

– Эллорен Гарднер, мы потому и прискакали в пустыню Аголит. – Взмахом руки она указывает на голые пески. – Здесь ничего нет. На мили вокруг пустота.

И всё же меня гложет страх, впивается изнутри, когда я скольжу взглядом по красным пескам. Меня не покидает ощущение, что сейчас произойдёт что-то непоправимо ужасное. Я помню, как вызвала пламя до небес обыкновенным прутиком.

Помню, как кричал, погибая, лес.

– Дайте мне другую волшебную палочку, – настойчиво прошу я и протягиваю Жезл Кам Вин. – Что-нибудь послабее. И я всё сделаю.

Кам Вин недовольно фыркает, упершись кулаками в бёдра. Рубиновые отсветы заходящего солнца поблёскивают на серебряных звёздочках, крест-накрест закреплённых на её перемычках, ничуть не смягчая сурового взгляда воительницы.

– Не дури, Эллорен Гарднер.

– Мне всё равно, что вы все говорите и думаете, – парирую я. – Заклинание я произнесу только со слабой волшебной палочкой.

Прищурившись, Кам Вин окидывает меня гневным взглядом и подаёт знак Чим Дик, дёрнув в её сторону головой.

Чим Дик, холодная и грациозная, как длинноногая цапля, всегда относилась ко мне с подозрением и держалась подальше. Сейчас она осторожно подходит и, достав из внутреннего кармана чёрного мундира простую волшебную палочку, одну из четырёх в ножнах, протягивает её мне.

Палочка очень светлая, с тонкой тёмно-коричневой спиралью.

«Рябина».

– Эта палочка немногим отличается от обычной ветки, – с сильным акцентом произносит Чим Дик.

Сердце сильно колотится, но я торопливо, чтобы не передумать, прячу Жезл Легенды в ножны на поясе и беру новую палочку.

Одного прикосновения достаточно, чтобы убедиться: да, теперь у меня в руке нечто гораздо слабее. Волна магии тут же отступает, уходит в землю. Новая палочка сложена всего из нескольких слоёв древесины, местами неплотно подогнанных друг к другу.

Мой Белый Жезл, Жезл Легенды, как его называют в трин, всегда отзывается бесконечными слоями древесины, а иногда, если взять его в руки в лесу, мне едва удаётся сдержать мощную силу самой Эртии, которая стремится к нему сквозь моё тело. Так было с тех пор, как

я подожгла лес заклинанием, держа в руках обычную ветку, которую дал мне Айвен. С того дня, как поняла, кто я такая.

Во мне дремлет страшная разрушительная сила. И она меня пугает.

Однако, хотя новая палочка действительно очень слабая, это всё-таки тоже волшебный Жезл.

– Отойдите подальше, – тревожно прошу я чародеек и, вспомнив, какие щиты они умеют создавать, предлагаю: – И поставьте щит на всех, и посильнее.

Кам Вин, похоже, теряет терпение, крепко сжатые губы превращаются в тонкую линию на её недовольном лице.

– Это лишнее, – резко отвечает она. – К тому же на установку щита мы потратим не меньше часа.

– Прошу вас, – вежливо настаиваю я.

Чи Нам, Мастер рун, что-то выкрикивает на языке ной, обращаясь к соратницам, и Кам Вин неохотно кивает, бросив на меня напоследок ещё один гневный взгляд. Кам Вин, Ни Вин и остальные чародейки ву трин пятятся к столбам, у которых привязаны лошади.

Чи Нам и Хунг Ксо, самые сильные в искусстве рун, выкладывают на песок рунические камни, окружая сбившихся в кружок ву трин, по очереди касаются каждого камня, вбивая в них заклинания сияющими тонкими палочками.

От камня к камню устремляются, взлетая арками над ву трин, сапфирово-синие тонкие полосы, а Чи Нам и Хунг Ксо тщательно переплетают эти мерцающие полосы в плотный щит.

Наконец обе пожилые чародейки выпрямляются, и Чи Нам касается рунического шатра своим посохом, посылая вверх потоки синего света.

Щит оживает: теперь ву трин и даже почти все их лошади укрыты прозрачным куполом, от которого исходит призрачное сияние.

Чи Нам и Хунг Ксо выжидательно поворачиваются ко мне, не выпуская из рук тонких, светящихся синим рунических жезлов.

– Мы под щитом, – сообщает Кам Вин. Она явно едва сдерживает нетерпение.

Я ещё раз внимательно оглядываю защитный купол. Кобыла Ни Вин не попадает под щит, однако она привязана довольно далеко, наверное, на безопасном расстоянии.

Ну что же... Отсветы заката окрашивают алыми всполохами линию горизонта, пустыню передо мной едва освещают голубые блики рунического купола. Я медленно опускаю глаза на волшебную палочку и свою покрытую линиями обручения руку. Крепче сжимаю рукоятку... горло вдруг перехватывает и вовсе не от порыва сухого ветра пустыни.

Где-то неподалёку скребёт по песку коготками зверёк, спешащий укрыться в норке.

«Молодец, поторапливайся, – мысленно подгоняю я грызуна. – Лезь в норку и беги по туннелю со всех ног, прячься поглубже».

Закрыв глаза, я даю зверьку скрыться, уйти от меня как можно дальше, спастись.

Наконец, прерывисто дыша, поднимаю волшебную палочку.

С каждой секундой слова заклинания огня срываются с моего языка всё легче, будто палочка вытягивает их сама. И заклинание работает.

Ноги и низ живота сжимаются в напряжении, принимают тёплую, бурлящую силу Эртии. Ничего удивительного. Так уже случалось раньше.

Однако на этот раз сила льётся по моим магическим линиям иначе, сильнее, нетерпеливо стремясь к руке, которой я сжимаю волшебную палочку, и вдруг зажигает мои линии негасимым огнём.

Руку, которой я держу палочку, обжигает будто пламенем, и я охаю от боли, глядя на алеющую кисть руки и пальцы, слившиеся с палочкой в одно целое. В груди не остаётся ни глотка воздуха. Меня охватывает странный озноб: начинаясь снизу, от ступней, дрожь медленно поднимается выше, и мне остаётся только в панике ждать, что же будет. Я совершенно

беззащитна перед мощным потоком энергии, который льётся сквозь меня. Эту силу мне не остановить. Дрожа с головы до ног, я сдаюсь на милость Эртии и её непредсказуемой магии.

Из-под земли вырывается ещё один поток силы, и я вскрикиваю: магия наполняет моё тело, устремляясь к выходу – к волшебной палочке.

Из кончика палочки с рёвом вырывается пламя, и не один, а несколько потоков веером расходятся по пустыне, огненным чудовищем пожирая всё до последнего живого растения. А я во власти невообразимой силы думаю лишь о том, чтобы удержаться на ногах.

Море огня заливают бескрайние пески, пламя собирается в сгустки, взрываясь и уничтожая на своём пути всё живое.

Огонь ревёт и вдаль, у самого горизонта, у далёких холмов, языки пламени вздымаются к небу, жар нарастает. Над океаном огня поднимаются чёрные столбы дыма, волны пламени вздымаются вдаль и катятся назад, оставляя за собой выжженное дотла пепелище.

Я лихорадочно трясу рукой, пытаюсь бросить волшебную палочку, разорвать путы страшной огненной силы, которая заявила о своих правах и живёт своей жизнью.

Из моего горла вырывается вопль.

Беспощадная связь с волшебной палочкой наконец рвётся, откуда-то находятся силы бросить смертоносный Жезл на землю. Я обессиленно валюсь навзничь, и, когда отлетевшая в сторону палочка касается земли, меня накрывает ревущее море огня, горящее небо падает на землю.

Отчаянно вопят на своём языке чародейки. Ржут перепуганные лошади. Невыносимый жар накрывает всех под аккомпанемент оглушительного рокота и воя пламени.

Зажмурившись, я всё же вижу алые отсветы огня и, задыхаясь от жара, жду, когда же обрушится страшная боль. Одежда, которую мне дали в трин, защищает от пламени, однако на такое адское пекло рассчитана вряд ли.

Похоже, я сейчас сгорю.

В охватившей меня огненной волне я кричу, ожидая, что вот-вот расплавится плоть, обуглятся кости и от меня останется кучка пепла. Мой голос теряется в ревущем пламени, невыносимый жар треплет меня, будто тряпичную куклу.

И тогда я сдаюсь, тону в огне, как утопающий в океане, истратив все силы, уходит под воду. Жду, когда смерть обратит красное в чёрное.

Всё вокруг чернеет, и рёв пламени понемногу стихает.

Скорчившись на земле, я ощупываю себя, не открывая глаз. Поразительно – я до сих пор цела. Рядом слышится сухое потрескивание догорающих костров, во рту – горечь дыма и сажи, но прохладный ветер касается моей щеки.

Выходит, у меня всё ещё есть щёки, а на них способная чувствовать кожа.

Медленно подняв руку, я провожу кончиками пальцев по лицу – по каким-то чудом сохранившемуся лицу!

Где-то далеко в панике ржут лошади, отчаянно кричат чародейки в трин на своём языке, и всё это кажется таким далёким, будто звон колокольчика у самого горизонта.

Открываю глаза и сажусь. Как страшно увидеть то, во что превратилась земля, страшно узнать, действительно ли я уцелела.

Передо мной расстилается чёрная, как сажа, пустыня. Даже каменные громады арок превратились в кучки пепла. На сколько хватает глаз, видны небольшие костры – яркие точки на гладкой пустой равнине. Над головой – небо, кроваво-красное, с чёрными облаками или клубами дыма.

Оцепенев, я подношу к лицу руки.

Ладони и пальцы густо вымазаны сажей, но они передо мной, и линии обручения тоже никуда не делись. С опаской оглядев себя, я облегчённо вздыхаю. Неподвластный огню мундир в трин тоже весь в саже, однако цел. А вот походный мешок и пояс с ножнами для волшебных

палочек сгорели, оставив лишь несколько тонких полосок кожи. Не видно и Белого Жезла, Жезла Легенды.

Я недоверчиво оглядываю один за другим пальцы – невероятно, но они все целы. Ни царапины.

Интересно... Рядом догорает костёр, и, повинуясь необъяснимому порыву, я касаюсь пламени пальцем. Жарко, да... Я поворачиваю палец, будто окуная его в горшочек с мёдом, но... ничего не происходит. Тогда я опускаю в огонь руку, сначала только кисть, а потом и дальше, до самого локтя. И снова ничего.

Я не горю в огне.

Откуда-то из глубин памяти выплывает воспоминание. Кажется, я начинаю что-то понимать.

Айвен. Его поцелуй.

В те минуты, когда Айвен подарил мне драконий огонь, он сделал меня невосприимчивой к человеческому пламени. Я не горю в огне... А как же чародейки в трин? И лошади?

Стремительно обернувшись, я отыскиваю взглядом кричащих на языке ной женщин. Тёмные мундиры на месте, под синим мерцающим куполом, хотя щит быстро уменьшается в размерах и тает на глазах.

Все выжили.

Но только благодаря щиту.

А где та лошадь, кобыла Ни Вин, которой не хватило места под руническим куполом? Бедняжка погибла, на чёрном песке виднеется лишь половина её туловища.

В ужасе я возвращаюсь взглядом к чародейкам. Их щит вот-вот исчезнет. Старая безволосая ло вой, по имени Хунг Ксо, показывает на меня и коротко приказывает что-то Кам Вин – я опять ничего не понимаю, она говорит на языке ной, но судя по жесту – меня обвиняют. Разгорается жестокий спор: мнения Чи Нам,

Кам Вин, Ни Вин и Чим Дик явно разделились.

Под ледяным, полным ненависти взглядом Хунг Ксо я медленно поднимаюсь на трясущихся ногах и застываю на месте с безумно бьющимся сердцем.

Я успела выучить всего несколько слов на языке ной, однако, просто глядя на спорящих чародеек, то и дело указывающих на меня, понятно: они не знают, стоит ли рисковать и привлекать на свою сторону мою слишком сильную и разрушительную магию. Слишком ясно написан на их лицах страх...

Такой силы, как у меня, не было даже у моей бабушки, Чёрной Ведьмы.

И в трин застали врасплох.

Они кричат друг на друга так яростно, будто оказались по разные стороны баррикад, стали врагами.

Одна из молодых чародеек, Куа Жон, внезапно отделяется от спорщиц, будто коршун, увидевший добычу, и направляется ко мне.

Удивление, с которым я наблюдаю за этим маневром, быстро сменяется страхом.

– Эллорен! – кричит Кам Вин и вместе с Ни Вин бросается в мою сторону.

Меч Кам Вин с рунами на лезвии взлетает в то мгновение, когда Куа Жон бросает в меня серебряный сюрикэн, один из многих, прикрепленных к перевязи на груди. К тому времени я уже успеваю сделать несколько шагов назад, а когда Куа Жон выбрасывает вперёд руку с сюрикэном, я инстинктивно пригибаюсь и тут же теряю равновесие.

Я падаю на землю, и серебристые лучи лишь чиркают меня сбоку по голове, тем не менее от острой боли темнеет в глазах. Меч Кам Вин, описав широкую дугу, опускается сзади на ноги Куа Жон.

Чародейка падает на колени и, запрокинув голову, вскрикивает от боли. Однако тут же находит меня полным решимости взглядом. Лихорадочно перебирая руками и ногами, я отступаю, не сводя глаз с ву трин.

Куа Жон тянется за другим сюрикэном, но подоспевшая Кам Вин бьёт её в локоть, и серебряная молния летит в сторону, в кучу тлеющих углей. Не трата времени, Кам Вин наносит удар Куа Жон в основание черепа, и чародейка падает лицом вниз.

Чи Нам грозно впечатывает рунический посох в землю, раздаётся громкий треск, и яркая вспышка озаряет пустыню. Свет быстро меркнет, и Чи Нам выступает вперёд, окружённая бесчисленными сапфирово-синими копьями, парящими вокруг седой чародейки и направленными на Хунг Ксо с союзницами.

Кам Вин, Ни Вин и Чим Дик выхватывают серебряные сюрикэны и целются в Хунг Ксо. Однако и Хунг Ксо с соратницами тоже не сидят без дела – у них в руках мерцают рунические мечи. Никто не хочет пускать в ход оружие, и ву трин возвращаются к бурным переговорам.

Сердце у меня стучит, как кузнечный молот, по щеке и шее течёт из раны кровь, но я не свожу глаз с ожесточённого спора – на кону моя жизнь. Исключительно из чувства самосохранения я оглядываю почерневшие пески: надо отыскать волшебную палочку. Однако ни моего Жезла, ни белёсой простенькой палочки, которую дала мне Чим Дик, нигде нет.

Бесполезно.

Даже если каким-то чудом и выяснится, что палочка не пропала в океане огня, разве мне это поможет? Что я тогда сделаю? Перебью всех ву трин: и врагов, и друзей? А заодно и лошадей? И останусь одна-одинёшенька в пустыне, где вскоре умру от голода и жажды.

Потрясающе... Самая могущественная Чёрная Ведьма Эртии не может себя защитить!

Прислушиваясь краем уха к ожесточённому спору, я поднимаю с земли увесистый булыжник – какое-никакое, а оружие. Вскоре, к моему невероятному облегчению, Хунг Ксо вместе с союзницами опускают мечи и бросают их на землю.

Чи Нам бьёт посохом о песок, и мерцающие копья в мгновение ока растворяются в воздухе. Бросив острый взгляд на Чи Нам и Кам Вин, Хунг Ксо взмахом руки указывает на меня. Две чародейки, стоящие рядом с Хунг Ксо, срываются с места и мчатся в мою сторону.

Вздвогнув, как от удара молнии, я медленно отхожу назад, одновременно поднимая руку с булыжником, однако почти сразу опускаю своё «страшное оружие». Чародейки всего лишь уносят так и не пришедшую в сознание Куа Жон. Её несут к лошадям, а я недоверчиво слежу, как те из отряда ву трин, кто, несомненно, желает мне смерти, вскакивают в сёдла и, бросив на меня полные неприкрытой ненависти взгляды, скачут прочь.

Оставшиеся четверо сходятся и снова принимаются что-то обсуждать, но гораздо тише, чем раньше.

Ни Вин явно колеблется, а Кам Вин что-то доказывает Чим Дик. Возможно, уговаривает оставить мне жизнь. Чи Нам молча слушает, опираясь на испещрённый рунами посох.

Время от времени Ни Вин оглядывается на обугленную тушу – искалеченную кобылу, которая так долго ей служила.

Бедная кобыла. Она ни в чём не виновата. Раскаяние пронзает меня будто острым копьём.

А лошадь, которую я сочла мёртвой, вдруг с хриплым ржанием поднимает голову, мотает ею из стороны в сторону, с мягких губ срываются клочья пены. В широко открытых глазах животного – ужас. Лошадь или то, что от неё осталось, извивается в агонии.

Смотреть на это нет сил.

Что-то надо делать. Невозможно просто наблюдать, как мучается живое существо. Как во сне, в бесконечном кошмаре, я медленно оглядываюсь и вдруг натываюсь взглядом на что-то тонкое и белое.

Мой Жезл Легенды!

Он лежит на небольшом возвышении на плоском камне, совсем рядом. Огонь его не тронул. Жезл будто предлагает: «Возьми меня!» И я торопливо хватаю его дрожащими руками – тут же, едва ощутив силу Жезла, откликаются мои магические линии. Спотыкаясь, я бреду к полуживой кобыле и останавливаюсь в нескольких шагах. Что же я наделала?.. Как же прекратить её страдания?..

Краем глаза я замечаю белую птицу – она медленно кружит в небе надо мной и несчастной кобылой. Белый силуэт вдруг вспыхивает, будто звезда, и передо мной разверзается тёмная бездна воображения.

Передо мной не лошадь, а солдат. Его мундир обгорел, нижнюю половину тела затянуло в песок. Воин поднимает голову, и я вижу в его глазах смертельный ужас. Но он здесь не один. Всё поле усеяно телами – вокруг раненые, обгоревшие, умирающие солдаты всех земель и народов: гарднерийцы, альфсигрские эльфы, народы страны Ной, амазакарины, ишкартаны. И не только солдаты, не только люди в военной форме. Здесь и женщины, дети, младенцы, старики – все обожжённые, искалеченные моей отвратительной магией.

За это короткое мгновение я отчётливо понимаю, какие страдания способна принести моя магия, если использовать её во зло.

Видение исчезает, передо мной снова умирающая кобыла.

А рядом с ней Ни Вин с руническим мечом в здоровой руке. Ни Вин смотрит на лошадь, стараясь хотя бы внешне сохранять спокойствие, а я не могу оторвать глаз от изуродованного уха и покрытой шрамами руки Ни Вин. А ведь такими же страшными шрамами покрыта половина её тела.

Она испытала на себе тот безжалостный огонь, что живёт во мне.

Ни Вин решительно опускает меч на шею кобылы и смотрит на неё, пока та не застывает. На лице Ни Вин не отражается никаких чувств, она будто смирилась со смертью существа, с которым провела долгие годы.

– Мне очень жаль, Ни Вин, – подняв на неё умоляющий взгляд, выдыхаю я. – Прости, мне правда очень жаль.

Ни Вин оборачивается и смотрит мне в лицо.

На мгновение, всего на мгновение, короткое, как бросок кобры, в глубине её глаз мелькает горькая ярость, но воительница тут же опускает глаза, вытирает меч и вкладывает его в ножны.

В совершенном отчаянии я стою перед обугленной тушей несчастного животного, погибшего из-за меня. В памяти снова вспыхивает жуткая картина поля боя, усеянного трупами, и я едва не теряю сознание.

Отшвырнув Жезл, я падаю на колени и прерывисто всхлипываю.

Спустя всего несколько секунд, когда мои пролившиеся наконец слёзы падают на почерневшую от сажи и пепла землю, я вдруг понимаю, что передо мной стоит Чи Нам, понимаю, что она рядом, прежде чем седая чародейка произносит первое слово. Склонившись надо мной, Мастер рун кладёт усталые руки мне на плечи.

– Соберись с духом, дитя.

Я поднимаю на неё затуманенные слезами и дымом глаза. Передо мной очень старая, почти дряхлая женщина с морщинистым лицом и тонкой, как пергамент, кожей. Разве сможет она мне помочь, научит справиться с чудовищной силой, живущей в моей крови? По сравнению с ней Чи Нам, да и все мы, лишь травинки на ветру. И только.

Скрытая во мне сила больше не дремлет, она крепко цепляется за мои магические линии. Мне не нужна такая магия. Немыслимая, зловещая.

– Зачем я вам?! – восклицаю я. – Я не могу, не умею справляться с этой силой. Посмотрите, что я сделала с лошадью! – горестно вздыхаю я, показывая на обугленные останки лошади и бросая полный раскаяния взгляд на Ни Вин.

Ни Вин, крепко сжав губы, отворачивается.

Я пытаюсь сбросить руки Чи Нам. Ещё немного, и я разрыдаюсь, как истеричка.

– Ничего хорошего из меня не получится! Магия захватывает меня, вводит в транс. Я не могу ею управлять!

Сквозь лежащие на моих плечах руки Чи Нам направляет в меня короткий разряд, как будто тонкую синюю молнию. Вздвогнув, я ахаю – сгусток энергии быстро находит мои магические линии и пробегает по ним, сглаживая панику.

– Вот так лучше, – кивает Чи Нам.

Магия её синей молнии никуда не уходит, она растёт внутри меня, успокаивая, прогоняя страх. Оказывается, Чи Нам вовсе не травинка на ветру.

Чародейка крепче сжимает мои плечи:

– Прогони страх и соберись!

Я обессиленно качаю головой, и синяя молния действует, изгоняя страх без остатка, не давая ему снова поднять голову.

– Да, твоя магия очень сильна, – произносит она, – но ты обязательно научишься ею управлять. Надо обязательно привыкнуть к этой мысли, понимаешь?

Она мягко касается кровоточащей раны на моей голове. Ещё одна синяя вспышка – и боль почти мгновенно уходит, а рассечённая кожа срастается.

Чи Нам отпускает меня, поднимает с земли Жезл Легенды и протягивает его мне. Поколебавшись, я принимаю белую волшебную палочку под её пристальным взглядом, мои магические линии, едва ощутив гладкую древесину, тянутся к Жезлу, будто превращаясь в натянутые струны, а с губ готово сорваться заклинание огня.

– Помни, – серьёзно произносит Чи Нам, снова положив руку мне на плечо. – Жезл Легенды, наш Жи-Лин, выбрал тебя, Эллорен Гарднер.

«Да, слишком много поставлено на карту», – проносится у меня в голове отчаянная мысль. И моя магия, и сила Фогеля будто пришли в этот мир из ночных кошмаров.

Вдруг вспоминается, как Фогель убил ликанов, безжалостно уничтожил ни в чём не повинные семьи, детей. Убил всю семью Дианы. А теперь гарднерийцы в союзе с альфсигрскими эльфами серьёзно намерены захватить Западные и Восточные земли и насильно заставить всех верить в то, что считают нужным.

– Что же мне делать? – хрипло спрашиваю я Чи Нам, пытаюсь успокоить мучительно сжавшееся сердце.

Чи Нам отстраняется и прищёлкивает языком. Её седые волосы посерели от покрывшего их пепла.

– Как ты понимаешь, прежде чем бежать вприпрыжку, надо научиться ползать. Пока будет достаточно просто сохранить тебе жизнь.

Чи Нам встаёт, хрустнув суставами, и переглядывается с Кам Вин – та возвращает ей посох.

– Ряды наших сторонников становятся меньше, Эллорен Гарднер, – встревоженно хмурясь, произносит Кам Вин.

Она поворачивается к Чим Дик. Грაციозная чародейка смотрит на меня мрачно, будто пытаюсь принять решение. Рядом с ней стоит Ни Вин – её лицо застыло, и всё тело замерло в неподвижности. Она словно смотрит внутрь себя.

– Куда отправились другие чародейки? – спрашиваю я Кам Вин, касаясь засохшей царапины на голове, – рана совершенно зажила.

– В Волей, на Совет, – отвечает Кам Вин, бросив взгляд в ту сторону, куда ускакали недавно требовавшие моей смерти ву трин. – Хотят попросить Совет Ной отправить к тебе убийц – кин хоанг. Требуют уничтожить тебя без промедления.

Кровь отливает от моего лица. Значит, я всё правильно поняла, прислушиваясь к их разговору, но узнать правду от Кам Вин всё равно больно.

– Что мне делать?

Кам Вин, помолчав, обменивается несколькими словами с Чи Нам на языке ной. Из всего сказанного я понимаю лишь два слова: имя – Лукас Грей. К моему удивлению, седая чародейка довольно улыбается и заговорщически переглядывается с Кам Вин.

– Ах да, конечно, Лукас Грей. – Чи Нам хлопает меня по плечу тыльной стороной ладони и многозначительно посмеивается. – Этот парень похож на кота. Когда-то мы с ним устраивали бои понарошку, но тогда он ещё не ходил в высших офицерах. Как-то раз он здорово разыгрался и устроил мне хорошую трёпку. Да и ему понравилось. – Чи Нам задумчиво молчит. – Есть в его магии что-то изящное. И он силён. – С холодной расчётливостью во взгляде она поворачивается к Кам Вин. – Хорошо. Он подойдёт. И с кин хоанг справится. – Посерьёзнев, Чи Нам поворачивается ко мне.

– Подождите, – недоверчиво прошу я. – Вы же не можете отправить меня обратно к Лукасу?

– Решение принято, – безапелляционно заявляет Кам Вин. – Отыщи Лукаса и попроси у него защиты. И немедленно.

Ошарашенным взглядом я обвожу Кам Вин, Чи Нам и молчаливую Чим Дик. У меня язык не поворачивается им ответить. Но так нельзя. Они привезли меня в пустыню, чтобы научить управлять магией и спасти всех, кто мне дорог. Я должна была сражаться с гарднерийцами и их союзниками.

А теперь меня отправляют в Гарднерию, к мужчине, который уверял, что мы просто друзья, а потом воспользовался смертью моего дяди и обручился со мной, хотя я была против? И это у него я должна просить защиты?

– Нет! – категорично мотаю я головой. Меня тошнит от одной мысли о таком возвращении! – Я его ненавижу!

– Так будет лучше, – настаивает Кам Вин. – Тебе надо выжить.

– Лукас, судя по некоторым признакам, подумывает о том, чтобы расстаться с гарднерийской военной службой, – лукаво улыбаясь уголком рта, сообщает мне Чи Нам. – Мы с ним время от времени беседуем.

Вот это новость! Лукас Грей беседует с Чи Нам? А ведь он действительно искренне ненавидит Маркуса Фогеля. Я помню, как яростно уговаривала Лукаса уйти из гарднерийской армии, а он тогда отказался. От мыслей о Фогеле у меня внутри всё переворачивается.

– И как же я научусь управлять своей магией, если вы отошлёте меня в Гарднерию? – скептически приподняв брови, интересуюсь я у Чи Нам. – А если гарднерийцы узнают, кто я? Я даже не смогу себя защитить! А если попытаюсь, то погибнут все, кто окажется со мной рядом. Да я Валгард могу случайно сровнять с землёй!

«И тогда погибнут бесчисленные невинные люди: гарднерийцы, эльфы и ещё многие».

– Вот потому-то тебе и придётся скрыть свою магическую силу, – говорит Кам Вин.

– Если кто-нибудь узнает, какая магия во мне пробудилась, Фогель меня отыщет. И подчинит себе, – глядя чародейкам в глаза, размеренно произношу я.

На долгое мгновение воцаряется тишина.

– Понимаешь, Эллорен Гарднер, это игра, и нам придётся рискнуть, – наконец отвечает Чи Нам. В её глазах мелькает искорка безрассудства. – И всё же я уверена, что от твоей магии зависит исход противостояния. Если тебя убьют, нам не выстоять против сил тьмы.

И снова тишина. Зловещее молчание.

Быть может, поверив моим мольбам, Чи Нам протягивает мне руку и помогает встать на ноги, поддерживая уверенным взглядом. Она вынимает откуда-то из-под накидки округлый

камень с руной. Это оникс. Руна мерцает серебристо-сапфировым светом. Седая чародейка вкладывает прохладный камень мне в ладонь.

– Спрячь его и всегда держи при себе, – советует Чи Нам, накрывая мою ладонь своей. – Если я тебе понадобится, он меня призовет. Ясно? – Я медленно киваю, и старуха сжимает мою руку. – Вот и хорошо, дитя. Будь сильной. Иначе нельзя. – Она серьёзно смотрит на меня и многозначительно добавляет: – Нам нужна твоя сила, чтобы победить Фогеля. Без тебя нам не справиться. Мы обязательно придём за тобой.

– Всё, времени на разговоры больше нет, – прерывает нас Кам Вин, следившая за дорогой, по которой ускакала Хунг Ксо с союзницами. – Тебе пора уходить, Эллорен Гарднер. Прямо сейчас. – Она поворачивается к Ни Вин. – Отведи её к порталу Фи На. Скачите во весь опор. Промедление её убьёт.

Во мне снова поднимается знакомая паника.

– А как же... вы? Куда вы отправитесь? – умоляюще оглядывая Кам Вин, Чи Нам и Чим Дик, спрашиваю я.

– Мы поскачем в Ним и будем умолять Ванг Трой пощадить тебя, – мрачно и решительно отвечает Кам Вин.

Ванг Трой? В памяти встаёт образ командующей силами ву трин. Я помню, как она спрыгнула с дракона на поле у Северной башни. У неё на голове ещё серебрился узкий ободок, как будто с рожками.

– Думаете, она вас послушает?

Кам Вин оглядывает почерневшую пустыню, догорающие в сумерках точки костров. Обернувшись ко мне, она молча смотрит мне в глаза. Я крепче сжимаю камень с руной, который получила от Чи Нам.

– Найди Лукаса Грея, – говорит Чи Нам. – Ты с ним обручена. Напомни ему об этом и потребуй защиты. А если сможешь, попробуй отыскать оружие, которым гарднерийцы убили ликанов. Когда мы придём за тобой, передашь это оружие нам. И если выполнишь задание, найдёшь для нас оружие, возможно, нам удастся уговорить Ванг Трой сохранить тебе жизнь. А заодно и наши жизни.

Глава 2. Магическая страсть

Эллен Гарднер

Шестой месяц

Верпасия, провинция Гарднерии

Свернувшись у костра на лесной поляне, я смотрю на Ни Вин. Нас окутывает ночная тьма.

Ни Вин в своей чёрной военной форме сидит на поваленном дереве и точит кривой меч, расписанный рунами, водя по лезвию маленьким точильным бруском. Лезвие мерцает в отблесках танцующего пламени, руны отливают синим.

Как странно, я привыкла к компании Ни Вин. Мы скачем на запад: прошли в портал Фи На в пустыне, попали в Каледонские пустоши, потом пробрались тайным ущельем под Северным хребтом.

Мы идём в Кельтанию, теперь новую провинцию Гарднерии.

За последние дни я узнала, что Ни Вин всегда точит клинки, если у неё свободны руки. Ночь за ночью она без устали натачивает меч с рунами, кривые клинки и даже серебряные сюрикэны, несмотря на то что оружие у неё острее не бывает.

Я понимаю её тягу к металлу, ведь точно так же меня влечёт дерево, хотя я и сопротивляюсь, не поддаюсь внезапно захватывающему меня желанию снова испытать прилив магических сил. В пути, когда мы скачем через леса Верпасии, которая стала провинцией Гарднерии, я намеренно не касаюсь мрачных разъярённых деревьев и даже упавших на землю ветвей. Лес дышит ненавистью и страхом, и мои магические линии откликаются короткими вспышками.

Деревья безмолвно оценивают моё могущество.

Земля в лесу усыпана толстыми ветками и тонкими прутиками, некоторые из них прямые и гладкие, как готовые волшебные палочки. Моя правая рука безотчётно сжимается, магические линии тянутся к каждой ветке, на которую падает мой взгляд.

Мне всё сильнее хочется касаться мёртвого дерева, сухих ветвей, чтобы накормить растущую магию. Я словно в тисках пагубной страсти, управлять которой не в силах. Как Ариэль ничего не могла поделать с непреодолимой тягой к дурманящим ягодам нилантира.

В попытках отвлечься, я сжимаю правый кулак с такой силой, что ногти впиваются в ладонь, однако сознательное сопротивление только распаляет запретную страсть. Увидев, на что способна в моих руках волшебная палочка, я теперь понимаю, почему меня так тянет к дереву.

Меня толкает к деревьям ищущая выход магия.

С некоторых пор мне страшно касаться Жезла Легенды – я замотала его в лоскут грубой ткани и держу в голенище левого сапога. Я чувствую его присутствие, дерево в звёздном свете то и дело является мне в коротких видениях, но я слишком боюсь этой силы и сопротивляюсь Жезлу изо всех сил.

Я боюсь всех волшебных палочек.

Я боюсь себя.

Лёжа на тонкой подстилке у костра, я размышляю о магии и волшебных палочках под скрежет точильного камня на лезвии меча, огненные блики на клинках безмолвно меня о чём-то предупреждают.

Мы с Ни Вин угрюмо молчим почти всю дорогу, моя магия всегда с нами, как третий путник, от которого не избавиться. Время от времени Ни Вин бросает в мою сторону короткие взгляды – быть может, воображает, как легко перерезать острым клинком мне горло.

Она давно познакомилась с истинной природой моей магии, и свидетели тому её изуродованные рука и ухо. А теперь и я знаю, на что способна моя сила, ничуть не похожая на

романтическое волшебство из сказок о подвигах моей бабушки. В том огне погибла почти вся семья Ни Вин, пламя выжгло целые деревни вместе с жителями. Ни Вин как-то обронила, что «проклята жить».

Она точит меч, а мне кажется, что на лезвии этого оружия балансирует моя жизнь. Наверное, стоит опасаться её мрачных взглядов, судя по которым, Ни Вин вовсе не уверена, что поступает правильно, помогая мне остаться в живых. Однако я до сих пор не оправилась от потрясения, увидев и ощутив, на что способна моя магия, и на страх за свою жизнь просто нет сил.

Утром мы снова в седле, скачем, едва обмениваясь парой слов. Ем я, только чтобы поддерживать силы, почти не ощущая вкуса походных галет из каких-то зёрен с волокнами сушёных фруктов. Пью, только чтобы утолить жажду. Вода кажется горькой, и с каждым глотком приходит мысль: «Что за чудовище я кормлю?»

У самого Южного хребта мы останавливаемся на берегу реки под косогором. Утренние лучи золотят воду, в воздухе жужжат насекомые.

Без малейшего желания я стаскиваю тяжёлую военную форму ву трин. Плотная ткань защищает от огня, стрел и ножей, но в то же время – и это, пожалуй, важнее всего – чёрный мундир даёт надежду, с ним ву трин мне будто предложили шанс стать другой, пообещали принять к себе.

Свернув одежду и крепко сцепив зубы, я захожу в воду и окунаюсь с головой. Вода ледяная. Меня трясёт, зубы выстукивают дробь, мерцающая оттенками светлого изумруда кожа покрывается мурашками. Ни Вин безучастно наблюдает, усевшись на плоский валун на берегу. Руны, которые начертила на мне Сейдж – и щит от тёмной силы на предплечье, и предвестник мрака на животе, – ясно выступают на замёрзшей коже.

Мы с Сейдж виделись несколько месяцев назад у амазов, и, вспоминая о ней теперь, я думаю и о других друзьях и родных.

«Где ты сейчас, Сейдж? Здоров ли твой малыш-икарит? Добралась ли ты до земель Ной? Быть может, сейчас ты там с моими братьями и Дианой, с её братом Джаредом и теми, кто мне дорог? Быть может, и Айвен там, с вами?»

Я упрямо гоню вдруг охватившую меня тоску, сильнейшее желание оказаться с дорогими и любимыми, прячу печаль глубоко в сердце.

Быстро ополоснувшись, я заворачиваюсь на берегу в жёсткое покрывало и с досадой цепенею перед великолепным гарднерийским платьем и накидкой, которые Ни Вин разложила на широком плоском камне. Хитрая Чи Нам заранее приготовила эту одежду – на случай внезапного побега.

Утренний ветерок приподнимает угол одеяла и холодит ноги.

С ощущением, что добровольно глотаю ядовитое зелье, я тщательно облачаюсь в гарднерийский наряд: шёлковое нижнее бельё и чулки, кожаные сапоги с узким голенищем, широкую чёрную нижнюю юбку. Затем набрасываю узкое платье с разрезами по бокам и терплю, затаив дыхание, пока Ни Вин крепко зашнуровывает лиф.

Я принимаю из рук спутницы чёрный плащ и привычно набрасываю его на плечи.

Жезл Легенды я прячу в голенище левого сапога, а камень с руной, полученный от Чи Нам, опускаю в глубокий карман платья – гладкий оникс холодит меня сквозь шёлк платья, успокаивая, внушая надежду.

* * *

Тем же утром мы с Ни Вин останавливаемся перед Южным хребтом, вздымающим острые пики к небу высоко над нашими головами.

Ни Вин взмахивает камнем с синей руной ной над плоской, нагретой солнцем каменной стеной – здесь хребет выше, чем кафедральный собор Валгарда. Я вдруг вспоминаю, как Айвен легко, почти без усилий, перевалил через эту горную цепь, а я висела на нём с закрытыми глазами, в испуге от невероятной высоты.

Сегодня мне не придётся подниматься вверх к горным пикам.

На каменной стене хребта появляются очертания сапфирово-голубых рун, похожих на символы на камне Ни Вин. Сначала это тонкие линии, но они быстро становятся глубже и чётче. Ни Вин прижимает камень к рунам на стене, и часть горы растворяется в тумане, открывая дорогу к недавно завоёванной Гарднерией кельтской провинции.

Перебросив через плечо походный мешок, я оборачиваюсь к Ни Вин – она обещала дать мне светящийся камень, чтобы не пропасть в непроглядной тьме туннеля, когда закроется гора.

Однако Ни Вин вовсе не спешит. Её рука лежит на рукоятке меча, а на лице застыло выражение угрюмой решимости.

Кровь отливает от моего лица, голова противно кружится под жестоким взглядом Ни Вин. Стоит ей взмахнуть мечом, и обо мне останется одно воспоминание. И мы обе прекрасно это знаем.

– Я догадалась, что ты не раз думала, не убить ли меня, – медленно и осторожно выговариваю я.

– Если хочешь знать, я раздумываю над этим прямо сейчас, – тут же выпаливает она.

– Все, кто мне дорог, все до одного, погибнут, если победят гарднерийцы, – сдавленным от волнения голосом отвечаю я.

Её рука по-прежнему сжимает меч.

– Эллорен Гарднер, когда ты в своём уме, то ты за нас, на тебя можно положиться. Но вот гарднерийцы... они умеют справляться с врагами, давно научились подчинять кого угодно своей воле.

Что тут ответить? Она права. Перед моим мысленным взором мелькают сломленные икариты и порабощённые виверны и драконы. До чего дойдут гарднерийские маги, если потребуются перетащить на свою сторону или подчинить Чёрную Ведьму? Мы с Ни Вин знаем, что, как только мою магию обнаружат, Фогель меня не помирует.

Силой, которая живёт во мне, я управлять не умею и потому, в сущности, беспомощна.

А ведь именно эта сила, быть может, и исполнит пророчество в самом ужасном виде.

– Оставить тебя в живых слишком рискованно, – утверждает Ни Вин, холодная и спокойная, как безветренная ночь.

– Моя смерть ничего не решит, – стараюсь не допустить в голосе дрожи, отвечаю я. – Останутся Маркус Фогель, Фэллон Бэйн и гарднерийские войска. У вас есть икарит, это правда, однако Айвен пока мало что умеет и недостаточно силён, чтобы победить гарднерийцев в одиночку. По крайней мере пока.

Ни Вин молча выдерживает мой взгляд.

– И мы с тобой знаем, что Фогель гораздо сильнее, чем вы все полагали, – выкладываю я ещё один аргумент в попытке сохранить себе жизнь.

Ни Вин стоит в той же позе, не убирая руку с меча.

– Отправляя тебя в Гарднерию... – Она крепко сжимает губы и коротко качает головой. – Мы, возможно, отдаём тебя в руки Фогелю. Признаю, я не уверена, что Чи Нам и моя сестра придумали хороший план.

Мы долго молчим, напряжение становится невыносимым.

– Я понимаю, – наконец прерываю я тишину. – Мне тоже всё это не слишком нравится. Но если моя магия нужна, чтобы победить Фогеля, мне нельзя умирать. – Нагнувшись, я быстро вынимаю из голенища Жезл Легенды, стряхиваю с него грубую мешковину и поднимаю вверх.

От Жезла исходит мерцающий свет. – А как же Жи-Лин? Я Чёрная Ведьма, да, но он... выбрал меня.

Округлившимися от удивления глазами Ни Вин смотрит на белеющий во тьме Жи-Лин и нервно сглатывает. Я вижу, как дёргается её шея.

Наши взгляды встречаются, а мои магические линии тем временем с крайне неприятным упорством тянутся к зажатому в пальцах Жезлу.

– Оставить меня в живых – рискованно, – признаю я. – И я это понимаю. И всё же с моей смертью, возможно, исчезнут все надежды на победу над Фогелем.

Я жду. Моя жизнь сейчас в буквальном смысле балансирует на лезвии меча Ни Вин. Воительница стоит неподвижно, нахмурившись и упрямо сжимает меч.

Наконец она отпускает рукоять и убирает руку.

Вот теперь можно перевести дух. Ни Вин вынимает из-за пазухи исчерченный рунами камень, и я с благодарностью его принимаю. Слова на языке ной, которыми зажигают камень во тьме, я выучила наизусть.

– Иди, Эллорен Гарднер. – Ни Вин кивком указывает на туннель за моей спиной. – И будь осторожна. Не позволяй гарднерийцам выяснить, кто ты на самом деле.

Я коротко киваю, и Ни Вин вдруг мрачнеет.

– А если они обо всём узнают и заставят тебя служить им, – тяжело роняя каждое слово, произносит она, – у меня не останется выхода, и я сама приду за тобой.

Придёт, чтобы меня убить. Это яснее ясного.

Я снова молча киваю. Завернув Жезл в лоскут ткани, я прячу его в походном мешке, заталкиваю в небольшую прореху – там волшебную палочку вряд ли станут искать. Забрасываю мешок за спину и в последний раз смотрю Ни Вин в лицо – мы скрепляем сказанное друг другу мрачным взглядом.

И я ухожу во тьму.

По сырым тёмным туннелям я бреду довольно долго, точнее определить не получается, исходящий от камня свет окрашивает всё призрачно-синим. Мне приходится приложить много сил, чтобы побороть страх замкнутых пространств, тишины и научиться не замечать копошащихся тут и там насекомых.

Выйдя наконец из-под горы на свет и воздух, я с облегчением подставляю лицо солнечным лучам и спешу вперёд, чтобы поскорее преодолеть следующий отрезок пути. Волшебный светящийся камень я оставляю в туннеле, как и приказала Ни Вин. Руны, окаймляющие выход из пещеры, быстро тают, и гора почти сразу же смыкается за моей спиной.

Несколько часов кряду я иду пешком, то и дело сверяясь с картой, которую дала мне Ни Вин, и наконец оказываюсь на конской ярмарке в бывшей Северо-Восточной Кельтании. А ведь я была именно здесь с Айвеном и Андрасом! Остановившись передохнуть под раскидистым деревом, я внимательно оглядываю открывшийся пейзаж: как всё изменилось! Некогда весёлой ярмарки больше нет. Лошади мне попадаются на глаза только гарднерийские, военные, повсюду трепещут чёрные флаги с белыми птицами. За лошадьми присматривают тощие пожилые кельты, а вот молодых и весёлых парней-кельтов, которых раньше на любом рынке в Кельтании было предостаточно, не видно ни одного.

К забору прислонились двое гарднерийских солдат, военная форма на них новая, щеголеватая. Они явно подшучивают над пожилым кельтом, который с печальной гримасой подаёт им что-то в кожаной сумке. Когда кельт отходит, один из солдат, воровато оглядевшись, вынимает из той самой сумки зелёную бутылку и торопливо переливает содержимое в флаги для воды, висащие на шее у военных.

«Алкоголь! Да ведь он под запретом по приказу Совета магов!»

Собравшись с духом и не обращая внимания на колотящееся сердце, я направляюсь к гарднерийцам.

Что ж, я выбрала дорогу, свернуть с которой в ближайшее время не удастся. И вот я выхожу из-за деревьев – в безупречном гарднерийском платье, копия моей могущественной бабушки. Челюсти у солдат отвисают одновременно.

Бросив острый взгляд на фляги в их руках, я многозначительно смотрю им в глаза.

– Отведите меня к командеру Лукасу Грею, – приказываю я. – Я Эллорен Гарднер. Его наречённая супруга.

Спустя всего несколько минут я уже в карете, прекраснее, чем та, в какой путешествовала тётушка Вивиан, и к тому же в сопровождении четырёх магов пятого уровня. Всё так непривычно... Карета катится ровно, как будто на дороге нет ни единого камня.

Вскоре лес расступается, и мы выезжаем на главный перекрёсток Кельтании. Вот здесь я едва сдерживаю возгласы изумления.

Широкие дороги запружены, проехать невозможно, кельты идут плотным потоком, и все в одном направлении – на северо-восток.

«Беженцы, это же всё беженцы», – с ужасом понимаю я. Люди стремятся покинуть Кельтанию, которая совсем недавно стала провинцией Гарднерии.

Моя карета быстро преодолевает расстояние до развилки.

– Дорогу! Прочь! – звучат резкие приказы сопровождающих меня магов, и толпа перед нами расступается. Мы почти не снижая скорости катим против потока людей, на юго-запад.

Кельты шарахаются, на их лицах читается страх.

И ещё – ненависть. Тщательно скрытая. Но я вижу её, она проглядывает в настороженных взглядах.

Карета замедляет ход, и я встречаюсь взглядом с маленькой кельтской девочкой, вцепившейся в руку измождённой матери. Малышка прижимает к себе тряпичную куклу с льняными косичками, того же цвета, что и волосы хозяйки. У меня перехватывает горло: девочка – ровесница моей знакомой, внучки Ферниллы, и в её голубых глазах застыло знакомое мне выражение тоски и страха.

– Ну и как вам, нравится? – вдруг громко спрашивает беженцев один из моих стражей. Девочка вздрагивает от неожиданного окрика. – Точно так же вы поступили с нами! Помните? – ухмыляется маг. – Отобрали нашу землю и выгнали из родных домов. Хорошо вам?

Кельты отворачиваются, а мы катим дальше, и девочка с матерью пропадают из вида.

Я, как никогда, вдруг остро понимаю: Гарднерия захлопнула капкан, поймала в жестокую ловушку и эту малышку, и всех кельтов. Миром управляют исполинские силы, безжалостно меняют его по своему усмотрению.

Однако и во мне живёт могучая чудовищная волшебная сила, вдруг вспоминаю я. Осталось лишь научиться ею управлять и прекратить беспощадные войны.

Магия во мне откликается, и я вздрагиваю всем телом, ощущая деревянные предметы вокруг меня вплоть до деревянной рамы кареты.

Правая рука, которой я обычно держу волшебную палочку, непроизвольно сжимается в кулак. Она требует.

Ждёт прикосновения к дереву.

Жаждет ощутить магию.

Да мне же не справиться с собой! В отчаянии я старательно отгоняю мысли о дереве и волшебных палочках, борюсь с собой, чтобы не вцепиться в деревянную планку под сиденьем, не произнести заклинание и не ударить волной магии. Стоит моей волшебной силе найти выход, и она подчинит меня себе, убьёт всё живое на многие мили вокруг! Мне нельзя даже касаться дерева!

Задёрнув тёмные бархатные шторы, я крепко сжимаю левой рукой правую и прерывисто дышу, стараясь успокоиться.

«Потерпи», – убеждаю я себя, отгоняя страх, беспощадно опутывающий меня ледяными щупальцами.

Я боюсь. Боюсь себя.

«Надо остаться в живых, иначе некому будет с ними сражаться», – мысленно повторяю я, успокаивая разбушевавшиеся магические линии.

Я массирую правую руку, сжимаю и разжимаю пальцы сначала быстро, потом медленнее, почти ласково касаюсь кожи, и огненная сила внутри меня слабеет, сначала едва заметно, потом всё быстрее. Наконец я нахожу в себе силы вдохнуть глубоко-глубоко и серьёзно оценить ситуацию.

Мне надо выжить. Сейчас это главное.

Я оружие, хочу я того или нет.

Оружие, которое очень нужно Сопротивлению.

Вскоре я вернусь в роскошное, прогнившее насквозь сердце Гарднерии, и никто ничего не узнает. Потому что Лукас Грей меня защитит. Ведь мы обручены.

А потом Сопротивление отыщет меня и призовет на битву.

Глава 3. Маг Вивернгарда

**Тристан Гарднер
и Воттендрил Ксантил**

Шестой месяц

Восточные земли,

северный остров-близнец Вивернгарда

Воттендрил Ксантил наблюдает за полётом рунического корабля, стремящегося к Вивернгарду по ночному небу. Огромные вихревые руны на корме и в днище корабля сияют всеми оттенками сапфира, отбрасывая блики на бурное течение реки Во.

Все острейшие, как у любого оборотня-виверна, чувства Воттена напряжены, от него ничто не скроется, даже в полной темноте.

Пламя рунических факелов, заключённых в стеклянные шары, заливают голубым светом Воттена и других военных стажёров в тринах в серебристо-синих мундирах. Стоя на просторной террасе, они нетерпеливо и в то же время по-военному собранно ждут посадки корабля.

Резкий порыв ветра бьёт в спину Воттена, и юноша инстинктивно втягивает воздух. Его магия устремляется на зов воздушных потоков, курсирующих над рекой. Воттен бросает короткий взгляд за плечо, на вершину горы северного острова-близнеца – одного из двух островов, больше всего похожих на каменные высокие башни, которые и образуют Вивернгард в окружении широкой, глубокой и темноводной реки Во.

Воттен оглядывается на подлетающий корабль. Его решимость удваивается, как только судно касается посадочной террасы, а паруса с нарисованными на них драконами складываются внутрь. С корабля спускают трапы.

Первым высаживается командер Вивернгарда Унг Ли. Она не сходит, а почти слетает с корабля.

Красивое лицо командера пылает едва скрытой яростью, она шагает быстро и легко и, ступив на посадочную террасу, никому не смотрит в глаза, как будто мысленно продолжая так разозливший её спор.

Стараясь не показать своего гнева, Воттендрил переводит пристальный взгляд на юношу, который в это самое мгновение ступает на трап.

Тристан Гарднер.

Внук Вуульнор – Чёрной Ведьмы.

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

*****

(Данная часть текста была удалена в соответствии с требованиями статьи 6.21 Федерального закона от 05.12.2022 № 479-ФЗ "Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола")

Гарднериец шагает легко и уверенно, на его лице не отражается никаких чувств, а вот его глаза... Взгляд у него горячий и жестокий, как белое пламя. Именно так он смотрит на

всех, кто встречает его, – а у стоящих на платформе, от любого солдата в трин до последнего стажёра, на лице написано отвращение. Воттендрил с каким-то мрачным удовольствием размышляет, каково будет увидеть, как этот маг опустит, не выдержав, свой яростный взгляд в землю. Однако от него ничуть не пахнет страхом.

Закрыв на мгновение глаза, Воттен делает глубокий вдох, чтобы считать следы невидимой, кипящей в воздухе магии. Когда его магическая аура сталкивается с аурой Тристана Гарднера, оборотень инстинктивно вздрагивает.

Воттен распахивает глаза, в которых сверкают яркие молнии.

Магия огня. И воды. Внутри этого мага пятого уровня, внука Чёрной Ведьмы, угрожающе неистовствует настоящий океан силы.

Воттен пристраивается на шаг позади Тристана Гарднера, его решимость крепнет при виде негодующих взглядов, которыми награждают его стажёры, выстроившиеся по обе стороны террасы. Он отвечает им уверенным неукротимым взглядом.

Этот Тристан Гарднер столь же опасен, сколь красив. И Воттендрил намерен выгнать его из Вивернгарда, чего бы это ни стоило.

В кабинете начальника Вивернгарда Тристан Гарднер не мигая смотрит на Унг Ли, которая оглядывает его с ног до головы, опершись ладонями на обсидиановый письменный стол. Его решимость остаться ничуть не уступает её желанию избавиться от неприятного чужака.

«Ну давай, – мысленно советует ей Тристан, – прогони меня, попробуй. Я останусь и выиграю этот спор».

Высокие окна за спиной Унг Ли оправлены ониксовыми резными рамами. Сквозь арочные застеклённые проёмы открывается великолепный вид на реку Во, на сверкающий город Волой на северо-востоке и на тёмную громаду горного хребта Во, вздымающуюся вдоль западного берега реки. Вся отделка в комнате выполнена в цветах Вивернгарда – сапфировом, чёрном, цвета оникса и цвета слоновой кости.

– Вас повсюду будет сопровождать охранник, – сообщает Унг Ли Тристану, сверля его тёмным взглядом.

Четверо солдат в форме войск в трин стоят по двое с каждой стороны письменного стола и смотрят на Тристана так же непримиримо, как их лидер.

Несколько стажёров в трин выстроились полукругом за спиной Тристана. Он спиной чувствует их полные ненависти взгляды.

– Я арестован? – Тристан задаёт этот вопрос совершенно спокойно, с каплей сарказма в голосе. Что, впрочем, опасно граничит с нарушением субординации.

Острый взгляд Унг Ли сразу же заставляет Тристана пожалеть о вольности. Его оценивают, как будто находя подтверждение худшим предположениям.

Тристан невозмутимо выдерживает огненный взгляд командера. Да, пожалуй, сомнений нет: ни глава Вивернгарда, ни стажёры в трин ему не рады. Конечно, он здесь только потому, что Ванг Трой, блестящая и непредсказуемая командующая силами в трин, приказала принять его в Вивернгард, дала шанс показать, на что он способен.

– Ты маг пятого уровня, – отвечает Унг Ли. Её голос сочится враждебностью, тёмные глаза смотрят сурово. – Но ещё ты внук Вуульнор. И война между нашими народами может вспыхнуть в любой момент. Если ты хочешь вступить в войска в трин, Тристан Гарднер, то будешь повсюду ходить с охранником. – Она решительно протягивает к нему руку ладонью вверх. – Сдать волшебную палочку!

Тристан напрягается всем телом, его водная магия превращается в бурный поток. Невидимые молнии бьют по его магическим линиям, однако Тристан спокойно вынимает из ножен волшебную палочку и подаёт командеру, в ту же секунду остро ощутив её отсутствие.

Впрочем, отсутствие Тьерни Каликс он вдруг ощущает даже сильнее, чем потерю палочки. Жаль, что их с Тьерни не отправили на северный остров вместе. За те дни пути, что

«Да это же жилонильский дракон!» – мысленно восклицает Тристан. Когда-то он читал о таких существах. Жилонильским драконам подвластна очень сильная магия стихий, они живут далеко, к северо-востоку от островов Вивернгарда. В этих краях драконы-оборотни вместе с феями управляют погодой. А когда-то они повелевали всеми ветрами на планете. Пока Чёрная Ведьма не вытеснила их в Западные земли.

Губы Воттендрила искривляются в короткой враждебной ухмылке, на них сверкает нестерпимо яркая молния. И тогда Тристан вдруг отчётливо понимает, какое место ему уготовано у ву трин.

Презренного мальчика для битья.

Мгновенно отбросив всякое восхищение потрясающей внешностью Воттендрила Ксантила, Тристан уверенно выдерживает драконий взгляд, хотя молнии оборотня пощипывают магические линии гарднерийца явно намеренно и довольно болезненно.

Однако неприятные ощущения, от которых никуда не деться, лишь подстёгивают Тристана.

Ну давайте, попробуйте меня прогнать. Тристан смотрит Воттену прямо в глаза. Здесь меня не принимают. Подумаешь! Меня и дома не особенно любили. Однако я остаюсь здесь. Потому что намерен сражаться с гарднерийцами бок о бок с вами, ву трин, желаете вы того или нет.

– Воттендрил покажет тебе казарму, – прерывает их игру в «гляделки» Унг Ли.

Тристан невозмутимо салютует Унг Ли, ударив себя кулаком в грудь, как принято в землях Ной.

– Хойон, Нор Унг Ли!

Теперь Тристан намеренно демонстрирует, что готов и даже уже начал вживаться в традиции ву трин и учит незнакомый язык.

Однако Унг Ли смотрит на него с непроницаемым выражением на лице. Пронзив напоследок гарднерийца острым взглядом, она подаёт короткий, но очень красноречивый знак Воттендрилу: указывает на дверь, будто больше всего на свете желая избавиться себя от присутствия Тристана Гарднера.

Воттендрил Ксантил шагает в ногу с Тристаном, каблуки их сапог в унисон бьют по каменному полу длинного коридора, который тянется через весь северный остров Вивернгарда. На гладких плитах то и дело попадают заключённые в круг эмблемы дракона. На потолке тоже драконы – чёрные эмблемы вырезаны в обсидиане, мощные змеиные формы омыты мерцающим синим светом, который отбрасывают рунные факелы, закреплённые на стенах.

Все встречные воины и стажёры ву трин бросают на Воттена обнадеживающие взгляды, выражая негласную солидарность. «Прогони его!» – будто говорят они.

– Итак, у меня теперь личный охранник, – говорит Тристан Гарднер. В его голосе проskalзывают едва слышные нотки насмешки.

Воттендрил поворачивается к гарднерийцу: его встречает быстрый, пронизательный взгляд, воздух между ними уже едва не искрит от напряжения.

Воттен вспыхивает яркими молниями.

– Естественно, охрана нужна, – парирует Воттен, подавив усмешку. – Я буду дежурить днём, а ночевать в казарме будет другой страж.

Откровенно говоря, Воттен потрясён презрением, которое исходит от этого мага. Он имеет дерзость сомневаться в необходимости охраны!

Да как он смеет? После того, как прорвался в Вивернгард? Внук Чёрной Ведьмы, подумай только! В высокочтимом Вивернгарде! Несмотря на все протесты. Несмотря на петицию, которую составил Воттен и направил в трибунал ву трин и в Совет Ной. Однако верховная

командующая Ванг Трой, самая высокопоставленная из всех чародеек в трин, отмела все просьбы и прошения.

Даже несмотря на то, что никому, в сущности, внук Чёрной Ведьмы здесь совсем не нужен.

– То есть ты повсюду будешь ходить за мной, как тень? – холодно уточняет маг.

Воттен очаровательно улыбается, хотя глаза его и мечут молнии.

– Да, гарднериец, буду. А если ты хоть на йоту нарушишь правила Вивернгарда или приказы Унг Ли, оттащу в трибунал в трин, схватив прямо за твою тонкую гарднерийскую шею.

Тристан Гарднер ухмыляется в ответ и замедляет шаг. Когда они останавливаются, Воттен едва не отшатывается, увидев в глазах гарднерийца всплеск бешеного гнева.

Водная магия Тристана бурлит, жестокая и непримиримая.

Он окидывает Воттена взглядом с головы до ног, и в его глазах тоже вспыхивают молнии.

– Что ж, попробуй, – отвечает он, оскалив зубы.

Ого, какой смелый. Воттен растягивает губы в холодной улыбке, выпустив над головой сверкающие чёрные рога.

– Тебе рассказали, кто я? – мягко осведомляется он.

– Полагаю, жилонильский дракон-оборотень, сородич восточных драконов, – со знанием дела отвечает Тристан. – Готов спорить, что и магией владеешь на высшем уровне.

– Верно, Тристан Гарднер, и не забывай об этом. – Воттен склоняется вперёд, охваченный внезапным стремлением высвободить крылья и показать этому гарднерийцу, на что способен. – Мне известно, что ты маг пятого уровня. И сила твоя чрезвычайно велика. Она растёт, ещё не достигла пика. Однако не думай, что я с тобой не справлюсь.

И опять гарднериец смотрит на него с ледяным презрением, под которым легко угадывается тяга к неповиновению приказам. Губы Тристана изгибаются в очередной холодной усмешке.

– Мне бы и в голову не пришло сомневаться в моём новом страже, Воттендрил.

Подозрительно прищурившись, Воттен подстраивается под широкий шаг гарднерийца, который уже идёт дальше.

«Как интересно, а этот экземпляр не торопится раскрывать все карты», – размышляет Воттен, втягивая драконьи рога обратно. Он явно столкнулся с чем-то неожиданным, а всё непонятное Воттена тревожит.

Пожалуй, присматривать за Тристаном Гарднером придётся куда пристальнее, чем он рассчитывал. Этот парень никому не подчиняется, как его ни запугивай. Прямые угрозы на него тоже не действуют.

Что ж, применим тяжёлую артиллерию.

– Тебя здесь не ждали, – произносит Воттен, и его слова откровенно сочатся ядом.

А в ответ опять эта гадкая ухмылка.

– Я знаю, – кивает Тристан. – Однако я здесь и никуда уходить не собираюсь, так что привыкай к моей компании.

Воттен не смог бы спрятать саркастические интонации, даже если бы попытался.

– Тебе что, нравится быть среди тех, кто тебя ненавидит?

Лицо Тристана остаётся бесстрастным, а в глазах вспыхивает пламя, когда он снова останавливается и поворачивается к собеседнику.

Гарднериец говорит спокойно, почти вежливо, однако не почувствовать рвущийся на свободу яростный огонь невозможно.

– Я хочу быть там, где смогу вступить в армию, которая будет сражаться с гарднерийцами и альфсигрскими эльфами до последнего воина и до последней капли магии. – Тристан резко шагает к Воттену. – Мне плевать, кто и где меня ненавидит. Плевать, даже если все до единого

в Вивернгарде оболют меня презрением. Вы здесь просто не представляете, против чего мы воюем.

Маг отворачивается и идёт дальше, прибавив шагу, будто торопится избавиться от Воттена, чтобы устроиться на новом месте и жить дальше. Именно в этот момент Воттендрилу приоткрывается истинная природа и цельность странного гарднерийца.

Поднимаясь по широкой винтовой лестнице, Воттен бросает на подопечного недоумённые взгляды: как ни странно, но этот ворон, похоже, сказал правду, по крайней мере, его магия и тайные эмоции не противоречат словам. Неужели всё так и есть?

– Хочешь, чтобы я поверил, будто внук Чёрной Ведьмы искренне перешёл на нашу сторону? – бросает он в спину Тристану едкий вопрос.

Тристан на мгновение оборачивается.

– Воттендрил, честно говоря, мне безразлично, во что ты веришь, – мрачно отвечает он.

Лестница заканчивается, и дальше они идут по новому длинному коридору со сводчатым потолком. Воттендрил выступает вперёд, показывая дорогу, не пряча недовольства.

Поглядывая на номера на дверях казармы, Воттен подозрительно хмурится. Когда они поворачивают за угол, молнии на его тёмной коже беспорядочно вспыхивают – так вот что придумала Унг Ли!

Тристан рядом с ним будто прилипает к полу.

Перед ними стоит Силла, фея смерти, её маленькая тёмная фигурка окутана густой паутиной, паутиной затянута и всё пространство рядом – стены, потолок и даже пол, превращая коридор в непроходимый туннель. На Силле мундир военных стажёров Вивернгарда, только чёрный, не синий, и на чёрной материи чёрным шёлком вышит дракон. Любая одежда приобретает на феях смерти чёрный цвет. У Силлы короткие кудрявые волосы, большие глаза, обрамлённые густыми ресницами, тёмные пухлые губы, на лице и в заострённых ушах сверкают металлические украшения того же обсидианового оттенка, что и её кожа.

Силла молча смотрит перед собой, её взгляд совершенно неподвижен, и Воттен отчётливо понимает, в чём дело.

Гарднерийца поселили рядом с феями смерти, чтобы напугать и заставить уехать. Его соседями будут три главные феи смерти, которых почти все в Вивернгарде боятся. Уж слишком близки они ко всему ужасному, что сопутствует жизни: к смерти, разложению, болезням и страху.

«И всё же неправильно выставлять их пугалами, несправедливо», – внутренне ошетилившись, думает Воттендрил. Феи смерти держатся особняком, отдельно от прочих фей и других народов, и потому над ними часто смеются или связывают с ними суеверия. А Воттендрил искренне уважает Силлу, Вайгера и Веспер, и не из страха, просто он чувствует, в основе их магии лежит нечто важное и необходимое. Нечто столь же крепко связанное с силами природы и естественным порядком вещей, как и способности Воттендрила управлять погодой.

Кроме того, он совершенно уверен – феи смерти не предадут Вивернгард, цели у них общие.

Мелко перебирая лапками, любопытные пауки устремляются по полу к Воттену и Тристану, взбираются по их штанинам. Их так много, и они все такие разные. Пауки-волки, воронковые пауки, коричневые затворники и даже одна или две чёрные вдовы.

Тристан невозмутимо смотрит на Силлу Вууль.

– Я Тристан Гарднер, – абсолютно спокойно, недрогнувшим голосом произносит он, будто не замечая кишаших на его теле пауков. Чёрная вдова уже добралась до его шеи. – Похоже, мы будем соседями.

Силла молчит, лишь медленно склоняет голову набок – металлические украшения негромко позвякивают, большие чёрные глаза не мигая смотрят на гарднерийца.

Пауки вдруг бросаются вниз, слезают с Тристана и Воттена и разбегаются по стенам, прячутся в густой паутине.

Тристан почтительно кланяется Силле и отпирает комнату, в которой ему предстоит жить. Бросив недовольный взгляд на Воттена, он широко распахивает дверь.

Воттен, заглянув в комнату, даже не пытается двинуться вперёд. На стене алеет надпись, сделанная, судя по брызгам, кровью. Отвратительное слово написано на языке ной, вряд ли Тристан Гарднер может его прочесть. Однако взгляд Тристана мгновенно вспыхивает гневом.

Похоже, он отлично понимает написанное.

ТАРАКАН

– Что это значит? – спрашивает Тристан, будто лишившись невидимой брони. Он явно ошеломлён, глаза блуждают, слово на стене о чём-то ему напомнило.

– Это значит... – Воттен смущённо умолкает. Почему бы просто не сказать, о чём здесь речь? Он ведь совсем недавно, сегодня, употребил это слово, раздосадованный приказом сопровождать и охранять опасного гостя. Ещё и удивлялся, в своём ли уме Ванг Трой.

– Что же? – настойчиво требует ответа Тристан, и Воттену необъяснимо горько видеть гарднерийца таким, выбитым из колеи. – Что это значит?

Воттен делает над собой некоторое усилие.

«Приди в себя! – мысленно приказывает себе он. – Ты жилонильский дракон-оборотень. Разнюнился из-за какого-то гарднерийца! А он опасен».

– Это слово означает «таракан», – пытаюсь говорить бесстрастно, отвечает Воттен.

Тристан широкими шагами пересекает комнату и открывает испачканную надписью дверь стенового шкафа.

Чёрного как ночь. На внутренней створке тоже обнаруживается послание:

ТАРАКАНИЙ ВЫКОРМЫШ – УБИРАЙСЯ

Выданная военная форма, которая должна бы висеть в шкафу, измятыми комками валяется на полу. Мундир изорван и перепачкан красной краской.

Тристан цепенеет. В его взгляде вспыхивает отчаяние, и Воттен снова напоминает себе, кто перед ним.

«Не забывай! – мысленно кричит он себе. – Что, решил посочувствовать внуку Чёрной Ведьмы?! С ума сошёл?!»

Стоя спиной к Воттену, Тристан долго молчит. А потом резко закрывает дверь шкафа и поворачивается. Его глаза пылают яростью, Воттен ощущает мощную силу этого взгляда, по спине прокатывается холодная волна, молнии вспыхивают на коже в ответ этому стуску энергии.

– Значит, буду носить что есть, – коротко сообщает Тристан, показывая на линялый мундир и брюки цвета индиго, которые дали ему на корабле.

В груди Воттена поднимается горячая волна недовольства. Чужаку не позволено ходить в одежде народа ной!

– Нет, так нельзя! Нужно носить настоящую форму.

Тристан бросает на него острый взгляд из-под ресниц:

– И что ты предлагаешь?

Воттен оскаливается:

– Предлагаю уехать.

Тристан будто извергает всем телом яркую молнию. Стремительно шагнув вперёд, он касается Воттена рукой, и оборотень отшатывается от вспыхнувшей в гарднерийце магии. В нём бурлит невероятная сила, с какой Воттену пока не приходилось сталкиваться.

Мгновением позже Воттен уже стоит за порогом комнаты, а Тристан с размаху захлопывает дверь перед его носом.

Тристан делает глубокий вдох, внезапно ощущая странное единство с феей смерти, и даже с её ядовитыми скорпионами. А ведь скорпионы-то действительно опасны. Такие могут убить его одним укусом.

– Ты права, – угрюмо отвечает он фее. – Они боятся не того. Сейчас нужно страшиться совсем другого.

Фея смерти кивает, и они становятся ощутимо ближе друг другу, хотя и стоят на месте. А когда она произносит следующие слова, они повисают в сгустившемся, будто чёрный туман, воздухе, проникают в магические линии Тристана, встряхивая его с ног до головы.

– Грядёт Великая тьма.

Глава 4. Феи Вивернгарда

Тьерни Каликс

Шестой месяц

Восточные земли,

южный остров-близнец Вивернгарда

С затуманенным усталостью взглядом, в потрёпанной военной форме войск страны Ной, Тьерни в ночной тьме спускается с рунического корабля вместе с Кией Вэнь и Сойил Вхо, её юными защитницами ву трин. Следуя за солдатами в тёмных мундирах, Тьерни идёт на посадочную платформу Вивернгарда у подножия горы южного острова военной академии Вивернгарда.

К руслу могучей реки Во.

Глядя, как военные стажёры в сапфирово-синих мундирах спешат навстречу кораблю, Тьерни мысленно погружается в реку, ощущая водный поток, без устали стремящийся с севера на юг у самой террасы, на которую приземлился корабль, – такие террасы, кажется, тянутся по периметру всего острова. Одни черноволосые стажёры приветствуют Киею Вэнь и Сойил Вхо ударами кулака по груди, другие спешат накрепко привязать корабль к металлическим столбам террасы, то и дело бросая любопытные взгляды на водную фею. Двое по-дружески кивают Тьерни.

Она тоже приветственно кивает, всё ещё смущаясь своего естественного вида – сейчас, без гарднерийских чар, её длинные сапфирово-синие локоны развеваются за спиной, как маяк для любой водной феи, кожа сияет тёмно-голубыми оттенками, а заострённые уши выставлены на всеобщее обозрение.

Порой Тьерни хочется спрятаться. Подготовиться к побегу. Сражаться за свою жизнь.

И она борется с этими странными желаниями, ведь рядом друзья, и они приветливо улыбаются. Чувствуя, как воображаемые тяжёлые камни медленно скатываются с плеч, Тьерни идёт за Кией Вэнь и Сойилой Вхо. Она с любопытством оглядывается, до предела вытягивая шею, чтобы разглядеть огромную гору.

Ярус за ярусом обсидиановые здания Вивернгарда окружают гору – центр острова, которая поднимается ввысь и пронзает облака, будто копьё неизвестной богини. Мерцающие молниями драконы взлетают с верхних ярусов, а залитые неярким светом синих рун корабли парят в чёрном ночном небе, устремляясь в полёт над водой, как беспокойные сапфировые созвездия.

Поднимающийся с реки прохладный ветер нежно заключает Тьерни в объятия, лохматит ей волосы и обвивается вокруг тела, будто маня за собой. Неожиданная ласка снимает усталость, наполняет Тьерни блаженством, все её чувства обостряются, и она внезапно застывает на месте. Обернувшись к великой реке, потрясённая её великолепием, Тьерни скользит взглядом по бескрайним просторам мерцающей тёмной воды, огибающей посадочную террасу и другие похожие платформы в том же ряду. И её вдруг пронизывает странное ощущение: река будто бы тоже смотрит на неё.

Лихорадочно втянув в лёгкие ночной воздух, Тьерни пытается разобраться, какие чувства рождаются в ней. Всё, кроме реки, исчезает. Солдаты ву трин, сверкающий рунами корабль, гора посреди острова, залитая огнями береговая линия города Волой – всё исчезает, остаётся только вода.

Только река Во.

Река просыпается, вздымает к Тьерни чёрные волны. Сначала они невысокие, будто неуверенные в своей силе, но буквально на глазах без помощи ветра и океанского притяжения становятся огромными и мощными.

Волна разбивается о край террасы, и прохладные брызги осыпают Тьерни. От прикосновения капель в груди просыпается восторг.

«Фея-акви. Водная фея».

Река словно шепчет эти слова, омывая ими Тьерни, и на глазах девушки выступают слёзы.

Как в долгожданном сне, Тьерни быстро подбегает к краю террасы, чтобы направиться к реке. Солдаты ву трин безмолвно, почти благоговейно отступают, глядя на бьющие о парапет волны. Тьерни взбирается на гладкие каменные перила и приветственно вскидывает руки, принимая брызги новой волны. Река будто весело приглашает фею к себе.

С губ Тьерни срывается восторженный крик – она откликается на зов и ныряет в воду.

Волны реки Во смыкаются над ней, как будто укутывают её прохладными объятиями. Тьерни погружается на глубину, восхищаясь полноводным потоком. Просыпается её особое водное зрение: Тьерни видит, как тёмные воды сияют сапфирово-синим, а рыбы и волшебные создания келпи стремятся к гостье, чтобы плыть рядом.

Тьерни набирает полные лёгкие речной воды, сливаясь с рекой. Наконец-то она дома.

После купания Тьерни переполняет счастье, затем она следует за Кией Вэнь и Сойил Вхо по бесчисленным украшенным ониксом и сапфирами коридорам в казармы первого яруса Вивернгарда. Она постепенно высыхает, но её синяя кожа всё равно уже впитала благословенные воды реки Во.

Их каблуки постукивают по мраморному полу, на котором изображены божественные драконы и сражения из богатой истории ву трин. Сапфировый свет льётся из стеклянных фонарей, превращая новый мир, в котором оказалась Тьерни, в фантазмагорический пейзаж.

Кия Вэнь останавливается перед чёрной деревянной дверью с металлическим диском, на котором нарисована вздымающаяся волна, – такие диски Тьерни заметила на всех дверях в этом коридоре. Юная спутница Тьерни радостно улыбается.

– Здесь ты будешь жить, – произносит она на языке ной, и Тьерни тут же касается руны-переводчика, начерченной за ухом. Теперь ей понятен любой язык. Как же трудно к этому привыкнуть! Кия Вэнь вынимает из кармана чёрного мундира небольшой диск и прикладывает его к синей руны, сияющей в центре двери цвета оникса. – Открывать вот так, смотри, – говорит она, а потом коротко стучит по двери.

– Входите, – раздаётся изнутри мелодичный голос.

Кия Вэнь поворачивает круглую чёрную ручку и открывает дверь.

За ней посреди маленькой комнаты стоит ещё одна водная фея, как Тьерни и предупредили.

– Стажёр Асра-Лин Филориан, – церемонно объявляет Кия Вэнь. – Вы приписаны к одной группе Вивернгарда.

Тьерни ошеломлённо распахивает глаза: с трёх лет, когда её вынудили принять облик гарднерийки, она впервые лицом к лицу стоит рядом с настоящей феей воды, с синей кожей и остроконечными ушами.

Переливчатая кожа Асра-Лин тех же синих оттенков, как и у самой Тьерни. Её длинные белые выющиеся локоны напоминают облако, грациозные руки опускаются вдоль тела, останавливая радужный водоворот, который рассыпается брызгами вокруг её хрупкой фигурки.

В больших голубых глазах Асра-Лин загораются весёлые искорки, нежные губы складываются в радостную улыбку.

Вокруг девушки вспыхивают мириады хрустальных радуг.

– Тьерни! – восклицает Асра-Лин и так крепко обнимает её, как будто встретила давно потерянную, любимейшую подругу. Теперь радуги пляшут и над головой Тьерни.

Асра-Лин отступает на шаг, не выпуская рук Тьерни.

– С возвращением домой, – радушно произносит она. В её улыбке, как ни старайся, не найти подвоха или лукавства.

Потрясённая встречей, Тьерни молчит, разглядывая новую подругу. Как и Тьерни, та в сапфирово-голубом мундире с белым драконом на груди – такая форма положена всем военным стажёрам ву трин.

И это самая настоящая, ни от кого не скрывающаяся водная фея.

Напряжение, о котором Тьерни и не подозревала, вдруг испаряется. Фея воды наконец свободна, ужас Западных земель остался в прошлом. Вокруг вытирающей слёзы Тьерни, будто живые, собираются грозовые облака, и она пытается сказать хоть слово.

Улыбка Асра-Лин тает при взгляде на тучи, теперь она смотрит на Тьерни с состраданием.

– Здесь с тобой ничего не случится, – говорит Асра-Лин, сжимая руку Тьерни. – Нам ничто и никто не угрожает. – Многозначительно указывая на рунический клинок у пояса, она добавляет: – К тому же мы вооружены.

На следующее утро Тьерни со счастливым трепетом идёт за окутанной радугами Асра-Лин в главный зал, огромное помещение прямо в центре южного острова. Посреди зала возвышается алебастровая статуя богини-дракона Во в окружении фигур женщин ву трин в военной форме – все они изображены с оружием в руках, готовые защищаться вместе с богиней.

Тьерни останавливается, чтобы охватить взглядом бесчисленные ряды стажёров ву трин в сапфирово-синей форме. Они проходят мимо: некоторые направляются к руническим подъёмникам, скользящим с яруса на ярус внутри цилиндрических колонн. Эти площадки, оборудованные подъёмниками, плавно переносят ву трин на несколько этажей вверх или вниз.

Почти все проходящие мимо стажёры ву трин юные, темноволосые женщины народа ной, потому что мужчины ной лишены рунической магии, без которой невозможно создать оружие и даже управляться с ним. Однако среди стажёров ву трин встречаются и остроухие женщины-уриски, и даже несколько урисков-мужчин. Заметила Тьерни и светловолосых женщин из Иссани, стажёрок с тёмно-коричневой кожей из Ишкартана с золотистыми головными уборами, отмеченными рунами, женщин и мужчин эльфхоллен с сероватыми волосами и кожей того же оттенка, с боевыми луками за плечами.

И у всех стажёров за правым ухом вспыхивает руна перевода, позволяя народам Восточных и Западных земель понимать друг друга.

Есть и драконы-оборотни – жилонильские виверны, высокие, стройные, невероятно привлекательные: по их тёмной, будто оникс, коже, то и дело пробегают яркие молнии. Некоторые оборотни остаются наполовину драконами, гордо демонстрируя чёрные рога и крылья.

«И теперь я здесь, с ними. Я одна из них», – восхищённо думает Тьерни, охваченная вихрем благодарности. Теперь и на ней новая униформа военных стажёров ву трин – сапфирово-голубой мундир с белым драконом.

Невероятно! Столько разных народов в одном войске, в одном зале! Тьерни оглядывается, не веря собственным глазам.

И вдруг она понимает, что готова и будет защищать это право всех народов быть вместе, да и просто быть во что бы то ни стало.

Асра-Лин красноречиво улыбается Тьерни и бросает взгляд на крошечный шарик – рунические часы, – проверяя, который час. Потом подносит мерцающий голубой шар к глазам Тьерни.

– Через час нам на переключку. – Асра-Лин убирает светящийся шарик в карман. – На две-три недели ты приписана в пару к Фийордину Лиру, нашему командиру дивизиона. Он всегда работает с новенькими водными феями.

Неужели ей предстоит увидеть не одну, не двух, а целый дивизион водных фей?!

– Фийордин очень щедро одарён магией... – счастливо сообщает Асра-Лин, провожая взглядом жилонильского дракона с группой стажёров ву трин.

Тьерни же застывает с открытым ртом.

Драконы? Вот так, открыто разгуливают... Настоящие свободные драконы.

Сердце Тьерни тоскливо сжимается: она вспоминает дракона, которого когда-то помогла друзьям освободить.

Где ты теперь, Нага? Добралась ли до Восточных земель?

– ...и река Во ему родное существо.

Тьерни мгновенно поворачивается к Асра-Лин, а та, осекшись, умолкает при виде настороженно нахмуренных бровей водной феи.

Тьерни вспоминает, как совсем недавно погружалась в тёмные воды реки Во, сливалась с потоком, как возникла между ней и рекой неожиданная и крепкая связь, как вода ласкала её нежнее всякого любовника.

– Что с тобой? Тебе нехорошо? – сочувственно спрашивает Асра-Лин.

Минуту Тьерни не в силах произнести ни слова от одной мыслью о том, что у кого-то ещё возникла такая же связь с рекой, с её рекой Во.

Асра-Лин упоминала о своей особой связи с водопадом на маленьком острове к югу от Вивернгарда. Они проговорили до глубокой ночи, и Асра-Лин рассказала, как при самой первой встрече, при первом же прикосновении к струям падающей воды между ней и водопадом возникла невероятная чувственная связь, какой она прежде не знала. И теперь Асра-Лин старается навещать водопад как можно чаще, чтобы погрузиться в воду, слиться с ней, увидеть счастливые стайки рыб, амфибий, насекомых, подводные растения... Этот уголок Эртии особенно дорог сердцу Асра-Лин.

От келпи Тьерни слышала, что феи воды в конце концов находят «свою» воду, особый водоём, который называют своим и с которым у них возникает особое единение.

Прошлым вечером Тьерни наконец нашла свою воду и вовсе не готова делить её с кем бы то ни было.

– Говоришь, Фийордин Лир связан с рекой Во? – настойчиво переспрашивает Тьерни, не скрывая недовольства.

«Это моя река!»

В глазах Асра-Лин мелькают лукавые искорки.

– Что ж, придётся ему кое с кем поделиться. Похоже, вы с Фийордином выбрали одну и ту же воду.

Тьерни внутренне сжимается.

Нет. Она не станет делить реку! Ни с кем.

– Всему найдётся решение, – успокаивающе говорит Асра-Лин, её радужная аура сверкает и искрится, а на губах расцветает счастливая улыбка. – Пойдём. Пора со всеми познакомиться.

Остановившись на пороге под арочным проёмом, Тьерни моргает от яркого солнечного света. Перед ней расстилается широкая обсидиановая терраса, опоясывающая основу южного острова-близнеца. Повсюду военные стажёры-феи: справа поразительные огненные феи, рыжеволосые девушки и юноши, над головами которых то и дело взвиваются языки пламени, слева – феи-эльфхоллены, горные феи, все с луками в руках, выстроились в линию и тренируются – стреляют в цель.

При виде отряда фей прямо перед собой Тьерни потрясённо охает.

– Mu'l'nyian'ir, – весело произносит Асра-Лин, будто заманивая её речью на языке водных фей.

– Идём, дорогая подруга, – говорит она, выходя на залитую солнцем террасу и протягивая Тьерни изящную руку. Прозрачная, будто хрустальная радужная аура Асра-Лин блестит и переливается, облако кудрей ослепительно белеет и трепещет на ветру, налетевшем с реки Во.

Тьерни стоит неподвижно, не в силах ступить и шагу. Потеряв дар речи, она впитывает удивительные картины, а река Во меняет течение, чтобы приветственно ударить волной о перила террасы.

Здесь собрались по крайней мере двадцать водных фей, они толпятся у перил над широким изгибом реки, все синекожие, цвет их тел меняется, как рябь на воде, у всех великолепные кудри, крупные черты лица и заострённые уши, как у Тьерни, и все феи одеты в сапфирово-голубые мундиры военных стажёров Вивернгарда.

Оцепенев, Тьерни оглядывает их вместе и каждого по отдельности. Вот юная водная фея с тёмно-синей, почти чёрной кожей играет с водными брызгами, подбрасывая струи воды над головой в прохладный утренний воздух – в её синих кудрях покачиваются кисточки рогоза. Вот юноша в короне из ракушек стоит у самого парапета и поднимает тонкий фонтан от речной глади до белых облаков. Вот мускулистая широкоплечая девушка крутится вокруг своей оси, выписывая точёными руками невообразимые па, создавая из сияющих водных брызг фигурки речных мурен – на её кудрях матово сверкают чёрные ракушки.

Феи-акви, не скрываясь, играют с водной магией, подтверждая свою связь с водами Эртии.

Миниатюрные существа, не то девушки, не то юноши, бросают одну за другой водные стрелы в реку Во. Их короткие стоящие торчком синие волосы покрывают венки из белых водяных лилий. А рядом юноша с задумчивым выражением на лице энергично создаёт небольшой ливень. Юноша встречается взглядом с Тьерни. Его глаза цвета индиго округляются, из тучи бьют молнии, как будто отвечая на невысказанные слова девушки.

Запретный язык фей-акви, которому научили Тьерни келпи, здесь звучит свободно, лаская слух. На оружейной стойке пристёгнуты все виды рунического оружия, синие руны мерцают на рукоятках мечей, луков и копий.

На мгновение кажется, что весь мир изменился, повинувшись наклону вселенской оси, и Тьерни едва сдерживает крик радости, ощущая, как вскипает и бурлит в ней водная магия.

«Мы свободны. Мы водные феи. И не просто феи воды...»

Мы воины».

К глазам Тьерни подступают слёзы, горло сжимается... Как же хорошо в благословенных Восточных землях!

– *Fil'logi mir Asrai'il*, – говорит Асра-Лин.

Её глаза сияют, рука протянута к Тьерни. Моя сестра – водная фея!

С сердцем, переполненным счастьем, Тьерни переступает порог и выходит на солнечный свет.

Она сразу притягивает к себе любопытные взгляды юношей и некоторых девушек. Заметив Тьерни, они будто спотыкаются, забывают о магии, и водные брызги с шумом обрушиваются на чёрную мраморную террасу.

Но во взглядах читается не только любопытство, но и что-то ещё – Тьерни не сразу расшифровывает это.

Восхищение.

Тьерни не привыкла, чтобы на неё смотрели вот так, с восторгом, и не знает, как себя вести, как отвечать. Она так долго терпела отвращение магов, которые едва не кривились при виде её уродливого лица и горба – зачарованного обличья, наложенного родителями в далёком детстве. Но теперь всё изменилось.

Об этом она говорила и с Тристаном, когда они вместе пробирались в Восточные земли. В тот раз они отдыхали на широком плоском камне и болтали, глядя на простирающиеся перед ними багряные пески ишкартской пустыни в кровавом свете заката.

– Ты сама-то знаешь, что стала потрясающе красивой? – спросил Тристан, бросив на Тьерни лукавый взгляд.

– Честно говоря, теперь я не представляю, что с этим делать, – хмуро вздохнула Тьерни. – Понимаешь, меня ведь никто в Гарднерии не видел такой, какая я есть, – призналась она. Открывать сердце доброму Тристану было просто – он не осудит. – А сейчас я впервые такая, какой была всегда, но внутри, только для себя.

Тристан кивнул, многозначительно окинул её с ног до головы и добавил:

– Да, есть в тебе кое-что необычное, прежде скрытое.

Тьерни улыбнулась и бросила на собеседника ироничный взгляд. Подняв руку, она разглядывала меняющиеся на глазах оттенки синей кожи. Потом, будто стряхнув наваждение, опустила руку на колено и печально взглянула на Тристана.

– Почему-то мне кажется, что по-настоящему меня никто так и не разглядит, – едва слышно призналась она.

Тристан долго молчал, а потом обернулся к спутнице и взглянул на неё серьёзно, сдерживая переполнявшие его чувства.

– Я тебя понимаю, – наконец произнёс он.

– *Asrai'a'lore Y'orien'ir!* (что означает: «Добро пожаловать!») – кричит издали, прерывая поток воспоминаний Тьерни, та самая девушка с рогозом в волосах, направляясь к ней вместе с хрупкой водной феей в короне из белых лилий.

Вихрь радости подхватывает Тьерни – её приняли, вот так сразу!

– Это Торрин, – сообщает Асра-Лин, грациозным взмахом руки показывая на желающих познакомиться поближе. – И Ра-Ин.

Асра-Лин лучится счастьем, когда девушка с лилиями обнимает её и улыбается Тьерни, взмахнув густыми бирюзовыми ресницами.

– Мы рады с тобой познакомиться, – мелодичным, будто перезвон струй летнего ручейка, голоском произносит Ра-Ин на языке фей-акви.

Тьерни благодарно кивает, восхищаясь невероятным голосом и свободой, с какой держится эта девушка. Здесь все феи свободны, и Тьерни порой сложно верить своим глазам: ведь свобода не сопряжена с опасностью!

Река Во вздымается огромными волнами, брызги летят от парашюта во все стороны рядом с каменной пристанью, куда причаливают рунические корабли. Волна вдруг обращается драконом, и Тьерни недоумённо запрокидывает голову. Дракон стремится к небу, взлетает, раскрыв огромные, как паруса, водяные крылья.

Следом за драконом из реки выходит мужчина, сотканный из водных струй, и волна его магии отзывается в Тьерни силой урагана. Прозрачная водяная фигура постепенно обретает человеческую плоть, короткие прямые волосы мужчины поблёскивают синим на ярком солнце, острые кончики его ушей задорно торчат. Обхватив себя рукой за плечо, он без малейших усилий впитывает воду из промокших брюк и вбирает капли воды в кожу – сильный и грациозный, как текущая река.

Тьерни неотрывно смотрит на него, а её водная магия будто сама собой устремляется к мускулисту юноше акви. Над головой Тьерни собираются облака, и она с усилием отгоняет их, чтобы не закрывать солнце.

Юноша необыкновенно, даже пугающе красив: у него мужественные черты лица, переливающаяся всеми оттенками сапфира кожа, мощные широкие плечи. И, как ни странно, он одет только наполовину – верхняя часть его тела обнажена, тугие мышцы бугрятся на груди и плечах в прозрачных каплях воды реки Во, его тёмно-синие соски ничем не прикрыты.

Сердце Тьерни отзывается громким стуком, и девушка торопливо отводит глаза.

– Это Фийордин? – спрашивает она Асра-Лин сдавленным голосом.

– Да, это он, – отвечает подруга и приветственно машет полуголому юноше. – Фийордин! – Она так непринуждённо смотрит на него, как будто здесь давно привыкли ходить почти без одежды.

Фийордин идёт к ним, и чем он ближе, тем сильнее накатывает на Тьерни волна водной магии, проникая в неё дурманящим потоком. Глубоко вдохнув, Тьерни поднимает глаза, чтобы встретить взгляд Фийордина.

Его магия с интересом бурлит, губы изгибаются в любопытной улыбке, а Тьерни разглядывает металлические кольца в заострённых ушах и смущённо вздрагивает, заметив, что его соски тоже украшены серьгами.

– Это Тьерни Каликс, – объявляет Асра-Лин, и все умолкают. Чувствуя, как сердце всё ускоряет бег, Тьерни поспешно отводит взгляд от Фийордина.

– Asrai'il, – негромко произносит Фийордин. У него низкий голос привыкшего повелевать воина. В этом голосе – магия власти. И Тьерни торопится впитать все волны вспыхнувшей силы, чтобы не утонуть в ней.

Фийордин протягивает Тьерни руку, и Тьерни, прерывисто вздохнув, принимает её, подавив ещё один глубокий вдох, когда мощная сила касается её до самой глубины. Синие губы Фийордина изгибаются в улыбке, в глазах вспыхивают искорки.

– Нет, – с нотками неодобрения произносит он на языке водных фей. – Не как принято у Vor'ish'in. Так, как делаем мы, водные феи. – Он скользит ладонью по руке Тьерни и крепко сжимает её предплечье.

Вода стекает тонкими струйками с руки Фийордина и опутывает руку Тьерни будто узкими сверкающими лентами, проникая в ткань её мундира и отправляя горячие импульсы по всему телу.

– Пусть твоя вода соединится с моей, фея-акви, – говорит Фийордин, и сердце Тьерни бьётся ещё быстрее. – Так приветствуют друг друга феи воды.

Неожиданное предложение оставить привычки Гарднерии и принять традиции фей-акви звучит очень трогательно, и Тьерни, вызвав тоненькие струйки воды из своей кожи, смешивает её с водой Фийордина. Два потока сливаются, и магия вновь кружит Тьерни голову. Ей даже не хочется выпускать руку Фийордина, а к глазам подступают слёзы.

Asrai'il. Водные феи. Мой народ.

Тёплая волна, исходящая от руки Фийордина, проникает в Тьерни, новый знакомый улыбается шире, пожатие его пальцев становится крепче.

– Добро пожаловать домой, Asrai'il.

Слёзы катятся по щекам Тьерни, – всё-таки не удалось сдержаться! – а к магии Фийордина присоединяются другие волны, сила всех окруживших её фей.

– Ты больше не в Гарднерии, – громко напоминает молодая женщина с тёмно-синими волосами, заплетёнными в тонкие косички и украшенными рядами светлых раковин.

Сердце Тьерни открывается новому счастью. Кажется, ещё никогда в жизни она не испытывала такой прилив любви.

Она нашла свой дом. Свой народ.

– Меня зовут Ми-Райд, – тепло говорит женщина с ракушками в тонких косичках.

Фийордин выпускает руку Тьерни, и его сила уходит вместе с магией других водных фей.

– А я Тьерни Каликс, – отвечает Тьерни, пытаясь справиться с охватившими её чувствами. Тьерни протягивает руку новой знакомой, та сжимает её предплечье, окутывая место пожатия облаками тёплого тумана, на которые Тьерни отвечает струйками воды, потоком магии, сдержать который не в силах.

– В тебе много сильной водной магии, – удивлённо произносит Ми-Райд. – Похоже, ты и сама не знаешь, на что способна. Впрочем, мы тоже не знали, какова наша сила, когда только пришли на восток. – Она сердечно улыбается Тьерни. – Но теперь ты с нами, ты свободна. И мы вместе возродим землю Сидхе для всех фей.

Оглянувшись на полубожажённого Фийордина, Тьерни ловит его завораживающий взгляд и ещё более завораживающую улыбку.

Под его сверкающим любопытством взглядом Тьерни становится жарко. Никогда прежде юноши не смотрели на неё вот так. Тьерни будто превращается в горячий источник. Что же будет, если Фийордин её поцелует?

– Ты должна вернуть своё настоящее имя, данное тебе феями-акви, – говорит Фийордин, и его улыбка тает, ведь разговор идёт о важном, – и навсегда забыть гарднерийское имя.

Помолчав, Тьерни смущённо отвечает:

– Меня никогда не называли моим настоящим именем, я к нему не привыкла...

– Но теперь пришло время ему прозвучать, – многозначительно напоминает Ми-Райд, и в её голубых, будто озёра, глазах пляшут весёлые искорки. – Вóроны больше над нами не властны.

Тьерни внутренне сжимается от неожиданного слова – как странно оно звучит здесь, среди новообретённых родных.

«Вóроны».

Она много раз слышала это уничижительное прозвище в пути, так говорили ву трин о Тристане, когда он не слышал. Так не раз называли её родителей-гарднерийцев и пятнадцатилетнего брата – его чары оказались упрямее, и ему не удалось вернуть облик акви. Слышать, как вóронами называют приёмных родителей и брата по дороге в земли ву трин, Тьерни было неприятно и тревожно одновременно.

А сегодня утром за завтраком в огромном зале вместе с другими стажёрами ву трин и Асра-Лин она вдруг услышала чей-то рассказ о том, как изукрасили ругательствами комнату Тристана Гарднера. И ещё говорили, что только феи смерти приняли Тристана.

– Ты готова сражаться с нами, Asrai'il?

В этом вопросе звучит вызов, магия Фийордина окружает Тьерни едва заметным водным блеском, его синие глаза вспыхивают отвагой.

Тьерни выпрямляется, не давая мыслям разбежаться под этим невероятным взглядом, не потерять рассудок перед ошеломляюще красивым полуобнажённым героем.

– Да, – коротко отвечает Тьерни, направляя Фийордину всплеск своей водной силы.

Фийордин прищуривается, и у Тьерни по спине бежит озноб.

– Обучение отряда водных фей будет кратким и трудным, – без тени улыбки сообщает он. – Скорее всего, нас направят на запад. И очень скоро. Войска ву трин мобилизуют на войну с тараканами.

Тьерни снова незаметно вздрагивает, как от укола.

С тараканами?

Отзываясь на её замешательство, над головой Тьерни собираются тёмные тучи, и она никак не может их разогнать.

– Я готова сражаться с Фогелем и его силами, – выдерживая взгляд Фийордина, произносит Тьерни. – Но должна вам сказать, сражаться с Фогелем на нашей стороне будут и некоторые гарднерийцы.

Магия, окружающая Тьерни, мгновенно и ощутимо меняется, уже не напоминая счастливые объятия, как было всего несколько минут назад.

Губы Фийордина изгибаются в злой ухмылке, его невидимая водная магия уже не похожа на добрую силу, а скорее напоминает энергию хаоса.

– Тараканам с нами не по пути.

– Ты хотел сказать гарднерийцам? – огрызается Тьерни.

Магия воды рядом с ней постепенно слабеет, уходит. Ей хочется вернуть её, снова стать её частью. Однако она стоит на своём, упрямая, неприступная.

«Такая уж ты уродилась, Тьерни? По-другому не умеешь?» – горько спрашивает она себя и молча вздыхает.

Что за особый талант повсюду оказываться на обочине жизни, становиться чужой.

Неожиданно Тьерни ощущает покалывание в шее и чувствует на себе чей-то взгляд. И это не взгляд водных фей, наполненный знакомой водной магией. Нет. Здесь что-то другое. Что-то странно знакомое, связанное с тёмной силой ночи, отчего синие воды превращаются в чёрный мрак глубин.

Словно стрелка компаса, Тьерни поворачивается, безошибочно отыскивая взглядом источник внимания – это юноша, высокий, молчаливый, во всём чёрном, и даже гладко причёсанные волосы у него чернее ночи. Он пристально смотрит на неё, исследует издали, привалившись к каменным перилам на краю террасы рядом с огненными феями.

Тьерни совершенно уверена, что это он, даже на таком расстоянии...

Он тоже военный стажёр Вивернгарда, один из малочисленного отряда фей смерти.

Судя по долетевшим до неё обрывкам разговоров, фей смерти никто не любит, их все боятся, а в Вивернгарде они только потому, что Ванг Трой, эксцентричная командующая военными силами ву трин, желает использовать их редчайшую магию точно так же, как и магию Тристана.

В некотором замешательстве от такого пристального внимания незнакомца Тьерни поворачивается к Фийордину и натывается на его гневный взгляд.

– Половина всех фей, которых ты видишь в Вивернгарде, – почти рычит Фийордин, отводя от Тьерни последние магические потоки, – жили среди кельтов под покровом чар. Кельты вырастили нас. Прятали на западе. Кельты спасли нас от жестоких гарднерийцев. А других фей тайком перевезли на восток, где их вырастили народы земли Ной, которые тоже спасли нас от гарднерийцев. Спасли от верной гибели.

Тьерни внутренне ошетиливается, для того чтобы дать мгновенный отпор.

– Меня приняли в свою семью гарднерийцы, – холодно парирует она. – И они вырастили меня, не отправили на верную смерть, не выдали другим гарднерийцам. Среди гарднерийцев у меня есть добрые друзья. Все они готовы сражаться с Фогелем.

Взгляд Фийордина леденеет.

– Говорят, ты прибыла сюда с Тристаном Гарднером.

– Верно, – кивает Тьерни, приготовившись решительно защищать друга от нападок.

– Тараканам здесь делать нечего, – угрожающе шипит Фийордин. – А уж внуку Чёрной Ведьмы тем более. Если он не уйдёт по доброй воле, его прогонят иначе.

Тьерни не мигая встречает взбешённый взгляд Фийордина.

– Тристан Гарднер – мой друг.

На террасе воцаряется мёртвая тишина, от недавнего гостеприимства водных фей не остаётся и следа.

– Тогда, возможно, и тебе здесь не место, – холодно сообщает Фийордин.

Его слова бьют Тьерни наотмашь, как пощёчина. Ей почти физически больно, но будь она проклята, если покажет какому-то высокомерному мерзавцу, какую боль он ей причинил.

Собравшись с силами, она бросает на Фийордина непримиримый взгляд, а туча над её головой наливается тьмой.

– Что, больше никто не хочет назвать меня Asrai'il? – усмехается Тьерни. – Или так говорят только с удобными феями, которые не высказывают своего мнения? – Тьерни в ярости шагает вперёд. – Фийордин, я слышала, у тебя с рекой Во особая связь?

– Это правда! – Его глаза гневно сверкают.

Тьерни лишь горько усмехается в ответ:

– Так не бывать же тому.

Все собравшиеся на террасе потрясённо ахают. Фийордин, с отвращением кривя губы, оглядывает Тьерни, водная магия в нём кипит, угрожая вырваться наружу.

– Ты не понимаешь, с чем имеешь дело, – угрожающе произносит он. – Чтобы победить меня, тебе понадобится целая армия.

Тьерни отступает, опустив голову, и вскидывает вверх руки, обратив ладони к небу. Она безмолвно кричит.

Зовёт реку Во.

Свою воду.

О край террасы разбивается высокая волна. Не обращая внимания на вскрики стажёров, на чёрные камни террасы выпрыгивают двадцать келпи, и будущие военные невольно отступают. Туловища келпи скручены из тёмных струй воды, острые зубы – тонкие крепкие льдинки. Волшебные кони почтительно окружают Тьерни. Её драгоценный келпи, Эстриллиан, подходит ближе других, а потрясённые феи-акви встревоженно оглядываются.

Тьерни отлично знает: келпи – сами по себе, они не вступают в союзы ни с какими феями. Келпи вбирают магию воды, готовые нести смерть. Они находятся на границе между водной магией феи-акви и первобытными силами природы.

Силами смерти.

Коснувшись ладонью прохладной спины Эстриллиана, Тьерни победно улыбается Фийордину.

– Вот моя армия, Фийордин Лир. И мы будем сражаться с Маркусом Фогелем и его припешниками рядом с теми, кто нам друг.

Не говоря больше ни слова, Тьерни разворачивается и уходит. А из тёмной тучи над её головой бьют яростные молнии. Взмахом руки Тьерни отсылает келпи в воду и уверенно направляется напрямиком к юноше в чёрном – одному из отряда фей смерти.

– Тьерни, – несётся ей в спину голос Асра-Лин, по лужам стучат каблуки её сапог.

Тщетно пытаясь смирить пышущую негодованием водную магию, Тьерни замедляет шаг, но не сводит взгляда с цели. А юноша в чёрном, не двигаясь, так же пристально следит за ней.

– Тьерни, прошу тебя, – умоляет Асра-Лин.

Недовольно вздохнув, Тьерни поворачивается. Асра-Лин смотрит на неё покаянно и смущённо, юной фее-акви очень неприятно всё происходящее, даже разноцветные радуги померкли. Однако этого недостаточно, чтобы утихомирить жаркую боль, сжигающую Тьерни изнутри.

– Разве тебе не следует держаться от меня подальше? – резко спрашивает Тьерни. Пожалуй, она всё же несправедлива к прелестной Асра-Лин, которая желает ей только добра.

Нежное личико Асра-Лин темнеет от боли, однако она тут же упрямо поднимает на Тьерни синие глаза.

– Я ни за что бы так не поступила.

Интересно. Тьерни приподнимает тонкие синие брови. За словами Асра-Лин чувствуется твёрдая воля.

«А я её недооценила, – думает Тьерни. – Эта фея сделана из более крепкого материала, чем танцующие радуги».

– Я понимаю, тебе очень... трудно это принять, – мягко говорит Асра-Лин, оглядываясь на сгрудившихся поодаль фей.

Тьерни бросает короткий взгляд на Фийордина и даже издали ощущает его бешеный гнев. Фийордин взмахом руки отправляет к небу, под самые облака, поток речной воды.

Это предупреждение.

«Что ж, прекрасно, – мысленно отвечает ему Тьерни, не опуская горящего взгляда. – Я не отступлю. Во – моя».

– Куда ты идёшь? – спрашивает Асра-Лин, встряхивая белым облаком кудрей. – Если ты сейчас уйдёшь, тебя накажут...

– Я не буду готовиться к битве в отряде Фийордина Лира, – непримиримо отвечает Тьерни, подкрепляя слова резким взмахом руки. – Я подам прошение о переводе в другой

отряд. – Она коротко кивает в сторону молодого человека в чёрном. – А сейчас мне надо поговорить вон с тем красавчиком из отряда фей смерти.

Асра-Лин тревожно оглядывается и вздрагивает.

– Тьерни, – полушёпотом предупреждает она, – пожалуйста, не ходи к нему. Они не такие, как мы. Они владеют магией стихий. Первозданной и очень опасной. Им вообще не место в Вивернгарде. Во всех религиях их называют демонами...

– Хватит, – прерывает её Тьерни, усмехнувшись с издёвкой. – Я только что из Гарднерии. Тебе придётся подыскать аргументы посильнее, чем религиозные традиции, чтобы отвратить меня от новых знакомств. Я уж как-нибудь сама решу, кто тут демон, а кто нет.

Взяв Тьерни за руку, Асра-Лин бросает испуганный взгляд на юношу в чёрном.

– Они чувствуют чужой страх и питаются им. А ещё зачаровывают собеседников и напускают на них ядовитых насекомых. Всё для того, чтобы уцепиться хоть за ниточку страха и управлять, дёргая за неё. – Асра-Лин говорит уверенно, со знанием дела. – Тьерни, что, если он нарочно заманивает тебя? Они и на такое способны. Не подходи к нему.

Тьерни скептически прищуривается.

– Знаешь, они, конечно, не идеал добродетелей, однако пока только феи смерти приняли Тристана Гарднера таким, какой он есть.

И, повинувшись безрассудному порыву, Тьерни отворачивается и уходит в прежнем направлении.

– Тьерни, подожди! – кричит Асра-Лин, но на этот раз Тьерни не оглядывается и, не обращая внимания на удивлённые взгляды огненных фей, идёт прямо к цели – к юноше в чёрном с немигающим взглядом.

Глава 5. Феи смерти

Тьерни Каликс

Шестой месяц

Восточные земли, Вивернгард

Приближаться к феям смерти – всё равно что шагать в пустоту, в чёрную бездну. Юноша стоит неподвижно, глядя, как Тьерни уверенно направляется к нему по гранитной террасе Вивернгарда, подходя всё ближе. На мгновение ей кажется, что она словно топчется на месте, не продвигаясь к цели, сколько ни ускоряет шаг, как будто юноша отодвигается, а на мир опускаются сумерки.

С бешено стучащим сердцем Тьерни настойчиво идёт к гипнотизирующему её незнакомцу, который по-прежнему стоит у парапета, держась бледными руками за каменные перила. Он высокий и стройный, однако от худощавого тела веет сильной магией. У юноши резкие черты лица, его военная форма стажёра Вивернгарда окрашена в чёрный, как будто кто-то залил чернилами сапфирово-синий мундир с белой эмблемой-драконом на груди.

От взгляда Тьерни не ускользают и чёрные заострённые ногти.

Настоящие когтистые лапы.

Такими когтями совсем не трудно разорвать противника на куски.

Чёрные зрачки юноши медленно увеличиваются, заслоняя белки глаз, превращаясь в бездонные пропасти. Тьерни на мгновение останавливается, пытаясь не обращать внимание на жар в ушах, напряжённая, как струна. Стряхнув оцепенение, она идёт дальше, а свет с каждым её шагом меркнет. Теперь юноша в чёрном стоит будто в полной темноте, освещённый лишь облаком призрачного серебристого тумана, в которое входит и Тьерни.

Подойдя к юноше совсем близко, Тьерни останавливается.

И весь мир замирает: здесь только они вдвоём, вокруг ни звука, гора Вивернгарда, река Во, всё скрылось в непроглядной тьме.

Юноша из отряда фей смерти выпрямляется, его направленный на Тьерни взгляд становится ещё острее, любопытнее, а на темени вырастают твёрдые, даже на вид, обсидиановые завивающиеся рога.

«Ну и чернющие у него глаза!» – восхищённо думает Тьерни, невольно затаив дыхание.

Чёрные, как сердцевина Эртии.

Чёрные, как ночное небо.

Из-за обшлагов мундира юноши медленно выползают ониксово-чёрные змеи и обвивают запястья необычного стажёра, талию и бледную шею.

Юноша не произносит ни слова, а змеи вдруг одновременно поднимают головы и направляют на Тьерни пронзительные взгляды красных глаз, шевеля лиловыми языками. Интересно, а если юноша откроет рот, язык у него тоже окажется лиловый и раздвоенный, как вилка?

– Почему ты следишь за мной? – с любопытством, без капли недовольства спрашивает Тьерни.

Юноша склоняет голову набок, будто вглядываясь во что-то невидимое внутри Тьерни.

– Ты связана с сородичами смерти, – отвечает он, и Тьерни пробирает озноб. В голосе юноши ей слышатся нотки колыбельной потустороннего мира, отдающиеся эхом глубоко в груди. – Ты связана с келпи, а келпи нам близки. И ещё о тебе говорил гарднериец.

Слушая его, Тьерни вспоминает, с каким страхом смотрели на неё водные феи, когда она вызвала своих келпи. Большинству фей водные кони не понравились, в них явно ощущалась смертоносная сила воды – ведь келпи нередко топили тех, кто угрожал их водам.

Смерть всегда рядом с ними.

И всё же Тьерни близка эта непримиримая верность водам Эртии, за это она только сильнее любит своих келпи.

Девушка не моргнув выдерживает тёмный, как бездонная пропасть, взгляд собеседника. Оказывается, с этим странным юношей её роднят келпи, существа ужасающие и неправильно понятые одновременно.

– Я слышала, феи смерти были добры к Тристану Гарднеру, и я благодарна вам за это. Тристан Гарднер – мой друг, – решительно расправив плечи, сообщает Тьерни.

Юноша в чёрном хмурится, серебристый туман вокруг его тела густеет.

Внезапно из рукавов мундира и из-за воротника юноши появляется целая стая чёрных пауков и скорпионов. Насекомые, покрутившись на плечах и груди юноши, устремляются к Тьерни. Она морщится от укулов жёстких быстрых ножек, но не трогается с места. За пауками скользят и змеи, две из тех, что обвивали руки юноши.

Ядовитые речные пауки, пещерные скорпионы и водяные змеи.

Каждый укус этих существ несёт смерть.

Тьерни не собирается отступать. Её пытаются запугать? Что ж, она найдёт, чем ответить. Не моргая, водная фея встречает бездонный взгляд чёрных глаз, её водная магия бурлит, поднимаясь невидимыми мощными волнами.

Юноша ниже склоняет к плечу рогатую голову, уголки его чёрных губ приподнимаются в лукавой улыбке – он молча изучает Тьерни внимательным взглядом.

И вдруг его глаза раскрываются ещё шире.

У Тьерни перехватывает дыхание, голова кружится, земля как будто встаёт на дыбы, стремясь бросить её в пропасть чёрных глаз.

Едва удержавшись на ногах, Тьерни зажмуривается, чтобы удержать равновесие и сбросить чары. Стараясь не выпустить на волю охватившую её ярость, девушка делает глубокий вдох и слегка приоткрывает глаза. Её снова неумолимо тянет в чёрную бездну.

– Прекрати, – шипит она. – Сними чары!

Напрягая все мышцы, Тьерни собирает над головой новые грозовые тучи, разгоняя серебристый туман, которым окутал их юноша в чёрном. Теперь клубящиеся облака сверкают молниями у них над головами.

Юноша удивлённо моргает, и его притяжение заметно слабеет.

Тьерни неуверенно отступает на шаг, чтобы стряхнуть остатки оцепенения, и поднимает гневный взгляд на собеседника.

– Я сродни келпи и тёмным водам, – усмехается она. – Меня всегда тянет на самое дно глубоких озёр. К тайным потокам. К штормам и бурям. Мне нравятся не чистые, гладкие озёра, а тайные глубины, населённые множеством существ. Я люблю опасность.

Тьерни бросает острый взгляд на пауков, всё ещё ползающих по её животу, и на змею, обернувшуюся вокруг руки у самого локтя, и её гнев закипает сильнее.

– Давай попробуй меня напугать, – сверкая глазами, обращается она к юноше. – Ты выбрал не ту водную фею. Я слишком долго прожила во тьме.

Его чернильно-чёрный взгляд скользит по её лицу. Зрачки сужаются, появляются белки. На губах мелькает улыбка.

– Тебя влечёт опасность? – переспрашивает он.

«Ну и голос!» – проносится в мыслях Тьерни. Будто в ответ на звук потустороннего голоса, вокруг снова темнеет, остаётся только подсвеченное серебристым туманом лицо.

И глубокие, как пропасть, глаза.

– Да, – не моргая, коротко отвечает Тьерни.

Юноша из отряда фей смерти отстраняется от парашюта, выпрямляясь во весь свой высокий рост, и шагает к Тьерни, улыбаясь всё шире.

И она снова проваливается в чёрную пропасть, будто захваченная силой полночного потока.

– Ты уверена? – звучит его голос возле её уха. Горячее дыхание опалает кожу, эхо резонирует со струнами её водной магии.

Мир сжимается до единственной точки – чёрной.

И всё же Тьерни не сдаётся, борется против на удивление притягательной силы, так похожей на потоки тёмной воды у речного дна.

– Зачем ты пытаешься меня зачаровать? – спокойно спрашивает она, не закрывая глаз и не отводя взгляда.

– Из любопытства, – с мрачной улыбкой отвечает он. Чуть нахмурившись, он будто отвлекается на какую-то находку внутри Тьерни. – Мне интересно, чего ты боишься.

– Значит, это правда? – запальчиво произносит Тьерни, старательно отгоняя мысли о том, что именно в это мгновение юноша выглядит на редкость привлекательно. – Ты демон и хочешь проглотить меня целиком?

Он лишь усмехается, а Тьерни снова вздрагивает от озноба. Однако улыбка на его лице тут же тает, и взгляд становится пронизывающим насквозь, полным вызывающей магии.

«Тьерни Каликс».

Тьерни замирает от удивления: его голос звучит у неё в голове!

Она собирает магию в мощное облако и выдыхает бурю, пытаясь отбить невидимое вторжение.

– Уйди из моей головы! – отрывисто приказывает она, отгоняя острые ледяные иглы страха.

Их силы сталкиваются. Никто не хочет уступать, тёмная волна бросает вызов штормовому приливу.

– Никто не в силах противиться смерти, – скалит зубы в усмешке юноша, не поддаваясь бурному ветру магии воды. – Пугливым не стоит смотреть ей в лицо.

– Назови своё имя! – требует Тьерни.

Она больше не боится, чужие чары ей не страшны.

Моргнув, он кривит в короткой усмешке чёрные губы, не ослабляя давления на её стену бури.

– Вайгер, – наконец признаётся он. – Вайгер Маул.

– Вот что, Вайгер, – не скрывая гнева, отвечает Тьерни, – я не пуглива, запомни. А лезть ко мне в голову не надо, мои мысли – только моё дело. А попытаешься, дам сдачи. В два раза сильнее, чем ударишь ты.

Он резко отступает. Волна магии Тьерни, ничем не сдерживаемая, врывается в освободившееся пространство. Тёмная фигура теперь стоит в окружении грозových облаков, в которых то и дело вспыхивают молнии, освещая лицо юноши.

Пауки, скорпионы и змеи устремляются к хозяину и исчезают за воротом и обшлагами мундира, словно их и не было.

– Я не управляю чужими мыслями, – наконец произносит он с отзвуком горечи.

– А мне говорили, что ты питаешься чужими страхами.

– Нет. Я всего лишь считываю страх, – с горькой усмешкой поправляет он. – Это я умею лучше всего. Лучше, чем понимаю слова собеседника или истолковываю выражение лица.

В угольно-чёрных глазах мелькает бесконечная усталость.

«Он не старше меня, – мысленно охает девятнадцатилетняя Тьерни, – а кажется древним стариком».

– Что же ты узнал о моих страхах? – не сдержав любопытства, спрашивает девушка, хотя в глубине души и понимает, что это опасная игра. Гораздо опаснее, чем келпи.

Юноша мимолётно улыбается одними губами, глаза смотрят грустно и сурово. Зрачки расширяются, вытесняя белки глаз, серебристый туман поднимается к грозовым тучам.

«Ты боишься Фогеля, – звучит у Тьерни в голове. – И правильно. Его следует бояться. Ещё ты боишься за всех, кого любишь».

Услышав этот глубокий, звучный, но неслышимый для окружающих голос, Тьерни безотчётно напрягает все мышцы.

«Ты боишься, что никто никогда не увидит тебя такой, какая ты есть, – шелестит бархатный голос. – Боишься остаться одна, не найти свой дом, свою страну, свою стаю».

Юноша мрачнеет, приближает губы к её губам, на его лице мелькает тень сострадания.

«Ты никогда не избавишься от этих страхов, фея воды. Нельзя получить и то и другое. Ты предпочтёшь одиночество».

Тьерни отшатывается, будто от короткого удара. Её сердце пронзает горечь, магия воды бурлит от непонятной силы.

– Хватит, – тихо обрывает она его речь. Сколько уязвимых точек отыскал в ней этот юноша. И как быстро!

Его чёрные губы приоткрываются, как будто удивляясь неожиданной находке. Лоб собирается гармошкой, в глазах появляется сочувствие.

«Ты боишься, что не найдёшь истинной любви».

– Хватит, оставь меня в покое, – отступая на шаг, требует Тьерни.

«Не могу. – Эти слова звучат почти печально. – Не чувствовать и не читать чужой страх для меня всё равно что не дышать».

– Тогда отойди от меня, Вайгер.

Окружившая их сила меняется. Вайгер выпускает чёрные когти, и тьма, которую он выпустил прежде, сливается с грозовыми тучами, впитывается в них, становится чёрным дымом.

– Ты пришла ко мне, – огрызается он. – Сама попросила взглянуть на твои страхи и рассказать, что я увидел.

«А теперь смотри, фея воды, и слушай!» – Голос снова звучит в голове Тьерни.

И она видит всё: все страхи, каждое ужасное мгновение жизни, всё, чего боится найти в будущем, – всё поднимается в ней, будто подхваченное ураганом.

В три года её разлучили с родителями.

Каждый раз, играя в детстве с водой и призывая магию фей, она боялась, что её увидят гарднерийцы.

Тот страшный день, когда Фогель пришёл к власти.

День, когда она обнаружила любимых келпи мёртвыми в озере, утыканными железными копьями.

Ужасные картины, которые показывали ей келпи, гибель пытавшихся бежать из Гарднерии фей, не прошедших проверку железом на границе.

Дитя огненных фей с железной стрелой в голове.

И видение: армия драконов Фогеля над горами Во, войско приближается к Вивернгарду, но никто на островах не в силах остановить неумолимое зло.

Её родные и друзья гибнут в когтях бездушных драконов.

Неуправляемый ужас охватывает Тьерни и затягивает всё глубже. Она задыхается, теряет способность мыслить, всё её существо превращается в один сплошной страх.

Испустив сдавленный крик, она отрывает взгляд от юноши в чёрном и разрывает навязание. Бросив на него обвиняющий взгляд, она видит в его глазах боль раскаяния. Но у неё больше нет сил.

Развернувшись, Тьерни бежит прочь.

В тот вечер Тьерни ещё раз выходит на террасу над рекой, её отчаянно тянет к вздымающимся волнам могущественной Во. После встречи с юношей из отряда фей смерти успокоить растревоженные страхи не просто.

Тьерни облакачивается о перила каменной террасы. Налетевший с реки прохладный ветерок развеивает её длинные локоны. Волны, словно утешая водную фею, ласково и уверенно катятся к её ногам. Река будто понимает Тьерни, утешает её.

Девушка грустно вздыхает в ответ.

Подсвеченные сапфировыми рунами корабли летят над островом и чернильно-чёрными водами реки Во. За широкой рекой вздымается спиралью второй остров Вивернгарда – северный. Южную и северную части военной академии соединяют переходы, огромные, как ступеньки большой лестницы.

Обернувшись на восток, Тьерни видит мерцающий огнями город Волой – столицу земли Ной. Город ярусами поднимается над морем, встроенный в отвесную стену горной цепи Волой, невероятно высоких гор, отгораживающих восточное побережье от других земель.

На западе любопытному взгляду Тьерни предстают тёмные огромные горы Во. Они вздымаются к небу на западном берегу реки Во, превращаясь в высокую стену и отлично защищая земли Ной от любых угроз с запада. Жилонильские драконы давно создали над горами Во вечные грозы, чтобы помешать незванным гостям. Из тёмных туч то и дело вырываются синеватые молнии.

Тьерни знает, как драконы создали эту грозную цепь над горами.

Это случилось во времена Войны миров, чтобы спастись от Чёрной Ведьмы.

Крепко взявшись руками за парапет, фея воды рассматривает горы Во, город Волой и горную цепь на западе. Так ли неуязвим город? Нет ли где слабого места?

У подножия гор Во войска страны Ной поставили руническую границу, которая тянется по западному берегу реки Во на север и юг, огибая все земли Ной. Отсюда пограничные руны сливаются в синюю ленту, но вблизи наверняка они похожи на стену выше кафедрального собора в Валгарде. Над землями Ной соткан из рун тонкий купол, едва заметный, однако непроницаемый для врагов. Кроме того, магия купола позволяет кораблям летать и освещает целый город.

Тьерни запрокидывает голову и прищуривается, чтобы различить в ночном небе слабое мерцание рун, заметить почти прозрачные руны, образующие поверхность купола.

Она хмурится всё сильнее: «Достаточно ли этой магии, чтобы не допустить Фогеля на земли Ной?»

Шею сзади покалывает, а значит, кто-то проникает сквозь её щит водной магии и наблюдает за ней.

Тьерни оборачивается, быстро обводит взглядом широкую, залитую тусклым светом фонарей террасу. Военные стажёры в трин прогуливаются парами и поодиночке, восхищаясь великолепными видами, да и просто наслаждаясь близостью самой широкой и мощной из рек.

Никто из праздношатающихся не смотрит на Тьерни – она стоит поодаль, скрытая густой тенью.

И всё же кто-то наблюдает за ней. Шею непрерывно покалывает сзади. Водная магия бурлит, выискивая верное направление, словно стрелка компаса.

Тьерни оглядывает высокую стену и наконец обнаруживает источник тревоги: на лапе дракона – огромной статуи, вырезанной из обсидиана у основания острова, – сидит тёмная фигура.

Её охватывает безудержное любопытство, водная магия замирает в ожидании нападения. «Вайгер Маул».

Он кажется совершенно обыкновенным, вот только сидит необычно, попирая законы притяжения – устроился на огромной, высеченной в скале скульптуре, будто паук. Закруглённые рога с его головы исчезли, остались только короткие, торчащие ёжиком волосы.

Тьерни внутренне сжимается, ожидая нападения или голоса Вайгера, горьких картин страха, однако... однако ничего не происходит.

Девушка молча выдерживает пристальный взгляд чёрных глаз, которые, кажется, заглядывают ей в душу. Неужели за обедом ей рассказали правду?

Стажёры ву трин со знанием дела сообщили, что феи смерти всегда упорно преследуют тех, кто чем-то вызывает их интерес, и в конце концов лишают жизни самым ужасным способом. Неужели, привлекая внимание фей смерти, мы зовём саму смерть?

Верить в это не хотелось. Однако вот он – Вайгер Маул. Снова здесь и не сводит с неё глаз.

Тьерни ждёт тёмного наваждения, сильных чар, однако Вайгер вежливо сдерживает свою магию. Вскоре, так и не отведя глаз, он превращается в струйку чёрного дыма и сливается с массивной такой же чёрной скульптурой дракона.

Тьерни печально вздыхает, не очень удивляясь его способности исчезать, обратившись дымом.

Она находит в себе силы усмехнуться. «Разве ты хочешь, чтобы он вернулся?» Странный вопрос, который она к тому же задала себе сама, застаёт врасплох. Неужели её влечёт к этому юноше, который совсем недавно намеренно мучил её?

«А что он, в сущности, такого сделал? Просто показал мне мои собственные страхи».

Тьерни долго смотрит туда, где он только что сидел, не зная, появится ли вновь знакомый силуэт. Как странно! Он взбудоражил её скрытыми страхами, одновременно породив желание увидеть его снова!

В следующий раз она не убежит.

С другой стороны, её заслон водной магии тоже пытаются нарушить. Кто-то ещё требует внимания: Тьерни ощущает всплеск чужой магии, тоже водной, чувственной.

– Собираешься взять сородича смерти в любовники? – произносит кто-то звучным, глухим голосом на языке фей-акви.

Это бесцеремонное вторжение царапает Тьерни будто острой льдинкой.

К тому же она сразу узнаёт голос.

Стремительно обернувшись, она без удивления видит перед собой величественную фигуру Фийордина Лира – высокого, невероятно красивого, чья кожа отражает мерцание речной воды. Тьерни опускает взгляд на свою руку, лежащую на каменном парапете.

Удивительно! На её коже тоже отражаются переливы речных потоков, тёмное течение создаёт крошечные водовороты.

Стараясь не показать изумления, Тьерни поднимает взгляд на Фийордина. Он катает на ладони водный шар, расслабленно и дерзко прислоняется рядом с ней к парапету. Тёмные губы Фийордина складываются в усмешку, а глазами он явно указывает на что-то у неё за спиной, будто предлагая взглянуть.

Проследив за его взглядом, Тьерни с удивлением ощущает новый всплеск своей водной магии.

Вайгер материализовался на дальнем конце террасы, теперь он сидит на каменном парапете, не сводя глаз с Тьерни.

И снова растворяется чёрным дымом, уходит спиралью в ночное небо.

– Полагаю, он очарован, – насмешливо тянет Фийордин, вбирая водный шар в ладонь.

Тьерни пытается ответить недовольным взглядом, не поддаваясь обаянию красавца, но это невозможно. Хорошо хоть, вечером он оделся: сапфировый мундир Вивернгарда обтягивает его мускулистые плечи. Тьерни стбит некоторых усилий отогнать воспоминания о мощном теле, скрытом военной формой.

– Хорошо, что ты оделся, Фийордин, – фыркает она в попытке доказать, что вовсе не находит его привлекательным, но сердце её предательски стучит, а магия рвётся к нему, щёки заливают румянец.

Фийордин вопросительно приподнимает брови, но даже такое выражение его лица приводит Тьерни в ступор.

– В Западных землях мужчины не разгуливают без одежды, – со вздохом поясняет она. – Меня вырастили гарднерийцы. И я переняла их манеры. Такая уж я порочная, ничего не поделаешь.

В глазах Фийордина вспыхивает огонь, губы сжимаются в тонкую линию, а мощная водная магия бурлит отражением воды Во. Впрочем, Во отражается и в Тьерни.

– Что тебе нужно, Фийордин? – наконец спрашивает она, отводя взгляд от переменчивой кожи его рук. – Мне показалось, утром меня изгнали из отряда водных фей.

Фийордин снова поворачивается к парпету и пристально всматривается в реку Во. А река, кажется, смотрит на них.

Похоже, река приняла и Фийордина, и Тьерни.

– Я не хочу прогонять тебя.

Его тёмно-синие глаза вспыхивают, обратившись на Тьерни, проникая сквозь её магическую защиту.

В её груди разгорается обида, будто в ответ на его чары.

– Я думала, вы меня не приняли, – срывающимся голосом произносит она на всеобщем языке.

Губы Фийордина вздрагивают, во взгляде, пусть неохотно, но всё же мелькает досада, разочарование. Он снова отворачивается к реке, явно недовольный и «своей» Во. Его чувства отражаются в потоках магии и не остаются тайной для Тьерни.

– Ты наша. Мы твой народ, – уверенно произносит он на языке фей-акви. Он явно не привык извиняться, и эти короткие фразы – всё, что он способен сказать.

Тьерни упрямо не сводит с него глаз, и Фийордин оборачивается. Ах, если бы она могла взять его сейчас за руку тем самым приветствием фей-акви, как утром, но не здороваясь, а чтобы показать, какая буря разразилась в её душе.

Ну уж нет! Так не извиняются, и незачем тратить на всяких наглецов драгоценное время. Уж лучше перелететь через парпет и провести ночь на дне реки Во, в её крепких объятиях.

– В тебе дремлет огромная сила, – произносит Фийордин, и в темноте его голос звучит ещё таинственнее, чем прежде. Тьерни неохотно поднимает на него взгляд и с удивлением видит, что Фийордин смотрит в усыпанное звёздами небо. – Готов поспорить, ты могла бы управлять погодой.

В ответ на его многозначительный взгляд Тьерни только судорожно втягивает ночной воздух. Погоду она портить умеет, но хаотично, повинувшись бурным переживаниям, вряд ли так «управляют» погодой, разве что в насмешку.

– Я умею менять погоду, – наконец признаётся она. – Но... мои силы... очень изменчивы... капризны. – От воспоминаний о недавних событиях у неё перехватывает горло. – Из-за моей связи с погодой родные мне люди не раз оказывались в страшной опасности.

Сколько раз, забывшись, она вызывала грозовые облака, или дождь, или даже небольшие снежные бури! И всегда рядом оказывались гарднерийцы, выискивая виновных в поисках фей.

Тьерни с трудом загоняет горькие воспоминания поглубже.

«Давай-давай. Прячь свои страхи, вместо того чтобы встретить их лицом к лицу!»

Перед мысленным взором Тьерни встаёт насмешливое лицо Вайгера, его рога, чёрные губы и бездонный взгляд.

Фийордин очень внимательно следит за ней, не упуская ни слова, ни жеста. В его глазах больше не вспыхивают дерзкие искорки. Он такой, какой есть. Как же странно на него смотрит

реть – такого свободного, не скрывающего ни переливчатой кожи, ни остроконечных ушей. Он ничего не боится. К его предплечьям пристёгнуты рунические клинки. Один взгляд на него заставляет Тьерни трепетать.

– Ты вырос в Западных землях? – спрашивает Тьерни и мысленно задаётся вопросом: сколько же времени должно пройти, пока она не привыкнет без страха пользоваться своей магией? И каждый всплеск её магических сил не будет сопровождаться желанием убежать, спрятаться, искать защиты?

Даже её келпи почти всё время проводят под водой, опасаясь выйти на берег.

Прячутся.

До сих пор.

– Нет, я рос не в Западных землях, – признаётся Фийордин, напряжённо вглядываясь в горы Во и грозовые облака над ними. – Моя семья выбралась на восток до начала Войны миров. Из всех знакомых моим родителям семей акви выжили только мы. – Наконец он находит в себе силы взглянуть на Тьерни. – Я вырос здесь, вместе с родителями и братом.

– У тебя есть семья? – восклицает Тьерни. Она до сих пор слышит голос матери, зовущий её по имени на прощание, оставляя под защитой друзей-гарднерийцев.

Приёмные родители рисковали жизнью, спасая маленькую Тьерни вместе с братом во время облав, когда искали и уничтожали фей.

Пытаясь справиться с охватившим её при этом воспоминании безумием водной магии, Тьерни смотрит на каменный пол и отчаянно моргает, чтобы не дать пролиться подступившим слезам. Над её головой собираются грозовые облака, сверкают молнии, но, как ни старайся, не спрятать таких острых, незабываемых переживаний от того, кто стоит рядом с ней, чьи родители живы.

Он никогда не сможет понять всех ужасов Западных земель.

Никогда.

– Останься в нашем отряде, Asrai'il, – говорит Фийордин, и Тьерни с удивлением отмечает новые нотки в его голосе: он ей сочувствует? Тёмные, как речная вода, глаза устремлены на волны Во, металлические кольца в его ушах мерцают в призрачном свете рун.

– Что, меня опять можно назвать Asrai'il? – ехидно спрашивает Тьерни. Но её голос предательски срывается, и она молча утирает слёзы.

И всё же она рассеивает грозовые облака, вновь подчиняя себе водную магию.

Впрочем, подчиняя почти полностью.

И снова поднимает взгляд на Фийордина.

– Я верна Вивернгарду, – искренне произносит она на языке фей-акви. – И своему народу тоже верна. Что бы ни случилось. Даже если меня будут презирать, когда я говорю то, что думаю.

– Я вовсе не презираю тебя. – Фийордин шагает к ней, его водная магия заключает Тьерни в невидимое кольцо объятий. – Останься в нашем отряде, Тьерни. Я помогу тебе овладеть магией фей. И научу сражаться, используя верное оружие.

Однако убедить Тьерни не так-то просто.

– Тристан Гарднер – мой друг! И таковым останется.

Магия Фийордина вспыхивает гневом, таким же ярким, как гнев Тьерни.

– Гарднерийцам нет места в Восточных землях! – провозглашает Фийордин.

Тьерни угрюмо хмурится. Налетевший с реки ветер гладит её шею, ерошит волосы.

Её охватывает необъяснимое желание оказаться вместе с друзьями из университета в Верпаксе. И неважно, что они такие разные и со своими странностями. Однако теперь это невозможно. Сейчас с ней рядом только непримиримый Фийордин. Тристан где-то на северном острове и с ним, похоже, разговаривают только феи смерти. Ликаны ушли в военный лагерь ву трин куда-то на северо-восток, Винтер прячут амазы.

Элорен и Айвен остались в тисках Гарднерии, где правит Фогель, где растёт зло и тьма. Тьерни раздражённо оглядывает Фийордина.

Как можно быть таким упрямым!

И всё же... с Фогелем им удавалось сражаться, только когда они были все вместе.

Позабыв о разногласиях.

Быть может, сейчас ей предстоит научиться бороться бок о бок с упрямым Фийордином, хотя он смертельно ошибается, не представляя, как трудно побороть зло, которое несёт Фогель.

Все эти мысли проносятся в голове Тьерни, пока она следит взглядом за бурными водами реки Во.

Фийордин смотрит на неё с прежним недовольством, их водные магии сталкиваются, как бурные потоки.

– Фийордин, – медленно произносит Тьерни на языке фей-акви, – на западе я состояла в группе Сопrotивления вместе с Тристаном Гарднером, его братом и сестрой. С нами были зачарованные феи. Амазы. Ликаны. И икариты. Мы уничтожили военный лагерь гарднерийцев. Освободили несломленного дракона. Вывели уцелевших ликанов из Западных земель. Мы действовали вместе, поодиночке мы бы не справились.

Фийордин упрямо качает головой.

– Выслушай меня, – настаивает Тьерни. – Я не могу позволить себе ненавидеть всех и каждого. И для тебя это тоже роскошь, поверь. Гарднерийцы делят народы на благословенных и на Исчадий Зла. Если мы последуем их примеру, нам никогда не победить.

– Наверное, на гарднерийцев мы с тобой всегда будем смотреть очень по-разному, – отвечает он.

Фийордин колеблется. Его водная магия бурлит и бушует. И эти мысли тревожат Тьерни: выходит, ей стоит опасаться за судьбу Тристана, приёмных родителей-гарднерийцев и за брата?

Откуда-то долетает лёгкое, словно пёрышко, волшебство, проникая даже в бурный поток водной магии. Тьерни поднимает голову и смотрит вверх, за спину Фийордина.

Вайгер Маул сидит на ониковом выступе, пристально глядя на неё, однако Тьерни слишком взволнована, чтобы обращать внимание на его появление.

«Ну давай! – думает она, не сводя глаз с Вайгера. – Вот мои страхи, все перед тобой. Я ничего не скрываю».

Тьерни переводит взгляд на Фийордина, неумолимого, неприступного, не забывая о присутствии Вайгера. Придётся мериться силой с Фийордином, сдаваться нельзя.

«Интересно, – в раздражении к Тьерни приходят странные мысли, – а что будет, если я проведу побольше времени с Вайгером? Вытащу из самых дальних уголков памяти все страхи, ничего не тая? Покажу всё самое жуткое и тёмное. Наверное, я испытаю облегчение. Проклятое, но всё же облегчение».

Из этого может получиться отличная подготовка к вторжению Фогеля.

– Ты не понимаешь, что нам предстоит, – с ужасом отгоняя картины возможного вторжения, говорит Фийордину Тьерни. – Если бы понимал, не тратил бы времени на драки и споры с союзниками, не обращал внимания на их несовершенства. – Она подходит к нему ближе, не сводя с него горящих гневом глаз. – Мы должны сражаться вместе. Нужны все силы. Иначе Фогель сожрёт нас, и тьма поглотит нас всех без остатка.

Их магические волны сталкиваются на вершине ярости, не щадя сил.

Тьерни отводит взгляд от Фийордина, ей вдруг хочется оказаться подальше от него. И подальше от Вайгера Маула. Уйти от всех, кроме реки.

Фийордин молча смотрит, как Тьерни хватается за каменные перила, подпрыгивает и, без труда удержав равновесие, вскинув руки, ныряет в реку Во.

Ощувив всем телом прохладную воду, она не плывёт под струями, держась ближе к поверхности, не ныряет и иногда даже всплывает на поверхность, как прежде, когда играла в волнах, радуясь возвращению к водной стихии.

О нет.

Тьерни стрелой опускается в самые тёмные речные глубины. Она на дне, касается ладонями песка, становясь сильнее от нежных объятий прижимающей её к песку воды.

Повернувшись на спину, Тьерни ложится на дно, на мягкий речной песок.

«Эргия».

Тьерни вдыхает чистую речную воду, втягивает её глубоко в грудь.

Как прекрасно почувствовать речную жизнь, другую, не зависящую от Вивернгарда и от земель Ной!

С каждым вздохом она ощущает течение реки, связанная с ней, как с огромным живым организмом. На мгновение её тело сливается с водой и распадается на тысячу частичек.

Что, если остаться здесь навсегда? Стать рекой?

Однако прозрение наступает очень быстро.

Нечто чужеродное проникает в воду, пусть далеко, в потоках, которые вливаются в Во. Где-то происходит что-то почти неуловимое. Едва заметное.

Далёкие щупальца тьмы проникают в воды планеты.

Медленно, неторопливо.

Жизнь отшатывается от капли тёмного яда, растения устремляются прочь, насекомые летят на сушу, рыба ищет чистую воду.

Ощувив опасную перемену обострившимся чутьём, Тьерни мгновенным всплеском магии возвращает себе материальное тело.

Замерев на дне, она прислушивается.

Из глубин памяти всплывает образ мёртвого дерева, о котором ей так давно говорила Эллорен, рассказывая о Фогеле, тьме и его невероятной магической силе.

Мёртвый лес.

Тьерни вспоминает, как однажды встретила с тёмной силой: это случилось в ту ночь, когда альфсигрские убийцы пришли за Винтер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.